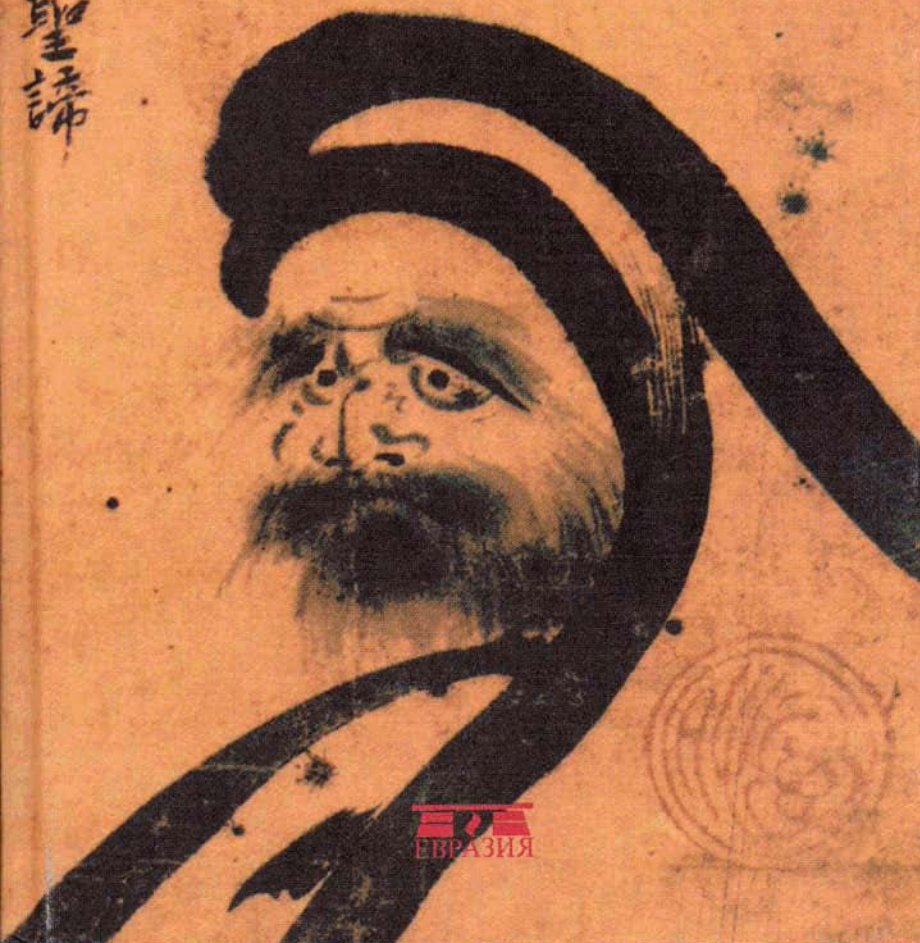

郭然箭射聖諦

ПЯТЬ ДОМОВ ДЗЭН

THE FIVE HOUSES OF ZEN

Translated and edited by
Thomas Cleary

SHAMBHALA
Boston & London
1993

ПЯТЬ ДОМОВ ДЗЭН

Составление и редакция
Томаса Клири

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург
2001

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит

*Кипрушкина
Вадима Альбертовича*

Перевод с английского:
Котенко Р. В.

Пять домов Дзэн. Перевод с английского Котенко Р. В. —
СПб.: Евразия, 2001. — 256 с.

Вследствие самой природы и истории дзэн-буддизма не существует ни определенной программы обучения, ни стандартного учебника классического учения. Большая часть материала, который бы потребовался для создания истории дзэн-буддизма в общепринятом смысле слова, фактически отсутствует. Но среди поистине бесчисленного множества признаваемых сочинений, созданных многими и многими наставниками и школами, возникшими и уходящими в небытие за долгие столетия истории дзэн-буддизма, безусловно, выделяются те, что составили изначальный свод классических дзэнских историй и связываются с так называемыми «Пятью домами дзэн-буддизма».

Публикуется по соглашению
с SHAMBHALA PUBLICATIONS, INC.
(P. O. Box 308, Boston, MA 02115, USA)
и Лицензией Александра Корженевского (Россия)

ISBN 5-8071-0068-9

© Thomas Cleary, 1993
© Котенко Р. В., перевод, 2001
© Лосев П. П., оформление, 2001
© Издательство «Евразия», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ДОМ ГУЙ—ЯН	27
БАЙ—ЧЖАН	29
ГУЙ—ШАНЬ	49
ГУЙ—ШАНЬ И ЯН—ШАНЬ	59
СУНЬ—ЦЗИ	67
ДОМ ЛИНЬ—ЦЗИ	83
ХУАН—БО	85
ЛИНЬ—ЦЗИ	95
ЮАНЬ—У	107
ДОМ ЦАО—ДУН	119
ЯО—ШАНЬ	121
ЮНЬ—ЯНЬ	125
ДУН—ШАНЬ	128
ХУН—ЧЖИ	148
ДОМ ЮНЬ—МЭНЯ	169
СЮЭ—ФЭН	171
ЮНЬ—МЭНЬ	176
МИН—ЦЗЯО	186

СЮЭ--ДОУ	197
ДОМ ФА--ЯНЯ	203
СЮАНЬ--ША	205
ГУЙ--ЧЭНЬ	211
ФА--ЯНЬ	214
ЮН--МИН	237
ПРИЛОЖЕНИЯ	255
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	
САНСКРИТСКИЕ ИМЕНА.....	257
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	
КИТАЙСКИЕ ТЕРМИНЫ	258
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	
ТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ	260
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	
ДЗЭНСКИЕ ИСТОРИИ	267

ВВЕДЕНИЕ

Когда после падения династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) буддийское учение утвердилось в Китае, оно высвободило огромный творческий потенциал народа, сдерживавшийся в течение столетий. Четыре века главное направление китайской культуры было стиснуто в узких рамках ортодоксального конфуцианства, в котором правящий дом Хань находил опору и поддержку своему владычеству.

Немаловажным следствием появления буддизма в Китае стало и развитие даосизма, исконной духовной традиции страны. Даосизм обрел высокую религиозную и литературную утонченность и стремился подражать необычайно богатой интеллектуальной и эстетической выразительности буддизма. Тем не менее, несмотря на быструю экспансию даосизма, китайское общество, ставшее в постханьскую эпоху куда более интернациональным, нашло буддийское учение в высшей степени привлекатель-

ным. Так в живой синкретической культуре нового Китая обе религии существовали бок о бок, заимствуя друг у друга.

Пока китайские интеллектуалы с упоением предавались изучению буддийской литературы и постижению буддийской учености, буддийские учителя принимали активное участие в восстановлении и духовном возрождении территорий, истощенных войнами за столетия беспрестанных конфликтов, следовавших за крушением казавшегося незыблемым порядка. Приходили к власти и исчезали в небытие недолговечные династии, влияние которых порой не распространялось за пределы окрестностей столичного города, но в конце концов китайские правители, взяв, видимо, пример с центральноазиатских, начали принимать буддизм в качестве официальной религии.

В отличие от конфуцианского учения буддийское было интернациональным по своему характеру и не имело специфических этнических и культурных черт. Буддизм, как и друидизм в доримской Европе, кроме того, что являл собой сокровищницу многих направлений человеческого знания, выполнял еще и роль посредника в отношениях между различными государствами и культурами на большей части Азии, причем даже — а возможно и особенно — в те времена, когда людям казалось, что на всем белом свете полыхают войны.

Расцвет буддизма в Китае имел, конечно, и свои отрицательные моменты. Как гласит дзэнская поговорка: «Одно приобретение, одна потеря». Когда буддийское учение широко распространилось по всему Китаю, стало получать огромные пожертвования и завоевывать сердца все большего и большего числа людей, к нему примкнуло немало бездельников, да и просто алчных и амбициозных невежд. Некоторые искали в буддизме богатства, другие — интеллектуальных развлечений, третьи рассматривали его как ступень к политической власти. Изобилие ритуалов и церемоний, литературы, наконец, методов управления, предложенных буддизмом, просто опьянило многих китайских аристократов и военачальников.

Результатом наплыва в Китай огромных потоков самой разной литературы из Центральной и Южной Азии стало появление собственно китайских школ буддизма, основывавших свое учение либо на отдельных важных текстах, либо на собственной классификации всего свода канонических писаний. Процесс этот начался уже в начале V в., а к концу VI в. первая синкретическая школа — Тяньтай — объединила несколько более ранних, но ограниченных по степени влияния школ.

Следующие три столетия стали свидетелями наиболее яркого и наиболее возвышенного и утонченного этапа эволюции, причем не только китайского буддизма, но и

культуры в целом. Это была эпоха царствования династии Тан (618—907), в которую Китай достиг пика развития цивилизации и которая явилась ярчайшим выражением гения народа.

В немалой степени расцвету китайской культуры способствовала активная политика императрицы У Цзэ-тянь (царствовала в 684—701 гг.), женщины незаурядной и одаренной, покровительствовавшей и конфуцианству, и даосизму, и буддизму, и видевшей во всех трех учениях неистощимые духовные начала, способные обогатить культуру и государство. Поощряла она и публичные дискуссии между представителями трех учений, дабы отбить у них охоту к благодушному пребыванию под государственным покровительством и спонсорством и выявить самое ценное и лучшее в каждом из них.

Именно в правление танской династии величайшие наставники эпохи оформили учение буддийских школ Чистой Земли, Тяньтай, Хуаянь, Чжэньянь (Мантра) и Чань (Дзэн). Школа Чистой Земли благодаря экстатическим сочинениям Шань-дао поднялась до невиданных высот мистического переживания; Чжань-жань в своих технических комментариях разработал систему утонченной практики сосредоточения школы Тяньтай; Фа-цзан в своих сочинениях блестяще разъяснил вселенную Хуаянь; тайны тантрического буддизма воплотились в эзотерическом искусстве Хуэй-го; а наставник Хуэй-нэн в своих бесе-

дах и проповедях непосредственно явил внутреннее сознание чань(дзэн)-буддизма.

Некоторые характерные особенности отличали дзэн от других школ. Одна из самых очевидных — огромное разнообразие способов выражения учения, причиной чего можно считать то, что дзэн изначально более строго следовал аксиоме буддизма Махаяны, согласно которой конкретные учения не могут быть универсальной основой для пробуждения всех и всякого. Хотя у дзэн и других буддийских школ много общего, они во многом отличны по способам организации, а также по принципам отбора и распространения своих учений.

Если рассматривать вопрос с практической точки зрения, то подходы и методы должны выверяться в соответствии с нуждами и способностями как общины в целом, так и каждого из ее представителей. Идея эта принадлежит не только дзэн-буддизму, она неотъемлема от всего буддийского учения. Именно по этой причине буддийские принципы и практики так широко варьируются; и их широта и гибкость нашли свое отражение в правилах, которых придерживались первые дзэнские наставники — вдохновлять учеников на переживание непосредственного индивидуального опыта и поощрять стремление избегать догматических клише.

Будучи учением прагматическим по своему характеру, дзэн-буддизм в своей интерпретации буддийских сутр

отказывался от мышления мифологического в пользу мышления аналогического. Дзэнские наставники трактовали сутры не как священное писание, в котором надлежит усматривать буквальные истины, но как компендиум потенциально полезных идей, взглядов и практик, выраженных порой ярким символическим языком. Выдающиеся учителя, настаивавшие на практическом подходе к сутрам и отвергавшие их многократное благоговейное повторение, истолковывали буддийские символы, опираясь на особого рода структурный анализ, в основе которого лежали те или иные аспекты и этапы переживания опыта пробуждения и понимания. Таким же образом интерпретировали они и неуклонно возраставшее собрание собственно дзэнских сочинений, в первую очередь историй и стихотворений.

Вследствие самой природы и истории дзэн-буддизма не существует ни фиксированной программы обучения, ни стандартного учебника классического учения. Большая часть материала, который бы потребовался для создания истории дзэн-буддизма в общепринятом смысле слова, фактически отсутствует. Впрочем, это вполне согласуется с духом изначального учения — учения, которое должно быть пережито в личном опыте, чтобы быть понятым, учения, выдающиеся представители которого по этой самой причине говорили больше о нуждах других, чем о себе.

Хотя в дзэн-буддизме нет общепризнанного канона как такового, некоторые сочинения и фрагменты, по которым можно судить о классическом учении, все-таки сохранились. Некоторые из них в периоды возрождения дзэн-буддизма находили то или иное применение; на них же во многом строилась и поистине неосбытная вторичная литература, интерпретировавшая и совершенствовавшая их. На отдельных частях и фрагментах этой вторичной литературы строили свое учение еще более поздние дзэнские движения. В конце концов превратившаяся в огромный, чрезвычайно запутанный и во многом искусственный свод, дзэнская литература во многом способствовала упадку дзэн-буддизма и утрачиванию того непосредственного индивидуального опыта, который лежал в его основе.

Среди поистине бесчисленного множества признаваемых сочинений, созданных многими и многими наставниками и школами, возникавшими и уходившими в небытие за долгие столетия истории дзэн-буддизма, безусловно, выделяются те, что составили изначальный свод классических дзэнских историй, и связываются с так называемыми «Пятью домами дзэн-буддизма». Пять домов, исторически представленные несколькими группами выдающихся учителей, появились в Китае в IX–X в.

Пять домов не являлись ни сектами, ни школами, хотя в последующем их стали воспринимать именно так. Хотя

великие наставники Пяти домов были блестящими учителями, а теоретические построения Пяти домов формировались, видимо, вокруг учений наставников, на самом деле нам практически ничего неизвестно ни об их частной, ни об их общественной жизни; не создали они и ничего из того, что можно было бы назвать «организацией». Короче говоря, Пять домов не были институционализированы, учения их не были догматизированы, а их основатели избегали участи кумиров.

Пять домов дзэн следующие, в порядке их исторического возникновения: дом Гуй-Ян, названный по имени наставников Гуй-шань Лин-юя (771–854) и Ян-шань Хуэй-цзи (813–890); дом Линь-цзи, по имени наставника Линь-цзи И-сюаня (ум. 866); дом Цао-Дун, по имени наставников Дун-шань Лян-цзе (807–869) и Цао-шань Бэнь-цзи (841–901); дом Юнь-мэнь, по имени наставника Юнь-мэнь Вэнь-яня (ум. 949); и дом Фа-яня, по имени наставника Фа-янь Вэнь-и (886–958).

Представленные в настоящей книге фрагменты учений Пяти домов начинаются с изречений Бай-чжан Хуай-хая (720–814), учителя Гуй-шань Лин-юя из дома Гуй-Ян. Хотя Бай-чжан считается непосредственным предшественником дома Линь-цзи, ему приписывается классическое дзэнское правило: «День без работы, день без пищи», которое призывает к независимости от мирского покровительства. Высказывания Бай-чжана

переполнены скриптуральными аллюзиями, что будет характерно и для последующих сочинений наставников домов Гуй-Ян и Линь-цзи.

Далее следуют фрагменты «Наставлений» Гуй-шаня, одного из самых ранних дзэнских сочинений. В правление династии Сун (960–1279) произведение это вошло в популярный учебник для начинающих учеников и в последующем стало объектом внимательного изучения и комментирования. Высказывания Гуй-шаня и его преемника Ян-шаня в передаче самых разных наставников вошли во многие классические антологии дзэн-буддизма, а кроме того, во многих собраниях дзэнских историй диалоги между двумя наставниками приведены в качестве классических примеров.

Относительно немного известно о более поздних наставниках дома Гуй-Ян, который через несколько поколений словно погрузился в безмолвие. Исключение составляет лишь чудом сохранившаяся запись Сунь-цзи, преемника Ян-шаня, пришедшего из Кореи, чьи высказывания присутствуют только в «Анналах зала предков», древнего дзэнского сочинения, утраченного в Китае, но сохранившегося (и, видимо, дополненного) в Корее.

Этот материал представляет особую ценность еще и потому, что в нем часто и наиболее удачно используются круговые символы, которыми, по преданию, славился дом Гуй-Ян. Согласно традиции, Ян-шань унаследовал уни-

кальную книгу символов от одного древнего наставника. Дабы избежать привязанности к конкретной вещи, Ян-шань сжег ее, но потом восстановил по памяти и вернул тому, от кого получил. Более о системе круговых символов ничего не известно, за исключением отдельных фрагментов, появляющихся в разных текстах. Комментарии Сунь-цзи до некоторой степени проясняют загадку круговых символов, особенно в той части, где речь идет о взаимосвязи буддийских сутр и дзэн.

Второй из Пяти домов дзэн-буддизма — дом Линь-цзи. Учение его представлено в настоящей книге отрывками из «Сущностного метода передачи сознания», приписываемого Хуан-бо (ум. 850), учителю Линь-цзи, по имени которого дом и получил свое название. По преданию, Хуан-бо был пробужденным от природы, но также считался и преемником великого Бай-чжана.

За фрагментами высказываний Хуан-бо следуют выдержки из «Линь-цзи лу», «Записей Линь-цзи», сочинения, представляющего собой одно из самых обширных собраний проповедей и бесед конкретного учителя за весь классический период истории дзэн-буддизма. Линь-цзи, следуя духу учения Бай-чжана и Хуан-бо, усовершенствовал некоторые из их формальных дидактических конструкций, а также улучшил «шоковые техники», призванные стимулировать непосредственный прорыв учеников за рамки обусловленного мыслью восприятия.

Дом Линь-цзи пришел в упадок почти сразу же после смерти его основателя и к пятому поколению уже фактически не существовал. Возродил его преемник Линь-цзи в шестом поколении, который учился у семидесяти с лишним дзэнских наставников, представлявших как все существовавшие в то время дома, так и другие школы. Возрожденный дом Линь-цзи достиг пика развития при дзэнском наставнике десятого поколения Юань-у (1063–1135), чье знаменитое сочинение «Основы сознания» стало дзэнской классикой. Фрагменты из этого сочинения также вошли в нашу книгу.

Дом Цао-Дун возник примерно в то же время, что и дома Гуй-Ян и Линь-цзи. Сочинения наставников этого дома оказались разбросанными и утерянными, и сохранилось лишь несколько диалогов и небольших текстов, приписываемых Дун-шаню и Цао-шаню. Однако собрание сочинений дома открывают высказывания предшественников Дун-шаня: Яо-шаня (745–828) и Юнь-яня (781–841). Согласно традиции, учение, воплощенное в знаменитой «Песне о сосредоточении внимания на драгоценном зеркале», переведенной здесь, принадлежит Яо-шаню и было передано Дун-шаню Юнь-янем.

Дом Цао-Дун особенно известен доктриной «пяти категорий», по преданию, позаимствованной Дун-шанем у Яо-шаня и переработанной его преемником Цао-шанем. В нашей книге переведено, пожалуй, самое блистательное

изложение Цао-шанем этой доктрины, которая прежде всего показывает взаимосвязь абсолютного и относительного в дзэнском опыте и распространяет ее использование на структурный анализ дзэнских высказываний и историй с тем, чтобы прояснить тот характер и уровень понимания, который они олицетворяют.

Школа Цао-Дун умерла после ухода из жизни последнего из наставников шестого поколения, но ее возродил учитель седьмого поколения дома Линь-цзи, которому последний наставник дома Цао-Дун передал секреты обучения. Последующее же возрождение дома Цао-Дун достигло апогея в учении Хун-чжи (1091–1157), одного из самых талантливых писателей и поэтов за всю историю дзэн-буддизма. Фрагментами из восхитительных сочинений Хун-чжи заканчивается глава, посвященная дому Цао-Дун.

Четвертый дом дзэн получил свое название по имени наставника Юнь-мэня, который учился у ученика Хуан-бо и обрел пробуждение еще до встречи с Сюэ-фэном, который традиционно считается главным дзэнским наставником Юнь-мэня. Сам Сюэ-фэн учился у Дун-шаня, принадлежавшего к дому Цао-Дун, и в последующем Юнь-мэнь поддерживал дружеские отношения с Цао-шанем, преемником Дун-шаня. Завершив обучение у Сюэ-фэна, Юнь-мэнь также некоторое время совершенствовал свое понимание у преемника Гуй-шаня из дома Гуй-Ян. Таким образом,

духовные нити соединяют дзэнский дом Юнь-мэня со всеми предшествовавшими ему по времени домами.

Открывают собрание сочинений дома Юнь-мэнь высказывания Сюэ-фэна (822–908) учителя Юнь-мэня и многих других известных наставников эпохи. Сюэ-фэн пережил первый опыт пробуждения в возрасте восемнадцати лет, но полное понимание обрел только к сорока пяти годам; в традиции он являет собой яркий пример дзэнской поговорки о том, что «для создания хорошего сосуда требуется много времени». В дальнейшем он привлек множество последователей, и, по преданию, у него было полторы тысячи учеников. До своей кончины он успел подготовить более пятидесяти пробужденных преемников, которые стали наставниками.

Юнь-мэнь, давший название дому, является одним из самых блестящих, глубоких и в то же время трудных для понимания наставников всей классической эпохи. В его беседах — бесчисленное множество цитат и вариаций на существовавшие в его время дзэнские сочинения. Одним из основных методов его школы, несомненно, было сосредоточение и медитация над дзэнскими историями и изречениями. Тем не менее, если верить традиции, Юнь-мэнь запрещал ученикам записывать свои слова, дабы они не подменяли заученным непосредственный опыт переживания реальности. И все-таки записи бесед Юнь-мэня есть, и даже более обширные, чем записи какого-либо другого

из основателей дзэнских домов. По преданию, их тайком сделал на бумажном одеянии один из преданных учеников наставника. Монахи иногда носили подобные одеяния, демонстрируя тем самым бренность всего сущего. Антология включает несколько лекций Юнь-мэня, в которых он достаточно прямо и ясно указывает путь постижения сущности дзэн.

У Юнь-мэня был шестьдесят один ученик, но о большинстве из них почти ничего не известно. Однако в следующем поколении преемник одного из его учеников стал не только известным дзэнским наставником, но и одним из ведущих писателей и интеллектуалов своего времени. Это был великий наставник Мин-цзяо (1008–1072), который писал не только религиозные и духовные сочинения, но и не обходил вниманием многие мирские проблемы. Мин-цзяо поддерживал обширные контакты с представителями конфуцианского ученого мира, и в немалой степени благодаря лично ему дзэн-буддизм оказал значительное влияние на формирование и развитие сунского неоконфуцианства. Некоторые из проникнутых глубиной и ясностью мысли сочинений Ми-цзяо по психологическим и духовным вопросам представлены в разделе «Дзэнский дом Юнь-мэнь».

В четвертом поколении наставников дома Юнь-мэнь появилась еще одна крупная фигура — прославленный Сюэ-доу, знаменитый писатель и поэт незаурядного та-

ланта. Традиционно считающийся возродителем дома, Сюэ-доу известен в первую очередь как автор поэтического комментария к дзэнским историям, включенным в классическое собрание «Записи Голубой скалы». Сюэ-доу приписывается также и еще одно поэтическое собрание, равно как и «Собрание водопадов», антология дзэнских историй с уже прозаическими комментариями, избранные фрагменты которой завершают раздел «Дом Юнь-мэня».

Последний из Пяти домов — дом Фа-янь. В одном из самых ранних собраний классических дзэнских рассказов говорится, что дом этот продолжает линию школы Сюань-ша (835–908), блистательного наставника танской эпохи. Родившийся в семье рыбака, Сюань-ша стал сначала учеником, а потом и сподвижником великого дзэнского наставника Сюэ-фэна, уже упоминавшегося нами в качестве духовного предшественника дома Юнь-мэня.

Собрание сочинений дома Фа-янь открывают изречения Сюань-ша и его преемника Гуй-чэня, учителя наставника Фа-яня. Затем следует полный текст классического сочинения Фа-яня «Десять руководств для дзэнских школ», в котором великий учитель — а по преданию у него была тысяча учеников и более шестидесяти пробужденных преемников — анализирует причины упадка учения и практики дзэн-буддизма и противопоставляет им фундаментальные принципы и изначальные идеалы дзэн.

Среди духовных наследников Фа-яня множество известных наставников, в том числе и Учитель государства Корё, объединенной Кореи, где учение дома Фа-яня пользовалось огромным влиянием. Другой его знаменитый ученик — Учитель государства Поздняя Хань в послетанском Китае* — сыграл немаловажную роль в восстановлении и духовном возрождении буддийской школы Тяньтай, из которой в свое время вышел дзэн-буддизм. Ему в свою очередь наследовал еще один прославленный наставник — Юн-мин Янь-шоу (905—976), считающийся также одним из патриархов буддийской школы Чистой Земли.

Янь-шоу возродил изучение общепбуддийских учений в контексте дзэн, равно как и постижение дзэн в контексте общепбуддийских учений. Он был, быть может, самым плодотворным дзэнским автором за всю историю. Особенно известен его стотомный компендиум «Записи изначального зеркала», в котором он сводит воедино все многообразие экзотерических буддийских доктрин и цитирует более трехсот классических источников.

Антологию сочинений пяти дзэнских домов завершают два отрывка из произведения Янь-шоу, принадлежавшего к дому Фа-янь. В первом содержится критика более чем

ста культовых искажений дзэн-буддизма — здесь автор продолжает дело Фа-яня и других наставников. Второе — наставления по приведению к гармонии двух базовых аспектов медитации, которые обычно именуют «прекращением» и «созерцанием» (или остановкой и видением) в контексте обусловленной практики, и сосредоточением и постижением (или сохранением и мудростью) в контексте эффективной реализации. Это одно из наиболее ценных руководств по медитации в литературе Пяти домов.

* После падения династии Тан Китай распался (на непродолжительное, правда, время) на отдельные государства. В историографии этот период получил название «У дай ши го» — «Пять династий и десять царств». Продолжался он с 907 по 959 гг. — *Прим. ред.*

ДОМ ГҮЙ-ЯН

БАЙ-ЧЖАН изречения

Необходимо различать слова, относящиеся к абсолютной истине, от слов, указывающих на истину относительную. Необходимо отличать суждения общие от суждений частных. Необходимо отличать язык совершенного учения от языка несовершенного учения.

Совершенное учение говорит о чистоте; несовершенное учение говорит о не-чистоте. Несовершенное учение разъясняет, отчего осквернены нечистые вещи, с тем чтобы устранить мирское; совершенное учение разъясняет, отчего осквернены чистые вещи, с тем чтобы устранить священное.

До того как Будда начал проповедовать начальное учение, люди не обладали видением, поэтому они остро

нуждались в том, кто бы исправил их. Когда проповедуешь перед ничем не слышащими и поглощенными мирскими интересами людьми, необходимо учить их отказываться от привязанностей, вести сдержанную жизнь, практиковать сосредоточение и развивать понимание. Но вряд ли следует говорить об этом людям сверх меры.

Люди, вступившие на путь самоочищения, уже полностью приняли дисциплину, по собственной воле. Они уже проникнуты силой дисциплины, сосредоточения и понимания; поэтому проповедовать перед ними таким образом — значит «говорить в неподходящее время», поскольку это не соответствует ситуации. Это также называется «неподобающей беседой».

Людям, вступившим на путь самоочищения, следует говорить об оскверненности чистых вещей. Их следует обучать отстранению от всех вещей: и существующих, и несуществующих. Их следует обучать отстранению от культивирования чего бы то ни было, от всякого опыта, и даже отстранению от отстранения.

Путь самоочищения заключается в том, чтобы освободиться от пут привязанностей. Если находящиеся на пути самоочищения не в состоянии освободиться от болезни алчности и ненависти, значит, они по-прежнему всего лишь ничего не слышащие и поглощенные мирскими интересами люди и их следует продолжать обучать сосредоточению и культивированию понимания.

Две низших колесницы кладут конец болезням алчности и ненависти и полностью устраняют их, однако пребывают в состоянии «не-желания» и считают это правильным. Это сфера бесформенного, заслоняющая свет полного пробуждения и проливающая кровь Будды. На этом этапе по-прежнему необходимо практиковать медитацию и углублять понимание.

Необходимо различать чистоту и не-чистоту. Есть много названий для загрязненных вещей: алчность, ненависть, страсть и так далее. Также есть много названий для чистых вещей: пробуждение, нирвана, освобождение и так далее. Но даже посреди этих двух потоков, чистого и загрязненного — посреди устоявшихся принципов мирского и священного, посреди форм, звуков, запахов, вкусов, чувств и вещей, посреди мирских вещей и запредельных явлений — непосредственное, отражающее все понимание не должно фиксироваться ни на чем.

Если освободился от захваченности и фиксации, если пребываешь в непривязанности и считаешь это правильным, это начальное добро, пребывание в подчиненном сознании. Так случается с учениками. Они привязаны к средствам и не могут освободиться от них. Таков путь двух низших колесниц. Таково следствие медитации.

Если человек более ни за что не цепляется, но так же не держится и за непривязанность, это — промежуточное добро. Учение Половины Слова. Это по-прежнему царство бесформенного; хотя человек избегает ловушки двух низших колесниц и избегает ловушки быть сбитым с толку, это по-прежнему «болезнь медитации». Таково бремя бодхисаттв.

Когда человек не цепляется за непривязанность и даже не мыслит о не-пребывании, это высшее добро, Учение Полного Слова. Он избегает ловушек царства бесформенного, избегает ловушек болезней медитации, избегает ловушек пути бодхисаттв и избегает опасности быть сбитым с толку.

Есть препятствия знания, препятствия состояния и препятствия действия: поэтому узреть собственную природу

Будды все равно что различить цвет во мраке ночи. Говорят, что обретение природы Будды позволяет покончить с двумя типами невежества: невежеством неуловимого знания и невежеством в высшей степени неуловимого знания.

Если сможешь пройти через три этапа — начального, промежуточного и высшего добра, — они более не будут сдерживать тебя. В этом смысле учение Будды подобно оленю, прыгающему трижды, чтобы освободиться из сети. Тогда тебя назовут «пробужденным, которого ничто не сдерживает»; ничто не сможет ни поймать, ни привязать тебя. Ты стал одним из будд, унаследовавших Светильник Будды. Это высшая колесница, высшее знание; это пребывание на Пути пробуждения. Ты стал Буддой, природа твоя озарена; ты — поводырь, способный задействовать неограниченную степень влияния. Повсюду беспрепятственно разливается пелликий свет.

Пробудившийся способен беспрепятственно использовать причинность добродетели и знания; он построил повозку, на которой можно везти причинность. Пребывая в жизни, он не задерживается в жизни; смерть не препятствует ему. Даже находясь в средоточии психических и физических элементов, пребываешь в таком

состоянии, словно широко распахнулись двери, так что все множество психических и физических элементов не сдерживает тебя. Ты волен покидать или оставаться, без малейших усилий выходить или входить. Если сможешь стать таким, не существует ни этапов, ни шагов, не существует ни высшего, ни низшего; все, вплоть до тел муравьев, есть земля незагрязненных чудес. Это непостижимо.

Все, сказанное выше, имеет одну только цель — освободиться от пут привязанностей. Как сказано в сутрах: «Они цельны сами по себе; не вреди им». Даже такие слова, как «Будда» и «пробужденные существа», приносят вред. Пока вообще говоришь о чем-либо, вне зависимости от того, существует оно или не существует, приносишь вред самому себе. «Существует это или не существует» относится ко всем вещам.

Пробужденные существа, пребывающие на десятой ступени, по-прежнему барахтаются в загрязненном потоке; они создают учение о чистом потоке, определяют черты чистоты и разъясняют привязанности не-чистоты.

В древности все десять великих учеников Будды обладали индивидуальностью и характером; благодаря Пробужденному они один за одним избавлялись от ошибок. На четырех ступенях медитации и восьми ступенях сосредоточения даже пристрастия святых распространяются на восемьдесят тысяч вечностей; цепляясь за то, что они практиковали, они были опьянены вином чистых вещей.

Поэтому ученики могут слышать учение Пробужденного, но не способны постичь дух высшего Пути. Вот почему говорят, что люди, отсекающие корни доброты, не обладают природой Будды. В сутрах говорится, что это — глубокая яма, ужасающее место; если сознание отступает хоть на мгновение, оно стрелой летит прямо в ад.

Мы не вправе говорить только об «уходе» или «не-уходе», поскольку даже такие божественные существа, как Маньджушри, Авалокитешвара и Махастхамаспрапта возвращаются к порогу вступления в поток и смешиваются с различными типами людей, чтобы вести их за собой.

Пока мгновенно отражающее понимание ничем не озабочено — ни существующим, ни не-существующим и

способно пройти сквозь три этапа и сквозь все вещи — и приятные, и неприятные, — то тогда даже если услышишь, что сто, тысяча или даже сто миллионов будд явились в мир, это все равно, как если бы ты ничего не слышал. И при этом ты не пребываешь в не-слышании, и не задумываешься о не-пребывании. В таком случае нельзя сказать, что ты ушел; ни измерения, ни расчеты не применимы к тебе. Вот что подразумевается в словах о том, что Будда всегда пребывает в мире, но при этом не привыкает к мирским вещам.

Говорить, что Будда поворачивает колесо Дхармы и потом уходит, — значит клеветать на Пробужденного, Дхарму и Сангху. Говорить, что Будда не поворачивает колесо Дхармы и не уходит, — значит точно так же клеветать на Пробужденного, Дхарму и Сангху. Как писал Сэн-чжао: «Путь пробуждения невозможно измерить: он настолько высоко, что ничто не пребывает выше; он настолько широк, что его ничто не может ограничить; он настолько глубок, что не имеет дна; он настолько всеобъемлющ, что его невозможно измерить. Даже просто говорить о нем подобно устанавливанию мишени с тем, чтобы вызвать на себя стрелу.

Когда мы говорим об отражающем понимании, даже это на самом деле неправильно. Различай чистоту посредством не-чистоты. Если говоришь, что мгновенно отражающее понимание истинно или что если есть еще что-либо за пределами отражающего понимания, все это — заблуждения. Если цепляешься за мгновенно отражающее понимание, это также равносильно заблуждению; это то, что называется «ошибкой естественности».

Если говоришь, что мгновенно отражающее понимание — это Будда в тебе самом, ты произносишь слова измерения, слова расчитывания; они подобны вою шакала. Это значит, что ты застрял в воротах, все равно что увяз в клею.

Поначалу ты не признавал, что внутреннее знание и понимание есть Будда в тебе самом, и блуждал повсюду в поисках Будды. Поэтому ты нуждался в наставнике, который поведал бы о внутреннем знании и понимании, как в лекарстве, которое бы излечило тебя от болезни безумного поиска вовне.

Теперь, когда ты больше не ищешь вовне, болезнь эта вылечена и необходимо отказаться от лекарства. Если будешь фиксировать сознание на внутреннем всепостигающем понимании, знай, что это дзэнская болезнь, которой страдают фанатичные и слепые ученики. Это подобно пре-

вращению воды в лед: лед тоже вода, но им невозможно утолить жажду. Это смертельно опасная болезнь, перед которой бессильны обычные лекари.

Никогда не было такого существа, как «Будда», поэтому не следует воспринимать его как Будду. «Будда» — это лекарство для погрязших в чувственных привязанностях людей; если ты не болен, не стоит принимать и лекарство. Когда и лекарство, и болезнь растворились, это подобно чистой воде; природа Будды подобна стеблям сладкого растения, тающим в воде, подобна меду, растворенному в воде, самому сладкому и вкусному. Но при этом сама чистая вода не затронута.

Дело не в том, что там ничего нет, ибо оно всегда было там. Истина эта изначально присуща каждому. Всех будд и пробужденных можно назвать существами, указывающими на драгоценность. В принципе, это не вещь; не нужно ни знать, ни понимать, не нужно ни утверждать, ни отрицать. Просто покончи с двойственностью, покончи с предположениями о существовании и не-существовании, о не-существовании и не не-существовании.

Когда не останется и следа от той или иной крайности, не будет ни недостатка, ни достатка; это не мирское и не священное, не свет и не тьма. Это не обладание знанием, но и не отсутствие знания. Это не зависимость, но и не освобождение. Это вообще не имя и не категория. Разве это не истинные слова? Как можно вырезать и полировать пустоту, чтобы вылепить образ Будды? Как можно говорить, что пустота синяя, желтая, красная или белая?

Сказано: «Реальность несравнима ни с чем, ибо нет ничего, чему ее можно было бы уподобить; тело реальности не создано и не может быть выражено никаким понятием». Вот почему сказано: «Реальность пробудившихся безымянна и не может быть выражена в словах; невозможно обитать у пустых врат истины, как она есть». Точно так же, как насекомое может сесть куда угодно, но только не на языки пламени сознание людей, погрязших в чувственных ощущениях, может устанавливать связь с чем угодно, кроме запредельного понимания.

Когда в поисках знания и понимания посещаешь разных учителей, значит, тебя обучал демон учителей, ибо появляются разговоры и суждения.

Если ты дал четыре вселенских обета, пообещав спасти всех живых существ прежде, чем сам обретишь спасение, то их будет блюсти демон знания пути пробужденных, ибо от клятвы нет возможности отказаться.

Если соблюдаешь пост и дисциплину, практикуешь медитацию и культивируешь проникновение, все эти добродетели доставляют страдание. Если проявляешь вовне обретение завершенности, совершенствуешь опыт пробуждения и спасаешь бесчисленное множество людей, это — действия демона добродетелей, поскольку возникают алчность и привязанность.

Если, пребывая среди вещей, полностью освободился от алчности, так что твоя постигающая сущность пребывает в одиночестве, покаясь в бездонном океане погруженности, более не поднимаясь на поверхность и не двигаясь дальше, это — демон сосредоточения, ибо ты будешь все время предан наслаждению им, лишенный желаний, пребывающий в безмятежности и покое, до полного исчезновения. Здесь все еще действует демон.

Если понимание не в состоянии сбросить опутывающие демонические сети, тогда, даже если ты постигнешь

сотню книг знания, все это — адские нечистоты. Если ты стремишься стать таким, как Будда, у тебя нет шанса уподобиться ему.

Когда слышишь мои слова о том, что не следует быть привязанным ни к каким вещам, хорошим или плохим, существующим или несуществующим, ты сразу же понимаешь это как погруженность в пустоту. Ты не понимаешь, что забыть о корнях и гоняться за ветвями — значит рухнуть в пустоту. Искать природу Будды, искать пробуждения, вообще искать что-либо, хоть существующее, хоть несуществующее, — значит забыть о корнях и гоняться за ветвями.

Что касается повседневной жизни — ешь простую пищу, чтобы поддерживать в себе жизнь, носи ветхую одежду, чтобы защитить тело от холода, а когда испытываешь жажду — зачерпни воды и выпей ее. Если кроме этого не будешь проявлять беспокойства ни о чем — хоть присутствующем, хоть отсутствующем, — в свое время обретишь покой и ясность.

Хорошие наставники не цепляются ни за существование, ни за не-существование; они полностью отказались от всякого рода демонических суждений. Когда они говорят, они не запутывают и не связывают других. Что бы они ни говорили, они не называют свои слова разъяснением учителя; речи их безошибочно наполняют все, как эхо долину. Они достойны доверия и дружбы.

Если кто-нибудь скажет: «Я могу разъяснить, я способен понять; я — учитель, а вы — ученики», — это то же самое, что загрязненные демоном суждения и бессмысленные речи. Если ты действительно увидел Путь, говорить «это Будда, а это не Будда; это пробуждение, это исчезновение, это освобождение» и так далее — значит вести бесполезный разговор о неполном знании. Поднимать палец и говорить: «Это дзэн! Это Дао!» — значит произносить речи, бесконечно сбивающие других с толку и опутывающие их. Они только усиливают привязанность учеников. И даже когда слова не произносятся, в них все равно есть ошибки.

Управляя сознанием, но не позволяя сознанию управлять тобой. В несовершенном учении есть наставник и

есть поводырь; в совершенном учении нет наставника, у истины нет господина. Если все еще неспособен найти прибежище в таинственном зеркале, тогда найди прибежище в совершенном учении. в таком случае сможешь хотя бы отчасти сблизиться с ним. Что же касается несовершенного учения, то оно годится только для ничего не слышащих и поглощенных мирскими интересами людей.

Сейчас же будь независимым от всего, есть оно или нет; но не цепляйся за независимость и не пытайся мыслить не-зависимость и не-пребывание. Это называется великой мудростью.

Только Будда является великим учителем, ибо нет никого другого. Все остальные зовутся посторонними, и то, что они говорят, — всего лишь пристрастные суждения.

Сейчас самое главное — положить конец двойственности. Не позволяй снедать себя алчности к чему бы то ни было, есть оно или нет. Что касается крепких пут привязанности, нет никаких особых речей или суждений, чтобы наставлять людей.

Если утверждаешь, что есть какие-то особые слова, которыми можно научить людей или что есть какое-то особое учение, которое можно передать людям, это ересь и слова демона.

Необходимо различать совершенное и несовершенное учение, запретительные и незапретительные речи, живые и мертвые слова, излечивающие и насылающие болезнь суждения, отрицательные и положительные сравнения, обобщающие и конкретизирующие выражения.

Говорить, что посредством самосовершенствования можно обрести природу Будды, что есть практика и есть понимание, что это сознание пробуждено, что само сознание и есть Будда — значит проповедовать учение Будды. Но это несовершенное учение. Есть незапретительные речи, есть обобщающие выражения, есть слова весом в один фунт и в одну унцию. Цель этих слов — выкорчевать нечистые мысли. Эти слова — положительное сравнение. Эти слова — мертвые. Эти слова — для обычных людей.

Говорить, что посредством самосовершенствования невозможно обрести природу Будды, что нет ни самосовершенствования, ни понимания, что нет ни сознания, ни Будды, — это тоже учение Будды. Это слова совершенного учения, запретительные слова, конкретизирующие слова, слова весом в десять тысяч фунтов, слова отрицательного сравнения и отрицательного наставления, слова, преследующие цель выкорчевать чистые вещи. Это слова для тех, кто продвинулся на Пути. Это живые слова.

Пока существуют словесные оболочки на протяжении всего пути, от самых врат до десятой ступени пробуждения — все загрязнено пылью учения. Пока существуют словесные оболочки, все пребывает в царстве страдания и беспокойства. Пока существуют словесные оболочки, все принадлежит к несовершенному учению.

Совершенное учение — это повиновение, несовершенное учение — это нарушение. Состояние Будды не ведает ни повиновения, ни нарушения; оно не примет ни совершенного, ни несовершенного учения.

Определяй плодородие почвы по росткам; определяй чистое посредством нечистого. Просто будь знающим, подобным зеркалу. Если будешь оценивать отражающее понимание с точки зрения чистоты, это уже не-чистота; но отсутствие отражающего понимания тоже не есть ни чистота, ни не-чистота. Это ни есть ни священное, ни не-священное. Более того, дело здесь не в видении нечистоты воды и не в разговорах о нечистоте воды. Если бы вода была чиста, о ней ничего нельзя было бы высказать; на самом деле, слова загрязнили бы воду.

Если есть вопрос, в котором не содержится вопроса, есть также и объяснение, в котором нет слов. Будда не разъясняет истину ради будд. В мире реальности, где все в одинаковой степени таково, нет Будды; никто не спасает живые существа. Будда не пребывает в состоянии Будды; это называется истинным царством блаженства.

Необходимо различать слова хозяина и слова гостя. Если тебя съедает жадность к чему бы то ни было — хоть существующему, хоть несуществующему, — все вещи будут сбивать тебя с толку и приносить страдание. Тогда твое собственное сознание превратится во властелина демонов, а его воспринимающие качества будут подобны насылающим заблуждение демонам.

Если твое мгновенно отражающее понимание ни за что не цепляется — ни за существующее, ни за несуществующее, ни за земное, ни за запредельное — и при этом не задумывается о пребывании и даже не пребывает в отсутствии понимания, то сознание твое есть Будда, а его воспринимающие качества подобны пробужденным существам. Тогда сознание властвует над психической обус-

ловленностью, а его воспринимающие качества пребывают в царстве преходящих феноменов.

Оно подобно волнам, которые все скажут о воде; оно без всяких усилий озаряет своим светом мириады форм. Если сможешь постигать безмятежно, проникнешь в сокрытую сущность, сквозь все времена. Как сказано: «Когда психические силы не воздействуют на восприятие, остается высшая сила, помогающая проникать повсюду».

Обычная способность людей к сознанию невелика, ибо они не проложили себе путь к пробуждению. Они крепко-накрепко и надолго приклеились к различным вещам. Даже если они постигнут сокрытую сущность, они не смогут воспользоваться ею как лекарством. Даже если они слышат слова, недоступные пониманию, они не в состоянии полностью принять их.

Вот почему Гаутама Будда провел сорок девять дней в молчаливом созерцании под деревом Бодхи, где он обрел пробуждение. Мудрость неведома и труднообъяснима, нет ничего, чему ее можно было бы уподобить.

Говорить, что люди обладают природой Будды, — значит клеветать на Будду, на Дхарму, и на Сангху. Говорить, что люди не обладают природой Будды, — тоже значит клеветать на Будду, Дхарму и Сангху.

Говорить, что есть природа Будды, — это называется клеветой привязанности. Говорить, что нет природы Будды, — это называется клеветой лжи. Как сказано, говорить, что природа Будды существует, есть клевета предположения, а говорить, что природа Будды не существует, есть клевета отрицания. Говорить, что природа Будды и существует, и не существует, есть клевета противоречия; а говорить, что природа Будды не существует и не не-существует, есть клевета бессмысленного суждения.

ГУЙ-ШАНЬ наставления

Пока ведешь жизнь человека, связанного силой привычек, ты не освободился от бремени тела. Физическое существование, дарованное родителями, стало возможным благодаря взаимозависимости множества условий; основные элементы, которые вследствие этого поддерживают тебя, противоречат друг другу и борются друг с другом.

Непостоянство, старение и болезни не дают людям покоя. Человек может быть утром жив, а вечером мертв — в одно мгновение он меняет один мир на другой. Мы подобны весенним заморозкам, подобны утренней росе — так внезапно мы уходим. Как может дерево, растущее на высоком утесе, или лоза, спускающаяся в колодезь, существовать вечно? Время течет в каждый момент; как мож-

но быть таким благодушным и бездарно растрчивать его, зная, что следующая жизнь есть не что иное, как смерть.

Внутри стремиться к тому, чтобы совершенствовать способность понимания; вовне распространять добродетель безмятежности. Сбрасывать с себя мирскую пыль, чтобы освободиться.

Годами ты гонялся за вещами, ни разу не повернув назад, чтобы посмотреть внутрь себя самого. Время уходит, месяцы и годы тратятся попусту.

Будда прежде всего передал наставления о том, как сбросить покрывало невежества. С помощью норм и правил поведения, чистых, как снег и лед, его заповеди сдерживают сознание учеников и управляют им, указывая на то, с чем надлежит покончить, чего надлежит придерживаться, что необходимо делать, а что делать нельзя. Они помогают исправить всевозможные проявления незрелости и упадка.

Как можно постигнуть высшую колесницу совершенного смысла, не обращая внимания на нравственные принципы? Опасайся провести жизнь понапрасну; сожалеть потом будет бесполезно.

Если не принял принципов учения своим сердцем, у тебя нет никаких оснований, чтобы пробудиться к сокрытому пути. Пройдут годы, наступит старость, и тщеславие не позволит тебе дружить с достойными; все, что есть в тебе, — это самодовольство и благодушие.

Если будешь попусту проводить время в человеческом мире, в конце концов станешь невежественным грубияном. Неожиданно для самого себя превратишься в немощного и дряхлого старика; сталкиваясь с различными ситуациями, ты стоишь перед стеной. Когда к тебе будут обращаться с вопросами молодые ученики, ты не сможешь сказать им того, что бы указало им путь. И даже если у тебе будет что сказать, это не будет соответствовать тому, что написано в сутрах. Даже когда к тебе будут относиться с уважением, ты будешь корить

молодое поколение за невежливость. Сердце твое будет источать гнев, а слова твои будут доставлять страдания другим.

В один из дней болезнь свалит тебя с ног; ты будешь лежать на спине, терзаемый мирнадом болей. С утра до ночи ты будешь обдумывать свою жизнь, и сердце твое переполнится боязнью и страхом. Перед тобой простирается смутный, бескрайний путь, но ты не знаешь, куда отправиться.

И тут ты начнешь глубоко раскаиваться в своих ошибках, но что толку копать колодезь, когда ты уже умираешь от жажды? Ты пожалеешь, что не приготовился заранее, ведь теперь уже поздно, и прегрешения твои безмерны.

Когда пробьет час ухода, ты будешь трястись от страха и опасений. Когда клетка сломана, воробей улетает на волю. Сознание будет гоняться за тем, что ты совершил, подобно человеку, отягощенному долгами; то, что сильнее всего, повлечет сознание за собой. Нити сознания, изношенные и перепутанные, попадут под власть того, что сильнее всего давит на тебя.

Демон-убийца непостоянства не останавливается ни на мгновение. Жизнь невозможно продлить; время не надежно. Никто ни в одной из сфер существования не в силах избежать этого. Ведь подверженность физическому существованию неизменна на протяжении бесчисленных эпох.

Можно лишь сожалеть, что все мы рождены в эпоху подражательства. Век совершенномудрых далеко в прошлом; учение Будды в упадке. Большинство людей — просто ленивы.

Если проведешь всю свою жизнь в полусне, на что ты сможешь опереться?

Если ты хочешь только одного — сидеть неподвижно со сложенными руками, если ты не бережешь каждый миг времени, если не трудишься усердно над упражнениями, ты лишен основы для свершений. Как можно провести без толку целую жизнь?

Когда произносишь слова, пусть они согласуются с тем, что сказано в сутрах; когда участвуешь в диспуте, следуй тому, чему научился у древних. Будь прямым, сохраняй

вовне благородное достоинство; пусть дух твой будет возвышенным и безмятежным.

Отправляясь в длительное путешествие, выбирай хороших спутников; еще и еще раз очисти свои глаза и уши. Останавливаясь где-либо, обращай внимание на окружающих; еще и еще раз прислушивайся к тому, чего ты прежде никогда не слышал. Вот в чем заключается смысл слов: «Родители подарили мне жизнь; друзья воспитали меня».

Дружба с хорошими людьми подобна прогулке в утреннем тумане, когда все вокруг покрыто росой; пусть даже роса не попадает на твою одежду, в конце концов она все равно пропитается влагой. Близость же ко злу усиливает ложное понимание и умножает неправильные взгляды; и днем и ночью создается только зло. Колесо причин и следствий сразу же подминает тебя, и после смерти ты тонешь. Утратив человеческую жизнь, более никогда не получишь ее, пусть даже минет десять тысяч вечностей. Истинные слова могут быть оскорбительны для ушей, но разве они не запечатлеваются в сердце? Если очищаешь сознание и культивируешь добродетель, скрываешь свои следы и утаиваешь свое имя, сохраняешь основное и пес-туешь силу духа, шум прекратится.

Если хочешь постигать Путь через интенсивную медитацию и совершить внезапный скачок через опосредованные учения, пусть сознание твое погрузится в сокровенное прибежище; исследуй неведомое в нем, найди его необозримые глубины и постигни его подлинный источник.

Если в один миг внезапно пробудишься к подлинному началу, знай, что это первая ступень лестницы, ведущей прочь из материального мира. Двадцать пять сфер бытия в трех царствах существования разбиты вдребезги. Знай, что абсолютно все — и внутреннее, и внешнее — иллюзорно. Все вещи, порождаемые изменениями сознания, всего лишь условные имена; не давай своему сознанию задерживаться на них. Если чувственные ощущения не привязываются к вещам, как могут вещи быть препятствием? Оставь их всепроникающему потоку реальности, не отсекай их, но и не продолжай их. Слышать звуки и видеть формы — в этом нет ничего плохого; будь это мир относительный или запредельный и абсолютный, ты будешь действовать соответственно.

Если человек обладает посредственными способностями и не в состоянии мгновенно выйти за пределы, пусть он сосредоточится на учении, внимательном чтении сутр, и пусть он добросовестно всматривается в их сокрытый смысл.

Разве не слышал ты слов: «Как виноградная лоза, обвившаяся вокруг сосны, поднимается ввысь; так и высшее благо можно распространить, только опираясь на наилучшие основания?» Неустанно культивируй воздержанность и самодисциплину. Не будь небрежным, но и не заходи слишком далеко. Тогда во всех мирах и в каждой жизни проявятся величественные причины и следствия.

Положи конец различениям, забудь об объектах, не загрязняй себя. Когда сознание пусто, объекты пребывают в неподвижности. Стремись к совершенству, не гоняйся за человеческими чувствами. Оков последствий своих действий избежать невозможно. Когда голос мягкий, эхо гармонирует с ним; когда тело прямое, тень тоже лишена

искривлений. Причина и следствие совершенно чисты; у тебя нет беспокойства?

Это иллюзорное тело,
Этот дом сновидений —
Есть лишь явления в пустоте.
Раз никогда не было начала,
Как можно определить конец?
Появляясь здесь, исчезая там,
Поднимаясь и опускаясь,
Изношенное и истощенное,
Неспособное вырваться из колеса,
Разве обретет когда-нибудь покой?
Жаждающие мира
Тело-сознание, причина и следствие
Составляют сущность жизни.
С рождения и до старости
Не обретается ничего;
Приверженность заблуждениям исходит
От изначального невежества.
Взгляни: время течет безостановочно;
Рассчитывать на него невозможно.
Если проживешь эту жизнь понапрасну,
Закроешь себе путь в мир непреходящий.

Блуждать от иллюзии к иллюзии
Значит потворствовать чувствам;
Они появляются и проникают во все мирские дела,
Заполняя собой три царства мира.
Не мешкая, призови пробужденных учителей;
Приблизься к обладающим возвышенной добродетелью.
Исследуй и проникай в сознание и тело;
Очистись от ежевичных колючек.
Мир внутри мимолетен и пуст;
Разве может он подавлять тебя?
Проникни в сущность истины,
Пусть пробуждение ведет тебя к ней.
Освободись и от сознания, и от объектов,
Не призывай и не вспоминай о них.
Когда чувства свободны от беспокойства,
И действие, и отдых мирны и безмятежны.
Когда единое сознание ничем не встревожено,
Мириады вещей пребывают в недеянии.

ГУЙ-ШАНЬ И ЯН-ШАНЬ изречения и диалоги

Гуй-шань сказал: «Сознание следующего Пути простое и прямое, лишенное всякой искусственности. Нет ни отвергания, ни привязанности, нет обманчивого блуждающего сознания. Во все времена в видении и слышании нет ничего особенного. Более сказать нечего. Далее идущий по Пути не закрывает глаза и уши; пока чувства не привязываются к вещам, в этом нет нужды.

С незапамятных времен совершенномудрые говорили только о загрязненности. Если у вас нет ложного сознания, мнений чувств и ума, привычки заключать и различать, вы чисты, как осенняя вода, незамутненная в своей простоте, спокойная и ничем не сдерживаемая. Такие

простоте, спокойная и ничем не сдерживаемая. Такие люди называются следующими Пути, свободными и независимыми».

Гуй-шаня спросили: «Могут ли внезапно пробудившиеся совершенствоваться дальше?»

Гуй-шань сказал: «Если их пробуждение истинно, если они постигли изначальное, они сами знают, когда это произойдет. Вопрос о самосовершенствовании можно рассматривать с двух сторон. Предположим, что ученик достиг момента внезапного пробуждения к изначальной истине, но по-прежнему сохраняются давние клеши привычек, от которых невозможно избавиться в один момент. Его нужно научить очищать потоки сознания, в которых проявляет себя действие привычки. Вот в чем заключается самосовершенствование, но нет какого-то особого учения, которому пробудившиеся могли бы посвятить себя и которое они могли бы практиковать.

Принцип постигается через слух; поскольку слышимый принцип глубок и неведом, сознание естественным образом совершенно чисто и не пребывает в царстве заблуждений. Даже если есть сотни и тысячи неведомых возможностей осуждать или восхвалять время, необходимо обрести спокойствие, собрать воедино все силы и знать, как жить самостоятельно, прежде чем ты сможешь постичь его.

В принципе, сущностная основа реальности не признает и одной крупики, но методы myriad практик охватывают собой все. Если проникнешь напрямую, чувства обыденного и священного исчезнут и обнажат непосредственно истинное постоянство, где принцип и явление неразделимы. Это — природа Будды состояния таковости».

Гуй-шань спросил Юнь-яня: «В чем опора пробуждения?»

Юнь-янь сказал: «В свободе от искусственности».

Потом Юнь-янь задал Гуй-шаню тот же вопрос. Гуй-шань сказал: «В тишине всех вещей».

Гуй-шань спросил Ян-шаня: «Из сорока свитков “Нирвана сутры” в скольких записаны речи Будды, а в скольких речи дьявола?»

Ян-шань ответил: «Все они суть речи дьявола».

Гуй-шань сказал: «Отныне никто ничего не сможет сделать с тобой».

Ян-шань спросил: «Пребывая в этом мире, на что я должен нацелить свои действия?»

Гуй-шань сказал: «Я хочу только, чтобы твое восприятие было правильным; я не говорю тебе, как поступать».

Гуй-шань подал Ян-шаню кувшин с водой. Когда Ян-шань хотел уже было взять его, Гуй-шань убрал кувшин и спросил: «Что это?»

Ян-шань ответил: «А что видите вы?»

Гуй-шань сказал: «Если ты ставишь вопрос так, чего в таком случае добиваться от меня?»

Ян-шань сказал: «Это так, но если говорить о гуманности и справедливости, я также должен полить вам много воды».

И тогда Гуй-шань передал кувшин Ян-шаню.

Гуй-шань спросил Ян-шаня: «Как ты понимаешь происхождение, пребывание, изменение и исчезновение?»

Ян-шань сказал: «Когда появляется мысль, я не вижу ни происхождения, ни пребывания, ни изменения, ни исчезновения».

«Как ты сможешь освободиться от явлений?» — возразил Гуй-шань.

«О чем это вы спросили?» — подхватил Ян-шань.

«Происхождение, пребывание, изменение, исчезновение», — сказал Гуй-шань.

Ян-шань заключил: «Тогда что же наставник называет “освобождением от явлений”?»

Гуй-шань спросил Ян-шаня: «Как ты понимаешь чистое сознание?»

Ян-шань ответил: «Горы, реки, долины; солнце, луна и звезды».

Гуй-шань сказал: «Ты всего лишь перечислил феномены».

«О чем же вы спрашивали?» — подхватил Ян-шань.

«О незамутненном, чистом сознании», — сказал Гуй-шань.

«Разве “феномен” подходящее название для него?» — спросил Ян-шань.

«Ты прав», — ответил Гуй-шань.

Ян-шань спросил Гуй-шаня: «Если в один миг на нас обрушиваются сотни и тысячи объектов, что тогда?»

Гуй-шань ответил: «Зеленое — не желтое, длинное — не короткое. Все находится на своем месте. Мне нет до этого никакого дела».

Ученик спросил Гуй-шаня: «Что такое Путь?»

Гуй-шань ответил: «Не-сознание есть Путь».

«Я не понимаю», — пожаловался ученик.

Гуй-шань сказал: «Ты должен понять то, что не понимаешь».

Ученик спросил: «Что есть то, что не понимает?»

Гуй-шань воскликнул: «Это ты сам, и ничто другое! — А потом продолжил: — Пусть нынешние люди просто поймут непосредственно то, что не понимает. *Это* твое сознание, *это* твой Будда. Если получишь какое-нибудь внешнее знание или понимание и решишь, что это и есть Путь дзэн, ты неизлечимо болен до скончания времен. Это называется “затаскиванием отбросов внутрь”, “невытаскиванием отбросов наружу”; это оскверняет твое сознание. Вот почему я говорю, что это не есть Путь».

Ян-шань спросил Гуй-шаня: «Что такое обиталище истинного Будды?»

Гуй-шань сказал: «Использовать возвышенность мышления без мысли, возвращаться мыслями к бесконечному яркому свету понимания. Когда мысль закончится, вернись к истоку, где сущность и форма вечны, а преходящее и

непреходящее недвойственны. Истинный Будда — это пребывание в таковости».

Во время беседы Ян-шань сказал: «Вы должны не запоминать мои слова, а всматриваться в глубь самих себя. С безначальных времен вы отворачивались от света и погружались во тьму, поэтому корни заблуждений ваших необычайно глубоки, и сразу выкорчевать их невозможно. Вот почему для исправления вашего огрубелого сознания мы прибегаем к упражнениям и надлежащим техникам. Это подобно тому, как если дать ребенку листья желтого цвета, сказав, что они золотые, — только бы он перестал плакать. Но ведь листья на самом деле не золотые, не правда ли?»

Во время беседы Ян-шань сказал: «Если есть позыв, есть и дело; нет позыва, нет и дела. Если бы я говорил об истоках дзэнского учения, я не нашел бы и одного-единственного помощника, не говоря уже об общине в пятьсот-семьсот человек. Если я говорю об одной вещи или о другой, все они будут наперегонки стараться понять ее смысл. Это подобно тому, как если обманывать детей пустым кулаком — ведь в действительности в нем ничего нет.

Сейчас я ясно говорю здесь перед вами о том, что принадлежит только совершенномудрым, но не фиксируйте свое сознание на этом. Просто обратитесь к безбрежному океану собственной сущности и поступайте в соответствии с реальностью. Вам не нужны духовные силы, ибо они есть лишь ветки древа мудрости; сейчас же вам необходимо постичь свое сознание и проникнуть к его истоку.

Смело хватайтесь за корень, не беспокойтесь о ветвях — когда-нибудь вы естественным образом обретете и их. Не ухватив корней, вы не приобретете и ветвей, даже если будете учиться, опираясь на ум и чувственные ощущения. Разве вы не помните, что говорил наставник Гуй-шань: «Когда различение обыденно преходящего и священного закончилось, существование проявляет свое обычное состояние во всей подлинности, где принцип и феномены нераздельны; это природа Будды в состоянии подлинной таковости».

СУНЬ-ЦЗИ

исследование символов

Круги

Круг есть олицетворение нирваны как прибежища. Его также называют знаком сущностной природы Будды. С этим связаны все люди, и простой народ, и совершенномудрые: хотя знак один и тот же, заблуждение и понимание неодинаковы, вот почему есть обычные смертные и есть совершенномудрые. Другими словами, тех, кто проникает в смысл символа, зовут совершенномудрыми; тех же, кто не в состоянии постичь его, зовут простыми людьми.

Поэтому, когда Нагарджуна проповедовал в южной Индии, чтобы разъяснить собравшимся учение, он изменил

свой облик так, что тело его стало походить на луну, парящую над стулом; слышен был только его голос, проповедовавший учение, а его телесная оболочка была невидима.

Стоявший в толпе вельможа по имени Арьядева спросил людей: «Узнаете ли вы этот знак?»

«Нет, — ответили ему. — Чтобы понять его, нужно быть несравненным мудрецом, разве не так?»

Но сознание Арьядевы уже успокоилось, и он видел знак, в молчании постигая сущность. Поэтому он сказал людям: «Этот благоприятный знак — учитель, показывающий природу Будды; это не собственное тело учителя. Образ бесформенного сосредоточения подобен полной луне; он олицетворяет природу Будды».

Не успел вельможа закончить, как тело учителя вновь показалось на стуле, и он произнес стихи:

*С помощью физического воплощения символа полной луны
Можно показать тело будд;*

*Объяснить, что Истина не обладает подобной формой.
Значит показать, что она не является объектом чувств.*

Если кто-то прибегает к образу лунного диска, чтобы озадачить вопросом, в качестве ответа внутри круга пишется иероглиф «буйвол».

Круг с буйволом внутри символизирует буйвола, поедающего траву терпения. Он также называется «символом обретения пробуждения через видение сущности».

Каково обоснование? В сутрах сказано: «В покрытых вечными снегами горах растет трава, называемая Терпением; корова, съевшая ее, дает топленое масло». Также сказано: «Если люди слушают истолкование великой нирваны, они видят природу Будды». Поэтому трава олицетворяет высшее учение, буйвол олицетворяет потенциальную способность к внезапному пробуждению, а топленое масло олицетворяет природу Будды. Таким образом, если буйволица поедает траву, она дает топленое масло; если люди понимают учение, они обретают подлинное пробуждение. Вот почему символ буйвола, поедающего траву терпения, также называется «символом проникновения в сущность и обретения пробуждения».

Круг с тремя животными под ним символизирует три колесницы, ищущие пустоту. Почему? Когда люди в трех колесницах слышат изложение подлинной пустоты, они сознательно нацеливаются на нее, хотя еще не пережили опыта подлинной пустоты. Вот почему символом являются трое животных под кругом.

Если символ используют, чтобы задать вопрос, ответом на него является обретение пробуждения через постепенное восприятие сущности.

Круг с буйволом внутри символизирует белого буйвола в открытом пространстве. Открытое пространство означает природу Будды; она также называется предельной пустотой или пустотой в абсолютном смысле. Белый буй-

вол символизирует непостижимый разум духовного тела. Вот почему его олицетворяет один буйвол внутри круга.

Почему для трех животных, находящихся под символом лунной сферы, «ответом» является один буйвол внутри символа лунной сферы? Трое животных под символом лунной сферы символизируют три колесницы, а один буйвол в центре символа лунной сферы олицетворяет единую колесницу. Поэтому, когда временные колесницы возвращаются, проявляется реальность, которая ведет к постижению через опыт.

Прежде было сказано, что буйвол внутри круга символизирует буйвола, поедающего траву терпения; также было сказано, что буйвол внутри круга есть символ белого буйвола в открытом пространстве. Символ один и тот же, но объяснения различны; тем не менее, несмотря на различие в истолкованиях, круг и буйвол — одни и те же. Тогда возникает вопрос: если они ничем не отличаются, почему символ выражен дважды?

Ответ: при то, что круг и буйвол ничем не отличаются, относительная быстрота восприятия сущности неодинакова. Вот почему одни и те же круг и буйвол появляются в различных истолкованиях.

Если говорить о различии в быстроте восприятия сущности между буйволом, поедающим траву терпения и белым буйволом в открытом пространстве, что медленнее, а что быстрее?

Буйвол, поедающий траву терпения, олицетворяет внезапное постижение реальности, как в «Сутре цветочной гирлянды», поэтому восприятие быстрое. Белый буйвол в открытом пространстве олицетворяет высшее воссоединение трех колесниц в одну. Поэтому, хотя разъяснения различны, постигаемый принцип — один и тот же. Вот почему используются одни и те же символы, чтобы показать, что принцип и знание не различаются. Из этого не следует однако, что они имеют одинаковое происхождение.

Круг с буйволом над ним есть символ культивирования причины в гармонии со следствием. Почему? Начальное вдохновение может привести к истинному пробуждению, тем не менее, действия и понимание человека еще не сравнились с теми, что отличают постигшего природу Будды. Этот символ показывает, что реализация не выходит за рамки, ограничивающие данный уровень; этот же символ олицетворяет древнее изречение «идти по следам тех, кто постиг реальность».

Если этот символ используется для постановки вопроса, то ответом на него является лунный диск со знаком «благополучие» внутри его. Круг со знаком «благополучие» внутри олицетворяет полную завершенность причины и следствия.

Почему знак «благополучие» внутри круга является ответом на символ буйвола над кругом? Все дело в том, что буйвол над кругом символизирует культивирование

причины в гармонии со следствием, а знак «благополучие» внутри круга символизирует завершенность причины и законченность следствия. Когда причина возвращена, следствие показано в ответе.

Круг с буйволом под ним олицетворяет духовную практику с целью поиска пустоты. Это называется «тростниковой хижинкой перед воротами». Пробудившиеся существа ищут пустоту, поэтому в сутрах говорится о «культивировании просветленной практики в течение трех неисчислимых вечностей, о неустанном практиковании, о перенесении невыносимого и осуществлении неосуществимого». Вот что олицетворяет этот символ; если он используется для постановки вопроса, то в ответ внутри круга пишется слово «правитель».

Круг с иероглифом «правитель» внутри символизирует постепенное постижение реальности. Почему? Если пробужденные существа через вечности неустанного практикования избавятся от всех обманчивых иллюзий, только тогда обретут они незамутненное знание реальности и вступят в состояние Будды. Тогда не будет более никаких привычек, препятствующих им. Они станут подобными совершенному мудрым правителям прошлого, одолевшим всех мятежников и разбойников; их государства покоились в мире, и ни один враг более не бросал им вызов.

Следующие две пары символов олицетворяют уничтожение нереального для того, чтобы указать на реальное.

Круг с буйволом над ним и человеком внутри символизирует умозрительное понимание учения, оставленного Буддой. Другими словами, если люди опираются на всеобщее учение о единой колеснице, которое проповедовал Будда, и способны понять его и безошибочно объяснить, но при этом они еще не реализовали собственное понимание потустороннего, они полностью зависимы от объяснений других. Вот в чем заключается смысл этого символа.

Если этот символ используется для постановки вопроса, ответом на него будет символ с человеком внутри, но без буйвола над ним.

Круг с человеком внутри символизирует постижение истока и возвращение к изначальному. В сутрах сказано: «Верни свой дух в пещеру пустоты, преодолей при этом то, что трудно покорить, и разбей оковы иллюзий и заблуждений; когда невозмутимо восседаешь в безбрежном пространстве, сознание пребывает в нирване». Вот что это символизирует.

Почему нужно убрать буйвола, который над кругом, а не человека, который внутри круга? Человек внутри круга олицетворяет проникновение в потустороннее, а буйвол над кругом олицетворяет умозрительное понимание. Даже если люди опираются на учение и прочитали все сочинения буддийской Трипитаки, пока они не реализовали собственную способность проникновения в потустороннее, они пре-

бывают в границах умозрительного понимания. Если умозрительное знание не возникает, появляется проникновение в потустороннее, вот почему мы убираем буйвола, который над кругом, а не человека, который внутри круга. Поэтому в сутрах сказано: «Просто освободись от болезней, а не от установок».

Почему обычные люди не могут, опираясь на учение, постичь истину? Если люди обладают мудростью, то зачем им учение? Если они обычные люди, следующие разлагающему сознанию, то зависимость от учения не принесет им никакого блага.

В таком случае, есть ли какая-нибудь польза от канонических буддийских учений? Я вовсе не хочу сказать, что благодаря учению ни один человек так и не обрел пробуждения; просто умозрительное истолкование бессмысленно. Вот почему Будда упрекал Ананду: «Даже если ты быстро запомнишь чистые принципы канонов всех будд десяти направлений, пустые и легкомысленные рассуждения только умножатся». Поэтому необходимо понять, что в умозрительных интерпретациях учения нет никакого проку.

Почему в сутрах сказано: «Каждый, кто слышит учение Будды, станет совершенномудрым?» Только обладающие выдающимися способностями люди обретают пробуждение непосредственно через учение, они напрямую реализуют проникновение в потустороннее, несом-

ненное и чистое. Для тех же, кто обладает меньшими способностями и не обретает пробуждение непосредственно через Учение, умозрительное понимание бесполезно. Но если люди меньших способностей желают, чтобы Учение оказывало влияние на их жизнь, если они ждут другого времени, кто осмелится сказать, что учение не приносит никакой пользы? Каждый, кто слышит учение, становится совершенномудрым; малейшее проявление доброты есть шаг к обретению состояния Будды — насколько же более справедливо это, если речь идет об огромном знании, заключенном в сутрах и трактатах!

Круг с человеком внутри и буйволом под ним символизирует ошибочное понимание мышления как сознания. Почему так? Если люди не постигают Будду и Чистую Землю в самих себе, но верят в существование Будды и Чистой Земли в какой-то другой реальности, они всем сердцем стремятся возродиться в Чистой Земле, чтобы узреть Будду и услышать его Учение. Вот почему они усердно практикуют добрые дела и восхваляют имя Будды и свойства Чистой Земли. Вот что олицетворяет этот символ. Наставник Чжи смеялся над этим, говоря: «Не понимающие, что само сознание и есть Будда, подобны тем, кто, забравшись на осла, ищет осла».

Если этот символ используется для постановки вопроса, в ответ убирается буйвол, который под кругом.

Почему убирается буйвол под кругом, а не человек в круге? Если люди еще не обрели истинного знания и подлинной пустоты, они всеми силами ищут Чистую Землю и Будду в другом измерении, поэтому они могут возродиться в Чистой Земле, узреть Будду и услышать Учение. Если люди обратятся внутрь самих себя, разбудят в себе понимание и обретут подлинную пустоту, сокрытые в них Чистая Земля и Будда проявятся в мгновение ока, и им незачем будет искать Чистую Землю и Будду вне сознания. Вот почему убирается только буйвол, который под кругом, но не человек, который внутри круга.

Что такое Будда внутри «я» и Чистая Земля внутри «я»? Если люди обретают истинное пробуждение и подлинную пустоту, тогда истинное знание есть Будда, а пустота есть Чистая Земля. Если сможешь пережить это на собственном опыте, зачем где-то еще искать Чистую Землю и Будду? Вот почему в сутрах сказано: «Если собираешься слушать Будду, который пребывает вовне, почему же в таком случае Будда, который внутри тебя, не прислушивается к своему собственному слышанию?»

Есть еще пять символов в четырех парах.

Полукруг олицетворяет «поднимать корзину в поисках крышки»; его также называют символом половинной луны, ожидающей полноты. Если этот символ используется для

постановки вопроса, то в ответ добавляется вторая половина луны. Таким образом, вопрос поднимает корзину в поисках крышки, а ответ кладет крышку на корзину. Так как корзина и крышка соответствуют друг другу, они олицетворяют знак полной луны, круг, символизирующий сущность всех будд.

Пустой круг олицетворяет следующее: «держат в руках яшму и искать равное ей». Если этот символ используется для постановки вопроса, в ответ внутри круга пишется какое-нибудь слово. Таким образом, в вопросе ищется то, что могло бы сравниться с яшмой, а отвечающий признает ценность яшмы и действует соответственно.

Круг с крюком внутри символизирует ловлю рыбы. Если этот символ используется для постановки вопроса, то к иероглифу «крюк» добавляется иероглиф «человек», и получается иероглиф «Будда». Таким образом, вопрошающий ловит рыбу, а отвечающий следует ему, завершая драгоценный сосуд.

Круг с иероглифом «Будда» внутри олицетворяет завершенность драгоценного сосуда. Если этот символ используется для постановки вопроса, в ответ внутри круга пишется иероглиф «земля».

Круг с иероглифом «земля» внутри олицетворяет волшебную печать. Этот символ полностью превосходит все предшествующие и не содержится в учениях.

Три смысла природы Будды:

1. Обретение состояния Будды через постижение сущности.

2. Обретение состояния Будды через завершение практического применения.

3. Обретение состояния Будды в проявлении.

Обретение природы Будды через постижение принципа, или сущности, означает, что с помощью наставлений учителя ты обращаешь свое внимание к истоку собственного сознания, где нет ничего конкретного. Это есть обретение состояния Будды вне постепенного применения мириад практик. Вот почему в сутрах сказано, что истинное пробуждение обретается при первом вдохновении, а кто-то из древних говорил, что природа Будды недалеко — необходимо лишь обратить внимание внутрь себя самого, и вот она.

Что касается раскрытия природы Будды через постижение сущности, то если говоришь о сущности, там нет ничего, а если говоришь о трех воплощениях, то есть Будда и есть двое бодхисаттв, один пробужденный и двое стремящихся к пробуждению. Хотя есть три персонализации, в данном случае, когда речь идет об обретении природы Будды через постижение сущности, обретение природы Будды приписывается Маньджушри. Вот почему древние говорили, что Маньджушри — мать всех будд, ибо все будды происходят от Маньджушри, поскольку

Маньджушри олицетворяет истинное знание. Все будды обретают пробуждение благодаря истинному знанию, поэтому Маньджушри — мать всех будд.

Что касается обретения природы Будды через завершение практического применения, то это означает, что даже если раскрыт истинный принцип сущностной реальности, ты по-прежнему следуешь практическим предписаниям Всеобщего Блага и шаг за шагом продвигаешься по пути бодхисаттвы. «Обретение природы Будды через завершение предписанного» подразумевает всепроникающую глубину применения и полноту исполнения знания и сострадания.

Поэтому древние говорили: «Высший предел практического применения — это и есть изначальное место». Так мы знаем, что когда практическое применение обретает завершенность, оно возвращается к истоку. Исток — это принцип, потустороннее.

Этот принцип, постигаемый при обретении природы Будды через завершенность практического применения, ничем не отличается от принципа, постигаемого при обретении природы Будды через проникновение в сущностное. Хотя принцип один и тот же, первый называется обретением природы Будды через завершенность практического применения потому, что результат достигается посредством извлечения следствия из причины.

Что касается обретения природы Будды через завершенность практического применения, то если мы говорим

о пользовании какими-то благами, мы просто имеем в виду обретение природы Будды через практикование Самантабхадры, имя которого означает «Всеобщее Благо». Но если мы говорим о трех воплощениях, то имеется в виду один Будда в сопровождении двух бодхисаттв.

Тем не менее, хотя существуют три персонификации, так как мы чаще всего имеем дело с обретением природы Будды через завершение практики, обретение это зависит в первую очередь от Самантабхадры, вот почему древние говорили, что Самантабхадра — это отец всех будд. Когда говорят, что все будды рождены Самантабхадрой, Самантабхадра, или Всеобщее Благо, означает мириады практик; все будды обретали пробуждение посредством мириад практик, поэтому Самантабхадра есть отец всех будд.

Когда мы говорим об одном Будде и двух бодхисаттвах, Вайрочана-будда символизирует принцип, или сущность, бодхисаттва Маньджушри — знание, а бодхисаттва Самантабхадра — практику. Поскольку этот принцип, знание и практика составляют одну сущность, ни без одного из них нельзя обойтись.

Один Будда и два бодхисаттвы по отношению друг к другу являются главным и помогающими. В смысле первенства основной сущности Вайрочана является главным. В смысле завершенности проникающего в истину знания Маньджушри является главным. В смысле силы добродетели мириад практик Самантабхадра является главным.

Поэтому Ли Тун-сюань* говорил: «Все будды обретают пробуждение благодаря величайшим существам — Маньджушри и Самантабхадре». При этом он также говорил: «Маньджушри и Самантабхадра — это младший и старший сыновья всех будд». Таким образом, совершенно очевидно, что три персонификации являются по отношению друг к другу главной и дополняющими.

Что касается обретения природы Будды в проявлении, то после того, как принцип постигнут, а практика завершена, природа Будды обретена полностью, и тогда по отношению к другим людям проявляются восемь аспектов обретения природы Будды.

Восемь аспектов обретения природы Будды следующие: сошествие с небес удовлетворения в лоно; обитание в лоне; выход из лона; жизнь во дворце; уход из дома; пробуждение; обучение; уход в нирвану. Обретение природы Будды имеет восемь аспектов, поэтому и называется обретением природы Будды в проявлении.

Необходимо понять, что восемь аспектов обретения природы Будды есть воплощение наслаждения и целеполагания, но не реальности. Вот почему в сутрах сказано: «Будды не приходят в мир и не умирают; они проявляют полную свободу посредством силы изначальной решимости». Здесь указывается на настоящего Будду

* Известный буддийский мыслитель-мирянин. Принадлежал к школе Хуаянь. — *Прим. ред.*

среди будд наслаждения и целеполагания. В сутрах сказано также: «Миновали бесчисленные вечности с тех пор, как я обрел природу Будды». Это означает, что Будда Шакьямуни уже завершил практикование и полностью пробудился бесчисленными вечностями ранее и проявлял обретение пробуждения ради спасения других людей.

ДОМ ЛИНЬ-ЦЗИ

ХУАН-БО

передача сознания

Будды и все живые существа есть всего лишь Одно Сознание; никакой другой реальности не существует. Это сознание, с безначальных времен, никогда не рождалось и никогда не исчезало. Оно ни голубое и ни желтое; оно не имеет ни внешнего вида, ни формы. Оно не принадлежит ни к существованию, ни к не-существованию. Оно ни длинное, ни короткое, ни большое и ни малое. Оно выходит за пределы всех ограничивающих измерений, за пределы всех ярлыков, всех следов, всех противопоставлений. Оно есть это самое наличие; когда напрягаешь мысль, отворачиваешься от него. Оно подобно пространству, которое не имеет границ и не поддается измерению.

Это Одно Сознание само по себе и есть Будда. Будда и чувствующие существа ничем не отличаются друг от друга; дело лишь в том, что чувствующие существа ищут вовне, хватаются за внешние признаки и теряют тем больше, чем дальше они ищут. Если будешь пытаться заставить Будду искать Будду или будешь использовать сознание, чтобы поймать сознание, никогда не преуспеешь. То, что вы не можете понять, заключается в следующем: если вы остановите мысль и забудете об уморазличениях, Будда возникнет естественным образом.

Само сознание и есть Будда; будды и есть чувствующие существа. Будучи воплощенным в чувствующих существах, сознание это не уменьшается; будучи воплощенным в буддах, оно не увеличивается. Даже все шесть совершенств, мириады практик и бесчисленные добродетели присущи ему и не нуждаются в дополнительном культивировании; когда возникают подходящие условия, их используют, а когда условия исчезают, они отдыхают.

Если не обладаешь несокрушимой верой в то, что это и есть Будда, и желаешь культивировать практики, связанные формами, чтобы добиться их действенного применения — знай, что все это иллюзии и заблуждения, противоречащие Пути. Само сознание и есть Будда, нет никакого другого Будды и никакого другого сознания. Сознание незамутнено и чисто, словно пространство, оно вовсе не имеет внешних признаков; когда сознание приходит в воз-

буждение и возникают мысли, ты отворачиваешься от сущности его реальности. Все это — привязанность к внешним признакам, а природа Будды никогда не была привязана к внешнему. Если, в стремлении обрести природу Будды, культивируешь мириады практик шести совершенств, это постепенный процесс, но природа Будды не обретается в ходе постепенного процесса. Просто постигни одно сознание, и более постигать будет нечего. Вот где истинный Будда.

Будды, чувствующие существа и Одно Сознание ничем не отличаются друг от друга, подобно пространству, не имеющему ни подделок, ни искажений, подобно солнечному диску, озаряющему светом все четыре стороны света. Когда восходит солнце, сияние его лучей озаряет землю, но пространство при этом никогда не бывает светлым. Когда солнце садится, землю окутывает тьма, но пространство никогда не чернеет. Состояния света и тьмы чередуются, но природа пространства остается открытой, пустой и неизменной. Точно так же обстоит дело и с буддами, чувствующими существами и сознанием. Если созерцаешь Будд в форме чистого озарения и освобождения, а чувствующих существ созерцаешь в форме обитающих в грязи и умирающих во тьме, то с таким пониманием никогда не обретишь пробуждения, ибо ты привязан к внешним признакам.

Есть только одно-единственное сознание; более обрести нечего. Сознание само по себе есть Будда. Ныне постигающие Путь не понимают сущности сознания, поэтому на вершине этого сознания они представляют себе другое сознание, они ищут природу Будды вовне и культивируют практики, привязанные к внешнему. Все это не правильно; это не есть путь к пробуждению.

«Почтительно поддерживать всех Будд вселенной не так хорошо, как почтительно поддерживать одного следующего Пути не-сознания». Почему так? Не-сознание означает совершенную не-субъективность, сущность наличия как оно есть. Внутренне человек недвижим, как дерево, непоколебим, как скала; вовне же он свободен от ограничений и сопротивлений, как само пространство. Нет ни субъекта, ни объекта, ни направления, ни местонахождения, ни формы, ни внешнего признака; ни приобретения, ни потери.

Те, кто старается обходить стороной это учение, боясь рухнуть в пустоту, где не за что уцепиться, беззащитно устраниаются. Все они ищут знания повсюду — и там, и тут. Вот почему тех, кто ищет знания, много, как волос на голове; постигшие же путь так же редки, как рога.

Маньджушри олицетворяет принцип, Самантабhadра олицетворяет практику. Принцип, о котором идет речь, — это принцип подлинной пустоты без сопротивления; практика, о которой идет речь, означает бесконечное действие, отстраненное от внешнего. Авалокитешвара олицетворяет

вселенское сострадание; Махастхампрапта олицетворяет вселенское знание. Имя «Вималакирти»^{*} означает «Чистое имя»: под чистотой подразумевается сущность, под именем — характеристики: сущность и характеристики не различаются, отсюда и «Чистое имя». Все, что олицетворяют различные главные бодхисаттвы, есть в людях. Все это не где-то вне сознания; необходимо лишь понять это.

Ныне постигающие Путь не ценят пробуждения в своем собственном сознании, поэтому они приклеиваются к внешним формам, находящимся вне сознания, и цепляются за объекты. Все это противоречит Пути.

Что касается «песчинки реки Ганг», то Будда разъяснял, что песчинки не радуются, когда по ним ступают Будды, бодхисаттвы, Индра, Брахма и другие божества; но они и не гnevаются, когда по ним проходят буйволы, козы, жуки и муравьи. Песчинки не стремятся к обладанию драгоценностями и изысканными благовониями; они не питают отвращения к навозу и грязи. Сознание, подобное им, есть не-сознающее сознание. Это — предел; если постигающие путь не бросятся прямо в не-сознание, то даже если они будут заниматься практикованием на протяжении бесчисленных вечностей, они никогда не обретут Пути. Захваченные в рабство практиками Трех Колесниц, они никогда не смогут обрести освобождения.

^{*} Мудрец-мирянин. Ему посвящена «Сутра о Вимапакирти» («Вимапакирти нирдеша сутра»). — *Прим. ред.*

Однако существуют различия в степени быстроты в постижении этого сознания. Есть те, кто немедленно обретает не-сознание, как только услышит учение; есть те, кто обретает не-сознание, только постигнув Десять состояний, Десять этапов, Десять практик и Десять решимостей. Но вне зависимости от того, много времени потребуется или мало, как только обретаешь не-сознание, тут же останавливаешься; ведь более культивировать или постигать нечего.

На самом деле нет ничего обретенного, но в действительности так оно и есть, здесь нет ничего искусственного. Совершение злых дел и совершение добрых дел — все это привязанность к внешнему. Если творишь зло, привязанное к внешнему, тем самым неразумно обрекаешь себя на бесконечное блуждание в порочном круге. Если творишь добро, привязанное к внешнему, неразумно обрекаешь себя на страдания утомительного труда. Ничто из вышеназванного не может сравниться с самостоятельным постижением изначальной реальности, как только ты услышишь о ней.

Изначальная реальность есть сознание; вне сознания нет никакой истины. Сознание само по себе есть истина; нет сознания вне реальности. Сознание внутри есть не-сознание, но и не-сознающего тоже нет. Если все время помнишь о том, чтобы не-сознавать, это уже есть сознание.

Суть просто в безмолвной гармонии; она вне всех различий. Вот почему сказано, что об этом нет возможности говорить, нет возможности думать.

В истоке своем сознание чисто. И Будды, и обычные человеческие существа обладают им. Все живые существа составляют одно тело со всеми Буддами и бодхисаттвами; только из-за различий в субъективных мыслях и представлениях они совершают различные поступки, приводящие к разным результатам.

В принципе, в природе Будды нет ничего конкретного; она суть открытое восприятие, безмятежная незамутненность и непостижимое блаженство. Если раскроешь ее до конца в себе самом, то вот она — полная завершенность, где нет недостатка ни в чем. Даже если отдаешь все силы духовным упражнениям на протяжении трех неисчислимых вечностей, пройдешь через все этапы и ступени, то когда подойдешь к мгновенному постижению, ты всего лишь постиг Будду в себе самом и не добавил к нему ничего. Вероятнее всего, ты поймешь, что вечности тяжких усилий были лишь спутанным потоком снов.

Вот почему Татхагата говорил: «Я не обрел ничего в высшем и совершенном пробуждении. Если бы я что-нибудь приобрел, Дипанкара не указал бы мне путь». Он также говорил: «Эта истина беспристрастна, она не имеет ни верха, ни низа. Она называется пробуждением». Это есть сознание, чистое в своем истоке, беспристрастное в

отношении к чувствующим существам, буддам, мирам, горам и рекам, формам, бесформенности, вообще ко всему во вселенной. Оно не знает образов «я» и «не-я».

Сознанию, чистому в своем истоке, присущи совершенная ясность и полное понимание, но захваченные мирскими заботами люди не понимают этого: в качестве сознания они признают только восприятие и познание. Поэтому взор их затемнен восприятием и познанием. Вот почему они не в состоянии узреть самую сокровенную суть своего духовного света. Если бы они непосредственно постигли не-сознание, эта самая сущность появилась бы сама собой, подобно солнцу, поднимающемуся над горизонтом. Она осветила бы собой все и не знала бы более никаких преград.

Поэтому постигающие Путь, но признающие только действия и движения восприятия и познания на самом деле опустошают свое восприятие и познание, так что сознанию их некуда идти и они не проникают вглубь. Необходимо просто постичь изначальное сознание в восприятии и познании, осознав, что изначальное сознание не принадлежит ни восприятию, ни познанию, но при этом не находится вне восприятия и познания.

Не следует воздвигать мнения и суждения на вершине восприятия и познания и позволять возникать мыслям о восприятии и познании. Точно так же не следует искать сознания вне восприятия и познания и не следу-

ет пытаться постичь истинную реальность через отвержение восприятия и познания. Когда ты не поглощен и не отвлечен, не цепляешься за формы и не привязываешься к внешнему, когда ты свободен и независим, тогда пробуждение — повсюду.

Погруженные в мирские дела люди, когда слышат слова о том, что все будды передают истину сознания, делают вывод, что смысл этих слов в том, что в сознании есть какая-то особая истина, которую следует понять или ухватить. И вот они начинают тратить силы на то, чтобы с помощью сознания найти сознание. Они не понимают, что сознание само по себе есть истина, а истина сама по себе есть сознание. Искать сознание с помощью сознания бессмысленно, ибо в таком случае его никогда не постичь, даже за миллион лет. Гораздо лучше сразу проникнуть в не-сознание, и тогда обнаружится изначальная реальность.

Это похоже на историю об одном борце, который, не зная, что драгоценный камень на самом деле у него во лбу, повсюду искал его. Он искал его где только можно, но так и не смог найти, пока кто-то знающий не указал ему, где находится драгоценность, после чего он и сам увидел сокровище там, где оно находилось все это время.

Так и те, кто постигает Путь вне собственного сознания, не понимая, что сознание и есть Будда, ищут его вовне, истокают себя в практиках и упражнениях и пребывают в

зависимости от степени своего понимания. Пусть даже они будут усердно и самоотверженно искать в течение целых вечностей — им никогда не обрести пути. Гораздо короче путь к не-сознанию. Необходимо понять, что все вещи изначально не имеют никакого существования, что они неуловимы и ни на чем не основываются; они нигде не пребывают и не являются ни объективными, ни субъективными. Если не плодить ошибочные мысли, тут же обретешь пробуждение.

ЛИНЬ-ЦЗИ изречения

Люди, которые сегодня постигают учение Будды, должны прежде всего стремиться к подлинному, правильному видению и пониманию. Тогда жизнь и смерть не будут оказывать на вас никакого влияния, и вы будете свободны в выборе: покидать или оставаться. Не следует искать необычайного и чудесного, ибо необычайное и чудесное придут сами собой.

Все добродетельные мужи древности владели средствами спасения живых существ. То, чему учу я, требует от вас только одного — не принимать на веру ошибочные мнения других. Если возникает необходимость действовать — действуйте без малейших сомнений и колебаний.

Но если ученики нынешних поколений не понимают этого, где искать ошибку? Ошибка их в том, что они опрометчиво верят тому, что услышат. Если не быть абсолютно уверенным в своих силах, то в любой ситуации вы будете в спешке следовать за всем подряд; поскольку мириад ситуаций будут заставлять вас все время изменяться, вы не сможете быть независимыми.

Если вы сможете положить конец умозаклучениям и различениям сразу же, как только вослед чему-либо возникает какая-то мысль, то вы ничем не будете отличаться от наставника и даже от Будды. Вы хотите знать, каков на самом деле дзэнский наставник и каков Будда? Они представляют собой просто то, что немедленно присутствует и внимает Учению. Ученики не верят в свои силы, вот почему они ищут вовне. Даже если в ходе своих поисков они что-то обретают, это всего лишь ученость; им никогда не обрести смысла живого слова наставников.

Не совершите ошибки; если вы не поймете это сейчас, вы будете в течение мириада вечностей блуждать по замкнутому кругу, и еще тысячу раз столько же, гоняясь за объектами, которые привлекают вас, и подбирать их, зарожаясь в животах ослов и буйволов.

Я полагаю, что мы ничем не отличаемся от Будды Шакьямуни. Сегодня, в ваших повседневных делах, чего вам недостает? Духовный свет, озаряющий ваши шесть

чувств, никогда не иссякал. Если сможете понять это, на протяжении всей жизни вы будете свободными и ничем не отягощенными.

Мир непрочен, как объятый пламенем дом. Здесь вы не задержитесь надолго. Убийственный демон непостоянства словно молния обрушивается на вас, невзирая на то, богаты вы или бедны, молоды вы или стары. Если вы хотите ничем не отличаться от дзэнского наставника и Будды, не ищите ничего вовне.

Чистый свет вашего сознания в одно-единственное мгновение мысли есть абсолютное тело Будды в вашем собственном доме. Неразличающий свет вашего сознания в одно-единственное мгновение мысли есть тело воздаяния Будды в вашем собственном доме. Неразделенный свет вашего сознания в одно-единственное мгновение мысли есть превращенное тело Будды в вашем собственном доме. Эти три типа воплощения есть не что иное, как тот человек, который здесь и сейчас слушает проповедь, но реализовать потенциальное может лишь тот, кто не ищет ничего вовне.

Если верить знатокам сутр и трактатов, три воплощения — это нечто высшее, но я полагаю, что это не так. Эти три воплощения суть имена, слова; они тоже представляют собой три вида зависимости. Древние говорили: «Установленные воплощения основываются на смысле; земли, о которых мы говорим, основываются на сущнос-

ти». Воплощение природы реальности и земля природы реальности несомненно отражают свет; в таком случае необходимо узнать того, кто манипулирует отражениями света, — это и есть изначальный источник будд. Путь домой пролегает везде.

Дело в том, что ваше физическое тело не в состоянии ни излагать Учение, ни внимать ему. Ваши легкие, желудок, печень и желчный пузырь не могут ни излагать Учение, ни слушать Учение. Пространство не может ни излагать Учение, ни слушать Учение. Что же тогда может излагать Учение и внимать Учению? Это непосредственно присутствующий, ясный и незамутненный, совершенно бесформенный одинокий свет. Вот что в состоянии излагать Учение и внимать ему. Если сможете понять это, станете точно такими же, как дзэнские наставники и будды.

Не позволяйте ему прерываться ни на мгновение, и тогда во всем, что вы увидите, будет Он. Когда появляются чувственные ощущения, путь знания преграждается; изменение имен приводит и к изменению вещей. Вот почему вы блуждаете по мирским кругам и страдаете от разных напастей.

Я полагаю, что нет ничего, что не было бы необычайного глубоким; нет ничего, что не было бы свободным. Реальность сознания не имеет формы, но пронизывает десять направлений. В глазах она называется зрением, в

ушах — слухом, в носу она обоняет, во рту она говорит, в руках она схватывает, а в ногах — ступает. По сути, это один-единственный духовный свет, разделенный на шесть частей. Поскольку единое сознание подобно «ничему», вы обретаете освобождение в любом месте, где бы вы ни находились.

Что я имею в виду, когда говорю это? Просто поскольку вы не в состоянии остановить поток мыслей, нацеленный на поиск, вас ловят на крючок совершенно бесполезные действия и состояния людей, живших давным-давно. Если вы поймете, о чем я говорю, то будете восседать во главе физических и психических воплощений Будды: находящиеся на десятой ступени, сознание которых завершено, будут подобны поденным работникам; обретшие подлинное и невыразимое пробуждение будут подобны пребывающим в кандалах и оковах; святые и просветленные будут подобны отбросам из отхожего места; пробуждение и нирвана будут подобны колям, к которым привязывают ослов.

Почему так? Все преграды внутри вас оттого, что вы не познали пустоту вечности. Вы не имеете ничего общего с истинными последователями Пути; они просто уничтожают собственную жизнь в соответствии с ситуацией, они одеваются в соответствии с обстоятельствами, они действуют, когда необходимо действовать, они садятся, когда необходимо сесть, они и думать не думают о том, чтобы искать плоды природы Будды.

Почему они таковы? Древние говорили: «Если собираешься что-либо предпринять в стремлении найти природу Будды, в таком случае сама природа Будды — первый признак рождений и смертей».

Цените время! Вы просто пытаетесь постигать дзэн или Дао как что-то поверхностное, пребывающее вне вас; вы учитесь распознавать термины и лозунги, ищете «природу Будды», ищете «мастерство», ищете «учителей», воспринимая все это умозрительно. Не делайте ошибки — у вас всего один отец и одна мать, так чего же еще вы ищете? Обратите внимание на самих себя и постигайте самих себя.

Древние говорили: «Яджнядатта потерял голову, но когда его поиски прекратились, он не знал бед». Все, что необходимо, — это быть естественными; не действуйте подражательно.

Есть монахи, не отличающие хорошего от плохого, которые прозревают духов и демонов, указывают на них и рисуют их, и поднимают шум из-за дождя или солнца. Всем, кто подобен им, придется возвращать долги, глотая раскаленные железные пилюли перед владыкой потустороннего мира. Поскольку мужчины и женщины из хороших семей нередко попадают под их лисьи чары, они городят «чудеса», не понимая, что однажды им придется ответить за все.

Совершенно необходимо искать подлинного и точного проникновения и понимания. Тогда вы сможете свободно путешествовать повсюду, и вас не спутают с обычными гипнотизерами и шарлатанами.

Благороден тот, кто не имеет навязчивых идей. Не пытайтесь совершать затейливые поступки, просто будьте естественными. Если вы ищете где угодно, но не в себе самих, знайте, что вы уже совершили самую главную ошибку. Вы пытаетесь искать природу Будды, но природа Будды — лишь имя, выражение — знаете ли вы кого-нибудь, кто ищет ее?

Будды и дзэнские наставники появлялись во все времена и во всех странах только потому, что искали истину. Нынешние последователи тоже ищут истину. Только обретя истину, вы сможете завершить Путь; до тех пор, пока вы не познаете ее, вы будете повторять прежние ошибки.

Что есть истина? Истина — это реальность сознания. Реальность сознания бесформенна и пронизывает все десять направлений. Она действует постоянно, прямо перед вашими глазами, но люди не доверяют ей в достаточной степени, поэтому-то они и принимают на веру термины и словесные оболочки и пытаются оценивать учение Будды умозрительно, таким, каким оно записано в сутрах. Они так же далеки от него, как небо от земли.

О какой истине я говорю? Я говорю об истине изначального сознания, которая может проникать и в обыденное, и в священное, и в чистое, и в загрязненное, и в абсолютное, и в обусловленное, но при этом не является ни абсолютным, ни обусловленным, ни обыденным, ни священным, но способна давать имена всему абсолютному, обусловленному, обыденному и священному. Того, кто постиг это, не смутят ни абсолютное, ни обусловленное, ни обыденное, ни священное. Если вы ухватите ее, используйте ее напрямую, не наклеивая ярлыков. Вот что называется непостижимым учением.

Мое учение отличается от всех других. Если бы даже передо мной, воплотившись в формы, появились Маньджушри или Самантабhadра и спросили бы меня о моем учении, то как только они брались бы ко мне, я бы уже различил их. Поскольку я пребываю в мире и спокойствии, сколько бы еще ищущих Пути не явилось ко мне, я бы постиг их всех. Почему? Да потому, что взор мой ясен и незамутнен; вовне я не хватаюсь ни за обыденное, ни за священное; внутри я не привязан к фундаментальному. Я вижу весь Путь, до самого конца, а потому не ведаю сомнений и не знаю ошибок.

В учении Будды нет места для приложения усилий; нужно просто быть естественным и не иметь навязчивых идей, делать то, что требует тело: одеваться, есть, ложиться спать, когда тело устало. Глупцы смеются надо мной; только мудрые могут понять это. Древние говорили: «Гоняющиеся за внешним погрязли в невежестве».

Отныне будьте хозяевами, где бы вы ни находились, и тогда реальность будет именно там, где вы стоите, и любые возникающие ситуации не смогут смутить вас. Даже если сохраняющаяся в вас сила привычек будет подталкивать к злым деяниям, она сама собой превратится в океан освобождения.

Нынешние ученики не имеют ни малейшего понятия об истине. Они подобны козам, нюхающим все подряд, и жующим все, что им ни попадется. Они не способны отличить слуги от господина, гостя от хозяина. Такие люди вступают на Путь с неверными установками; они не могут выстоять в трудных ситуациях, но при этом называют себя покинувшими мир. А на самом деле они крепко-накрепко связаны мирскими путями.

Что касается покинувших мир, то они должны постичь подлинную истину и неподдельность проникновения и понимания. Они должны отличать Будду от дьявола, они должны отличать истинное от ложного, они должны отли-

чать обыденное от священного. Если они в состоянии различить это, о них действительно можно сказать как о покинувших мир.

Те же, кто не может отличить Будду от дьявола, на самом деле покидают один дом и входят в другой. О них можно сказать, что они создают карму, но нельзя сказать, что они на самом деле ушли из мира. Ныне Будду и дьявола зачастую смешивают, как молоко и воду. Отличить их может только истинный последователь Пути.

Что же касается последователей с просветленными глазами, то они уничтожают и дьявола, и Будду. Если вы любите священное и презираете обыденное, вы носитесь по волнам океана рождений и смертей.

Что такое Будда и что такое дьявол?

Дьявол — это момент сомнения в сознании. Если же вы поймете все вещи как нерожденные, а сознание — как иллюзорный образ, так, что более не будет ни единой частицы, ни единого феномена, но везде будет безупречная чистота, это и есть Будда.

Однако Будда и дьявол олицетворяют два царства: чистоты и загрязненности; я полагаю, что нет ни Будды, ни смертного существа, нет ни древности, ни настоящего; обретающие их делают это мгновенно, не затрачи-

вая ни секунды времени. Нет ни культивирования, ни понимания, ни обретения, ни потери. Во все времена нет ничего другого. Даже если бы кроме этого что-нибудь было, я сказал бы, что это как сон, как образ. Вот что я всегда говорю.

Непосредственный единственный свет ничто не ограничивает, он различает все, он пронизывает десять направлений, он свободен в трех царствах, он различает объекты, не изменяясь при этом сам. В мгновение ока вступает он в космос реальности: встречаясь с буддами, он говорит о буддах; встречаясь с дзэнскими наставниками, он говорит о дзэнских наставниках; встречаясь со святыми, он говорит о святых; встречаясь с демонами, он говорит о демонах. Без всяких мыслей он странствует по разным землям,ставляя людей; его вездесущное сияние проникает во все десять направлений.

Теперь вы знаете, что в сущности нет ничего, что могло бы вас смутить. И мысли ваши беспорядочно блуждают оттого, что вы не верите в собственные силы. Не замечая собственной головы, вы ищите другую голову, будучи не в силах остановиться.

Бодхисаттвы завершенного моментального пути проявляют свои тела в космосе реальности, они презирают обыденное и ищут священное в Чистой Земле. Подобные им еще не забыли о схватывании и отвергании; сознавание загрязненности и чистоты присутствует по-прежнему.

Учение дзэн не похоже на это; оно прямо здесь, и ни в какое другое время.

Все, о чем я говорю, есть лишь временное лекарство для излечения от болезни; здесь на самом деле нет никакого настоящего учения. Если вы в состоянии понять это, значит, вы действительно покинули мир; каждый день вы можете пользоваться тысячью лянов золота.

Не спешите принимать от наставников печать подтверждения, заявляя: «Я понимаю дзэн! Я понимаю Дао!» Они могут произносить много слов, но на самом деле они лишь создают дьявольскую карму.

Истинные последователи Пути не выискивают ошибки мира; самое главное — это искать подлинное проникновение и понимание. Если вы обретете истинное понимание, оно должно быть совершенным и ясным еще до того, как вы подошли к концу.

ЮАНЬ-У

ОСНОВЫ СОЗНАНИЯ

Когда основатель дзэнского учения пришел из Индии в Китай, он не воздвигал словесных нагромождений, ни письменных, ни устных; он всего лишь указывал непосредственно на человеческое сознание. Его прямое указание относится к тому, что сокрыто в каждом; сокрытое откликается из-под оболочки невежества, оно такое же, как и у совершенномудрых глубокой древности. Это то, что мы называем естественной, подлинной, внутренней природой, изначально чистой, светлой и непостижимой, проглатывающей и выплевывающей весь космос, единственной цельной реальностью, свободной от чувств и объектов.

Обладая огромными способностями и великой мудростью, просто устранитесь от мыслей и отсекайте чувства,

тем самым полностью выйдя за пределы обыденных условий. Опираясь на свои внутренние силы, раскройте их прямо сейчас, подобно тому, как вы отбрасываете страх перед скалой высотой в целую милю, освободитесь и более не полагайтесь ни на что, дабы исчезли все преграды, возводимые пристрастными взглядами и иллюзорными уморазличениями, дабы вы уподобились бездыханному мертвецу и достигли изначального источника, обрели великое прекращение и великий покой, которых чувства не знают и которых сознание, восприятие, эмоции и мысли не достигают.

После этого в остывшем пепле потухшего костра воцарится незамутненная ясность; среди стволов мертвых деревьев все будет озарено светом, и тогда вы сольетесь с единственным и запредельным и вознесетесь на недосигаемую высоту. Более не будет необходимости искать сознание или Будду: вы будете встречать их повсюду и обнаружите, что они не пребывают вовне.

Сто аспектов и тысячи граней вечного пробуждения подобны этому: это сознание, так что более нет нужды искать его; это Будда, так чего ж беспокоиться и продолжать поиски Будды? Если вы превращаете слова в лозунги и воздвигаете интерпретации на вершины объектов, вы попадете в корзину с ветошью и после этого ни за что не вспомните, что же вы на самом деле ищете.

Пробуждение есть царство истинной реальности, где вы забываете свое сознание и прекращаете смотреть по сторонам. На заросшем дикими травами лугу подбирать все, что под рукой, — непотоптанный смысл дээн проясняется в сотне трав. Поистине, зеленый бамбук, гроздь желтых цветов, заборы, стены, черепица и камни используют учение неодушевленного; реки, птицы, деревья и роцци выражают страдание, пустоту и отсутствие эгоистичности. Это основано на одной истинной реальности, порождает необусловленное сострадание, проявляет незатейливую, непостижимую чудесную силу великого драгоценного света нирваны.

Древний наставник говорил: «Если встретишь на Пути спутника и проведешь жизнь бок о бок с ним, цель обучения исполнена». Другой наставник древности говорил: «Если я подберу один-единственный лист и войду в город, я сдвину целую гору». Вот почему один древний последователь учения пробудился, услышав звук камней, ударяющихся о стебли бамбука, а другой обрел пробуждение, увидев цветущие персиковые деревья. Один наставник пробудился, завидев с противоположного берега реки флашток монастыря. Другой говорил о жезле духа. Один наставник, чтобы показать, что означает пробуждение, посадил в землю мотыгу. Другой сравнивал учение с засеиванием полей. Все эти примеры олицетворяют выявление неразрушимого подлинного существования; пробужденные да-

вали людям возможность нанести визит обретенному великому освобождению учителю не сходя с места.

Осуществляя невысказанное учение, обретая несравненное красноречие, так они вечно учились у всех вещей без исключения, охватывая всеобъемлющий космос, устраняясь и от абстрактных, и от конкретных определений природы Будды, и, выходя за пределы, постигали всеобщее и всепроникающее учение среди мирской суеты. Почему священные места, обиталища наставников, общину и внешние формы нужно считать необходимыми для постижения учения и обретения пробуждения?

Как-то ученик спросил великого дзэнского наставника: «Я, такой-то такой-то, спрашиваю: “В чем истина учения Будды?”» Наставник ответил: “Ты такой-то такой-то”. И в этот миг ученик обрел пробуждение. Как сказано, «что исходит от тебя, возвращается к тебе».

Один добродетельный муж древности в юности занимался сельским хозяйством. Однажды, когда он вспахивал поле, он вывернул наружу огромный ком земли, который играючи разбил одним ударом. Как только ком рассыпался на мелкие кусочки, он обрел великое пробуждение.

После этого он жил и действовал совершенно свободно, стал поистине непостижимым и часто являл чудеса. Один старый наставник рассказал об этом случае людям и добавил: «Горы и реки, да и по сути вся земля оказалась

разбитой одним-единственным ударом этого человека. Чтобы совершать подношения буддам, не нужно много ладана». Насколько же справедливы его слова!

Наивысший Путь прост и доступен, но при этом неизмеримо глубок. С самого начала он не воздвигает ступеней; стоять подобно стене в целую ли высотой — это и есть главное. Вот почему будды древности распространяли учение молчанием.

Тем не менее, есть последователи, которые не в состоянии постичь этого, тем более что они попали в сети чудесному и ищут таинственного, говорят о сознании и рассуждают о природе, так что одежды их взошли от пота и пристали к телу и нет никакой возможности избавиться от них. Они будут дряхлеть с каждым днем.

Основатели дзэнского учения являли выдающийся образец. Практики и техники классических наставников сразу же открывали путь к освобождению. Подобно мчащимся драконам, бегущим тиграм, повороту земли и круговращению небес они в любых обстоятельствах возвращали людей к жизни и не несли с собой ни воды, ни грязи.

С незапамятных времен проникавшие в самые потайные уголки истины и обретавшие великое пробуждение

были быстры, как соколы, стремительны, как ястребы; они ездили верхом на ветре, сияли ослепительным светом в лучах солнца, касаясь спинами голубых небес.

Необходимо прорваться непосредственно к свободе и сделать так, чтобы никогда ни одно препятствие не тревожило тебя, обрести понимание, пронзающее все направления, свертывающееся и развертывающееся, схватывающее и освобождающее. Не нужно быть даже совершенномудрым, а тем более пребывать в потоке обыденности.

Тогда сердце твое будет незамутненным и чистым, оно постигнет настоящее и прошлое. Подняв стебелек травы, можешь использовать его как тело Будды; взяв тело Будды, можешь сделать его стебельком травы. Изначально здесь нет ни высшего, ни низшего, ни схватывания, ни отвергания.

Необходимо просто жить, чтобы совладать с любой ситуацией: порой забираешь человека, но не мир; порой забираешь мир, но не человека; иногда забираешь и то, и другое; а иногда не забираешь ничего.

Вышедший за пределы условностей и учений школ, совершенно ясный, чистый и свободный как может желать заманивать людей в ловушки, пускать им пыль в глаза, помыкать ими и уничтожать их? Необходимо проникнуть в реальность и показать им фундаментальное в каждом из них, независимое и незатейливое, ничего с ними общего не имеющее, то, что есть великое освобождение.

Вот почему древние, находясь среди мирской суеты, первым делом озаряли ее своим светом, а как только возникало малейшее препятствие, они тут же отсекали его. Но даже при этом им едва ли удавалось найти хоть кого-нибудь, кто смог бы постичь их учение — как можно сравнивать их с людьми мира, которые тащат друг друга за сквоь заросли водорослей, вовлекают друг друга в оценивание и обсуждение слов и поступков, выют гнезда и хоронят сыновей и дочерей других людей.

Мы хорошо знаем, что таких людей называют «с открытыми глазами справляющими нужду в постели». Те же, кто обладает ясными глазами, никогда не будут возводить лозунгов и условностей. С неудержимым и сильным духом, который поражает всех без исключения, нужно нацеливаться на постижение истинного учения дзэн: каждым своим восклицанием, каждым ударом, каждым поступком, каждой поставленной целью ты полностью открыт реальности и уничтожаешь все неподлинное. Как сказано: «Воспользовавшись раз острым мечом, следует немедленно вновь наточить его».

Когда понимание глубоко, а практика незамутнена, тогда, оказавшись даже в самой запутанной и затруднительной ситуации, сможешь действовать свободно, не цепляясь ни за что и не приклеиваясь ни к чему, не создавая взглядов и не пребывая ни в каком состоянии. Ты будешь легко плыть в потоке: «Когда дует ветер, трава склоняется».

Обретя пробуждение в ходе практики, ты принимаешь к глубочайшему источнику и культивируешь такое состояние до тех пор, пока не реализуешь подлинную свободу сознания, когда в сердце твоём не будет ничего. Постичь это невозможно даже через понимание, чего уж говорить о непонимании.

Сохраняй такое состояние каждый день, и днем, и ночью, ничем не скованный, свободный от пут и привязанностей. С самого начала забудь о мыслях об объекте и субъекте, о «я» и чувственных ощущениях, и даже об учении Будды. Это царство не-сознания, не-поддельного, не-объекта — как его можно определить или измерить мирским блеском, знанием, разумом или учением, если не обладать основанием?

Действительно ли основатель дзэн «принес» свое учение, когда он пришел в Поднебесную из Индии? Он просто указал на внутреннюю природу, сокрытую в каждом из нас, чтобы мы могли полностью освободиться, стать чистыми и незамутненными и более не загрязнять себя ложным знанием и ложным сознанием, иллюзорными представлениями и суждениями.

Учение должно быть подлинным учением. Подлинный наставник не должен заводить ученика в непроходимые заросли, но должен прорываться напрямую, дабы ученик мог пробудиться, сбросив пропотевшие одежды, прилипшие к телу, открыв и опустошив свое сердце, изба-

вившись от малейших ощущений святого и обыденного. Подлинную истину нечего искать вовне — она покоится внутри, чистая и непреложная. Никто не в состоянии сбить тебя с пути — достигнув ясного, чистого и незапятнанного состояния, ты прорываешься по ту сторону пустой вечности, и даже будды, жившие еще до начала начал, являются твоими потомками. К чему даже говорить о том, чтобы искать у других?

Все дзэнские наставники начиная с первых патриархов учения были именно такими. К примеру, возьмем шестого Великого патриарха: он жил на юге Китая, был неграмотным дровосеком, но когда он встретился с пятым Великим патриархом, уже во время первой беседы он открыл свое сердце и совершенно освободился.

Поэтому, так как и святые, и совершенномудрые находятся среди множества обычных людей, необходимо использовать подходящие средства, чтобы с несомненной ясностью указывать на то, что скрыто в каждом, независимо от уровня их способностей.

Если уж ты следуешь в потоке дзэнского учения, проводишь дни в молчаливом сосредоточении, прекращая деятельность сознания, и отдаешь все свои силы постижению истины, знание этой великой причины не может быть получено от кого бы то ни было. Все зависит лишь от смелости и силы духа: неустанно совершенствоваться, день за днем освобождаясь от привязанностей и поднимаясь

все выше и выше, подобно драгоценному металлу, который плавят и вновь отливают в формы сотни и тысячи раз.

Поскольку самое главное — это выбраться из грязи и помогать людям, чрезвычайно важно быть абсолютно свободным и всепроникающим, без каких бы то ни было сомнений стремиться к покою и раскрывать сокрытые в тебе великие способности и великое действие.

Это зависит от поведения человека: в мирадах всевозможных ситуаций, с которыми сталкиваешься в повседневной жизни, среди пыли и суматохи, подъемов и падений, появляйся и исчезай так, чтобы абсолютно ничто не влекло тебя за собой. Вместо этого ты сам можешь увести за собой все, что пожелаешь. Наполненный жизнью, неуязвимый для влияния извне, обретишь силу, с которой не сравнится ничто.

Когда достигнешь пустой, холодной тишины, более не будет различия между шумом и безмолвием. Даже если произносишь необычайные слова, высказываешь несравненные суждения, совершаешь удивительные поступки, ставишь перед собой совершенные цели — все это меришь ты одной и той же мерой. В конечном счете во всем этом нет ничего ни правильного, ни неправильного — все зависит от того, каким образом использовать.

Если именно так исправляешь и совершенствуешь себя длительное время, будешь свободным даже посреди жизни и смерти, будешь взирать на мирскую бесполезную

славу и погону за выгодой как на поднимаемую ветром пыль, как на призраков, являющихся в сновидениях, как на цветы на небе. Если пройдешь сквозь мир, и мир не затронет тебя, то разве не станешь ты великим святым, оставившим мирскую пыль позади?

Когда бы к дзэнскому наставнику, которого прозвали Костоломом, ни обращались с вопросом, он неизменно отвечал одно: «Кость сломана». Это как пилюля из железа, несокрушимо твердая. Если сможешь полностью постичь это, станешь настоящим львом школы дзэн.

Как-то великий дзэнский Наставник Государства спросил другого наставника: «Как вы различаете все необычайные слова и чудесные обороты?» Наставник ответил: «Я не испытываю любви к ним». Наставник Государства сказал: «Это ваше личное дело».

Когда в постижении учения человек достигает такого уровня, он становится чистым, незамутненным и бесстрастным, неподвластным человеческим иллюзиям.

ДОМ ЦАО-ДУН

ЯО-ШАНЬ

Наставники учат только сохранению; если возникают чувства алчности или гнева, отсеки их, не позволяя им прикасаться к себе. Если хочешь узнать, как это сделать, будь стойким, словно мертвое дерево или скала.

На самом деле нет никаких ветвей, до которых нужно было бы дотягиваться, но даже если нечто и появляется, нужно по-прежнему всматриваться в себя. Полностью отвергать слова и речи — неверно. Я говорю все это сейчас для того, чтобы открыть то, что невыразимо в словах и речах, то, что изначально не имеет никаких черт, как глаза и уши.

Кто-то спросил: «Почему есть шесть форм земного существования?»*

Яо-шань ответил: «Хотя я и пребываю в этой сфере, она не оказывает на меня никакого влияния».

Кто-то спросил: «Как это может быть, чтобы человек не понимал несчастья в себе самом?»

Яо-шань сказал: «Несчастья — что это такое? Я хочу, чтобы вы подумали об этом. Есть люди, которые просто-напросто запоминают слова, написанные на бумаге, большинство их сбито с толку сутрами и трактатами. Я никогда не читал ни сутр, ни трактатов. Сознание ваше блуждает от того, что вы гоняетесь за вещами и постоянно изменяетесь, вы пребываете в растерянности, в вас нет твердости. Еще до того, как вы поняли хотя бы одно высказывание, хотя бы полвыражения, хоть одну сутру, хоть один трактат, вы уже говорите о “пробуждении”, “нирване”, “земном и

* Имеются в виду шесть типов живых существ, пребывающих в мире рождений и смертей: божества, титаны-асуры, люди, животные, голодные духи и обитатели адов. — *Прим. ред.*

неземном”; если ваше понимание таково, то это — рождение и смерть. Если вы не связаны заботами об обретении и потере, то нет ни рождения, ни смерти. Вы внимаете наставникам, говорящим о такой ерунде, как “найхсаргика” и “дукхата”* — это же самый первый корень рождения и смерти!

Но пусть даже так. Если вы глубоко постигнете рождение и смерть, их невозможно ухватить. От будд наверху до последних насекомых внизу — все обладают отличиями длинного и короткого, хорошего и плохого, большого и малого. Если это не приходит снаружи, то где же тогда тот бездельник, что роет ад, чтобы поджидать вас во всеоружии?

Хотите ли вы знать, в чем заключается путь ада? Это негодовать и гневаться. Хотите ли вы знать, в чем заключается путь голодных демонов? Это значит больше лгать, чем говорить правду, так, что люди не доверяют вам. Хотите ли вы знать, в чем заключается путь животных? Это значит не обращать внимания на гуманность и справедливость и не отличать друга от незнакомца — вам нужно носить шкуру и рога, чтобы вас забили на бойне и повесили ногами вверх? Хотите ли вы знать, в чем заключается

* Найхсаргика — дисциплинарный термин, обозначающий прегрешение (нарушение обетов), прощаемое после покаяния. Дукхата — страдание, состояние страдания.

путь людей и ангелов? Это прежде всего чистое поведение. Никогда не забывайте об этом, и тогда вы сможете сохранять неизменность.

Достигнуть этого нелегко. Необходимо добраться до вершины самой высокой горы и прогуляться по дну глубочайшего из океанов. Применить это так же непросто, но только сделав это, можно обрести начальное понимание.

Все, кто ныне выдвигается, — это люди, обуянные навязчивыми идеями. Я ищу какого-нибудь простака, но никак не могу найти. Не запоминайте попусту высказывания из книг, считая их своим собственным видением и своим собственным знанием, не смотрите свысока на тех, кто не понимает. Такие люди — неисправимые отступники учения. Они никогда не достигнут цели; необходимо тщательно исследовать и глубоко понимать.

Слова мои по-прежнему заперты в границах мира. Не тратьте отпущенные вам жизни понапрасну. Здесь куда больше таинственного и неведомого; не считайте это пустяком, ибо вы обязаны знать это. Будьте внимательны».

ЮНЬ-ЯНЬ высказывания

Однажды Юнь-янь сказал общине: «Есть отпрыск одного из домов, который может дать ответ на любой вопрос».

Дун-шань спросил: «И сколько же книг в его доме?»

«Ни одного перогафа», — сказал Юнь-янь.

Дун-шань спросил: «Тогда откуда же он знает так много?»

«Он никогда не спит — ни днем, ни ночью», — ответил Юнь-янь.

Когда Юнь-янь подметал двор, Гуй-шань сказал: «Слишком занят!»

Юнь-янь сказал: «Вы должны знать, что есть тот, кто не занят».

Гуй-шань сказал: «Что ж, тогда есть вторая луна».

Юнь-янь перестал подметать и спросил: «Которая луна?»

Гуй-шань опустил голову и ушел. Когда Сюань-ша прослышал об этом диалоге, он сказал: «Именно вторая луна!»

Юнь-янь делал из соломы сандалии. К нему обратился Дун-шань: «Если я спрошу вас о понимании, могу ли я получить его?»

«И куда же ты дел свое собственное?» — ответил Юнь-янь.

«У меня его нет», — сказал Дун-шань.

«Если бы у тебя оно было, куда бы ты его положил?» — спросил Юнь-янь.

Дун-шань ничего не сказал.

Тогда Юнь-янь спросил: «А что о том, что спрашивает о понимании: это — понимание?»

«Это — не понимание», — ответил Дун-шань. Юнь-янь не одобрил его ответ.

Юнь-янь спросил одну монахиню: «Ваш отец еще жив?»

«Да», — ответила монахиня.

«Сколько ему лет?» — вновь спросил Юнь-янь.

«Восемьдесят».

«У вас есть отец, которому не восемьдесят лет, знаете ли вы об этом?»

«Это не тот, который есть “так приходящий”?» — спросила монахиня.

«Этот — просто потомок!» — сказал Юнь-янь.

Один монах спросил Юнь-яня: «Как это так — что, только подумав о чем-нибудь, человек попадает в царство демонов?»

Юнь-янь сказал: «Почему ты явился из царства будд?»

Монах ничего не ответил.

«Понял?» — спросил Юнь-янь.

«Нет», — сказал монах.

«Не говори, что не понимаешь; даже если бы ты понял, толку все равно не было бы».

ДУН-ШАНЬ

Песня о фокусировании драгоценного зеркала

Учение о существовании-как-оно-есть
Было передано Пробужденными;
Получив его,
Береги его как зеницу ока.
Серебряная чаша, наполненная снегом,
И цапля, спрятанная в лунном свете,
Похожи, но не одно и то же;
Поставь их рядом — они различны.
Смысл заключается не в словах,
Но он откликается на открывающиеся способности.
Люди склонны приклеивать ярлыки

И в бездействии падать в прошлое.
И отвергание и привязанность неправильны;
Это словно шаровая молния.
Облеки это в слова —
И вот оно уже нечисто.
В полночь оно сияет ярче всех;
На рассвете оно не появляется.
Оно ведет за собой людей,
И действие его избавляет от несчастий.
Хотя оно лишено затейливости,
Слова присутствуют в нем.
Это подобно тому, как если смотреть
в драгоценное зеркало,
Форма и отражение смотрят в нем друг на друга.
Ты не есть оно;
Оно — есть ты.
Оно подобно младенцу,
Со всеми своими способностями,
Оно не уходит и не приходит,
Оно не поднимается и не остается на месте,
Оно бормочет и лепечет,
Говорит, не произнося при этом ничего,
Оно никогда не принимает явственного облика,
Ибо речи его неправильны.
В шести чертах гексаграммы «Огонь»
Относительное и абсолютное составляют одно целое.

Расположенные одно над другим,
Они составляют три.
Завершение изменений образует пятерку.
Это сродни растению, у которого пять вкусов.
Сродни удару молнии.
Неведомое содержится в абсолютном;
Вопрос и ответ возникают одновременно,
Они выражают источник, а также ход превращений,
Они выражают гармонию, а также сам путь.
Слияние благоприятно;
Не противься ему.
Оно естественно и подлинно, при этом неведомо,
Оно не иллюзия, но и не пробуждение.
При должных условиях и в должное время
Оно ярко сияет в безмятежном спокойствии.
Оно мгновенно, и вмещается туда, где вовсе
нет места;
Оно так огромно, что пребывает вне направлений
и положений.
Малейшее отклонение
Означает крушение гармонии.
Ныне есть мгновенное и есть постепенное,
На которых основан подход к источнику.
Раз к источнику ведут разные пути,
Есть руководства и есть правила.
Когда источник обретен, путь пройден до конца,

И тогда наступает истинная вечность.
Быть спокойным вовне и беспокойным внутри —
Значит уподобиться жеребенку на привязи,
Значит уподобиться мыши, пойманной в мышеловку.
Древние мудрецы исполнились сострадания к людям
И оставили потомкам свое учение.
Если дать волю уморазличениям,
То даже белое превратится в черное.
Когда иллюзорным образам положен конец,
Сознание постигает себя в своей простоте.
Если желаешь следовать вечному пути,
Бери за образец пример древних:
Перед тем как стать Буддой-Пробудившимся,
Он десять вечностей сидел под деревом
в глубокой медитации,
Словно раненый тигр, словно привязанная лошадь.
Раз существует скромность,
Существуют и драгоценные украшения,
и прекрасные одежды;
Раз существует необычное,
Существуют кошки и домашний скот.
Искусный лучник может поразить мишень,
Находясь за сто шагов от нее.
Но там, где встречаются концы стрел,
Места нет искусности.
Когда деревянная кукла начинает петь,

Диалоги Дун-шаня

Дун-шань спросил как-то одного монаха: «Откуда ты явился?»

«Я был на горе», — ответил монах.

«И добрался ли ты до вершины?» — вновь спросил Дун-шань.

«Да», — сказал монах.

«Был ли там кто-нибудь?» — спросил Дун-шань.

«Нет», — ответил монах.

«Значит, ты не добрался до вершины», — заключил Дун-шань.

Но монах возразил: «Если бы я не достиг вершины, как бы я мог узнать, что там никого нет?»

«Надо же, а я не доверял ему», — сказал Дун-шань.

Дун-шань ел фрукты вместе с Даем, наставником общины. Дун-шань спросил: «Есть одна вещь, которая поддерживает небо и землю; абсолютно черная, она постоянно находится в средоточии дел, но дела не вмещают ее. Где ошибка?»

«Ошибка в делах», — сказал Дай.

Дун-шань убрал поднос с фруктами.

Юнь-чжу построил хижину на вершине горы и уже много дней не приходил в монастырь. Дун-шань спросил его: «Почему ты последнее время не являешься на трапезу?»

Юнь-чжу сказал: «Каждый день ко мне является небесный посланник и приносит подношения».

«Я полагал, что ты пробудился», — сказал Дун-шань. — Но ты по-прежнему [веришь в него]. Приходи ко мне сегодня вечером».

В тот же день Юнь-чжу отправился к Дун-шаню, который назвал его по имени. Когда Юнь-чжу откликнулся, Дун-шань сказал: «Не думай хорошо, не думай плохо — что это такое?»

Юнь-чжу вернулся в свою хижину, погрузился в медитацию и сидел, безмолвный и неподвижный. Небесный посланник не мог найти его. Через три дня посланник исчез.

Когда Цао-шань покидал Дун-шаня, последний спросил: «Куда ты теперь направляешься?»

«Туда, где не происходит изменений», — ответил Цао-шань.

«Если там нет никаких изменений, то как же можно вообще идти?» — возразил Дун-шань.

«Идти — тоже значит не изменяться», — ответил Цао-шань.

Наставления себе самому

Не ищи ни славы, ни удачи, ни известности, ни богатства. Просто проживи жизнь такой, какая она есть, соответственно обстоятельствам. Когда дыхание прервется, кого в этом винить? После смерти тела останется только пустое имя. Если одежда износилась до дыр, заштопай ее еще и еще раз; если у тебя нет пищи, добудь ее своим трудом. Как долго просуществует иллюзорное тело? Неужели стоит возвращать собственное невежество ради пустячных тревог?

Пять категорий Дун-шаня: разъяснение Цао-шаня

Абсолютное состояние относительно; если распознавать его в относительном, исполняются оба значения.

Абсолютное состояние относительно потому, что оно не противостоит никакой вещи. Но даже если оно не противостоит ни одной вещи, оно, тем не менее, все равно там.

Если в абсолютном нет никакого действия, тогда оно относительно; полнота действия есть завершенность. Вот что такое «оба значения».

Что такое «полнота»? Тот, кто не оборачивается назад, есть уже обретший. Абсолютное состояние не зависит от озарения: оно таково вне зависимости от того, появился Будда в мире или нет. Вот почему все совершенномудрые стремились к абсолютному состоянию, чтобы обрести понимание.

Относительное внутри абсолютного сокрыто в этом состоянии; прежде всего, не вызывай беспокойства.

Когда ученики выбирают собственное освобождение за пределами вещей, стоят перед мудрецами и заявляют, что это и есть абсолютное состояние, они на самом деле ограничивают абсолютное состояние. О подобных речах древние говорили, что они суть сохраняющиеся следы преходящего. Они еще не обрели невысказанного в высказанном. Кроме того, говорят, что такое состояние нельзя считать абсолютным потому, что есть нечто, выраженное в словах. Это можно назвать «ущербной гармонией», но никак нельзя назвать «взаимной гармонией».

Относительное состояние, хоть оно и относительно, исполняет оба значения; если распознавать его в конкретных условиях, то оно есть невысказанное в высказанном.

Дело в том, что в действии не определить цели; когда цель не определена, это означает, что действие не фиксированно.

Относительное состояние, хоть оно и относительное, исполняет оба значения в том смысле, что в действии нет ни вещи, ни привязанности; вот что такое «два значения». Хотя относительное состояние проясняется в действии, поскольку в речи оно лишено силы, можно говорить хоть целый день, и все равно оно останется словно невысказанным.

Относительное состояние на самом деле обладает полнотой; оно означает отсутствие привязанностей среди мирской суеты.

В абсолютном может быть возникновение; это — высказанное в невысказанном.

Возникновение в абсолютном не зависит от условий; об этом говорил Яо-шань: «Есть у меня слова, которые я никогда не произносил ни перед кем». Дао-у говорил: «Они возникают вместе». Понимание его поистине неусловимо. Подобных примеров великое множество. Вещи должны возникать во взаимодействии, не смешивая возвышенного с низменным. Это называется высказанным в невысказанном. Также, если говорить о сказанном Яо-шанем «есть у меня слова, которые я никогда не произносил ни перед кем», то, когда участвующие в беседе высказывают свои суждения, они должны избегать отвергания и привязанности; ведь причиной и отвергания, и привязанности является невежество.

Невысказанное в суждении не свидетельствует о благородстве, оно не уклоняется ни влево, ни вправо; поэтому оно называется «возникновением в абсолютном».

Возникновение в абсолютном ясно показывает, что абсолютное не зависит от каких бы то ни было конкретных условий. Если еще обратиться к примерам, то это сродни «как это может быть, чтобы черные бобы не пустили ростки?», или «есть некто, кто не дышит», или «разве можно что-то высказать прежде понимания?» Вот где возникают будды десяти направлений. Все эти примеры указывают на «речь невысказанного».

Возможно также заимствование феноменов для временного использования. В состоянии возникновения в абсолютном тот, кто отзывается, должен прояснить понимание вещей в относительном; прояснение невозможно, если погружен в абсолютное состояние.

Если хотите знать, как это выражается, то приведу такой пример. Мой покойный учитель Дун-шань спросил как-то своего ученика-корейца: «Где ты был до того, как пересек море?» Ученик ничего не сказал, поэтому Дун-шань ответил сам: «Прямо сейчас я и нахожусь в море, вот где я!»

Это также подобно тому, как Дун-шань ответил за одного старшего монаха, который выставил вперед свой посох и которого спросили, откуда этот посох: «Он выс-

тавлен прямо сейчас! Есть кто-нибудь, кто мог бы ухватить его?»

Во всех этих примерах, хотя признание происходит в сфере обусловленных объектов, оно отлично от предыдущего состояния, когда еще не было обретоено истинное понимание. Позднее люди могли отнести это на счет духовного совершенства, сочтя его запредельным.

Например, ученики используют это высказывание для ответа на вопрос о смысле сказанного основателем дзэн: «Я расскажу вам, когда одинокая корова рождает теленка!». Ученики говорят, что здесь идет речь о возникновении в абсолютном состоянии. Однако высказывание такого рода ни при каких обстоятельствах не может считаться возникновением в абсолютном. Его можно назвать «диалогом о мистическом пути»; здесь то же самое — это конкретный путь. Это также нельзя назвать и взаимодействием, поскольку здесь все очевидно; даже если и гость, и хозяин взаимодействуют, можно назвать это лишь «ущербной гармонией».

Может быть возникновение в относительном; это — невысказанное в высказанном.

Возникновение в относительном подразумевает наличие условий, как в словах: «Что мы можем назвать “имеющимся прямо сейчас?”» Поскольку ответа не последовало, Дун-шань сказал: «Нельзя не получить». Подобных

примеров гораздо больше; это называется «невысказанным в высказанном».

Слова возникают из элементов, звуков и плоти, которые не определяют ни места, ни направления, ни правильного, ни неправильного. Вот почему говорят, что их следует понимать сообразно условиям. Вот что такое возникновение в относительном.

Есть множество других соответствующих изречений. Например: «Что так появилось?» «Когда забывают и сознание, и объекты — что это такое?» «Когда уровень овладения сосредоточением и пониманием один и тот же, ясно видишь природу Будды». Все эти примеры, коих великое множество, тоже говорят о невысказанном в высказанном.

Возникновение в относительном проясняет сущность, сокрытую в вещах, как в словах: «Что так появилось?» и «Когда забывают и сознание, и объекты — что это такое?» Эта категория изречений относится к достижению незамутненного состояния и проясняет состояние в смысле практикования.

Здесь я также привык прибегать к соответствующим примерам. «Что так появилось?» является одним из примеров высказывания: хотя нечто признается в определенных условиях, во взаимоотношении с остальным, оно не то, что прежде. Опять-таки, что касается примера: «Когда уровень овладения сосредоточением и пониманием один и

тот же, ясно видишь природу Будды — что это за принцип?» — то я бы прежде процитировал соответствующее высказывание. Что же касается слов «Когда забывают и сознание, и объекты — что это такое?»», то этот пример из учения сутр, поэтому он не то же самое, что мистическое постижение. Что необходимо делать, сталкиваясь с примерами из сутр, так это проникать сквозь них прямо к вратам источника. Вот в чем заключается общедоступное учение.

Что касается слов «Выдыхая, я не попадаю в зависимость от условий; вдыхая, я не пребываю ни в царстве материальных элементов, ни в царстве элементов сознания», то здесь речь идет исключительно о практиковании; это вовсе не то же самое, что признание в конкретных условиях. Здесь я также обычно прибегал к примерам, где хозяин уходит в абсолютное, говоря: «Есть тот, кто не выдыхает и не вдыхает». Тем самым он хотел, чтобы другие узнали об абсолютном.

Далее, есть предельное состояние незапятнанной чистоты, включающее в себя практикование. Его также можно назвать «возникновением в относительном». Его трудно распознать, но можно ухватить.

Например, один монах спросил как-то Дун-шаня: «Что такое таинственное учение?» Дун-шань ответил: «Оно подобно языку покойника». Другой человек спросил Дун-шаня: «Что можно подносить в качестве жертвы каждый

день и утром, и вечером?» — «Ничего», — ответил Дун-шань. Считается, что это и есть возникновение в относительном, но два приведенных выше примера не следует называть «возникновением в относительном состоянии». Необходимо различать их на индивидуальном уровне. Слова о «таинственном учении» можно считать тем же самым, что и практикование и обретение, но ни одно высказывание нельзя назвать ни «относительным», ни «взаимодействием». Об этом уже было сказано. Здесь речь идет о применении практики для прояснения состояния; использование состояния для прояснения практики — то же самое.

Может быть взаимное объединение; здесь мы не говорим, что есть высказанное и есть невысказанное. Мы должны просто непосредственно продвигаться. Необходимо совершенная гибкость; вещи должны быть совершенно гибкими.

Когда речь идет о взаимном объединении, сила слов не относительна и не абсолютна, слова не подразумевают ни существования, ни несуществования, так что они кажутся завершенными, не будучи завершенными, и недостаточными, не будучи недостаточными. Можно лишь непосредственно продвигаться; продвижение означает, что мы не задаем цели. Когда цель не заявлена в словах, слова обладают наибольшей непостижимой глубиной. Если событие

кажется незавершенным, то виной тому — обыденные чувства.

Примером могут служить слова Дун-шаня об истории о Вэнь-шу и чаепитии: «Разве можно было бы использовать это?» Как говорил Цуй-вэй: «Что ты пьешь изо дня в день?»

Тем не менее, все слова о Пути ущербны; постигающие учение должны совершенствоваться в речах и продвигаться вперед. Высказанное есть так приходящее; невысказанное есть так уходящее. Среди последователей учения имеют место слова, но они не проникают ни в высказанное, ни в невысказанное. Они называются «объединенными словами». Такие слова вовсе не имеют никакой явной цели.

«Объединение» не впадает ни в сферу высказанного, ни в сферу невысказанного. Примером здесь могут служить слова Яо-шаня о ношении меча, которые являются «объединенными». Наблюдай за силой действия, оказываемого словами в конкретный момент; иногда она непосредственная и прямая, а иногда сила эта есть пустота в сфере различения. Если не сможешь понять это, ты далеко, очень далеко.

Приведем несколько примеров «объединенных суждений». Таково, например, замечание Вэнь-шу о чаепитии, а также слова: «Куда отправился этот человек прямо сей-

час?» Юнь-янь говорил: «Так что? Так что?» Он также восклицал: «А что если прямо сейчас?» Подобных примеров великое множество.

Есть также объединение в сфере практики и обретения, напоминающее запредельное. К нему следует относиться в зависимости от ситуации: например, если ты оказался пойманным в состояние чистой легкости, необходимо понять, что по-прежнему что-то происходит. Иди, если нужно идти; остановись, если нужно остановиться. Будь гибким и приспособляйся бесчисленным количеством способов, не будь упрямым и грубым.

И тогда сила слов того, кто спрашивает, и сила слов того, кто отвечает, будут откликаться друг на друга. Ничто не выходит за пределы пяти категорий. Однако слова могут быть грубыми или изысканными, а ответы — недалекими или глубокими. Вот почему Дун-шань выражал то, что заключено не в словах; в каждом случае он считал это необходимым ответом на внешние условия, вот и все.

«Люди великого невежества», будучи завершенными в своей сущности, не то же самое, что «неисправимые». «Неисправимые» страдают духовной болезнью, когда они знают, что нужно что-то сделать; но даже несмотря на то, что они страдают духовной болезнью, они достигают совершенства. «Страдать духовной болезнью» означает не думать о дзэнских наставниках, буддах и даже о своих собственных родителях.

«Испорченные люди» не погружаются полностью в несение тяжкого бремени, поэтому они не создают для себя идолов.

У «людей, стремящихся сохранить [свои привычки] во что бы то ни стало», ноги глубоко увязли в грязи, так что вести их за собой — большое искусство.

«Объединение» должно быть таким же, как высказывание Вэнь-шу о чаепитии, как ответ Дун-шаня на восклицание Юнь-яня, когда они вместе обрабатывали поле, как слова наставника Аня о монастырском зале или как диалог Яо-шаня и Чунь Бу-на об омовении Будды. Что же касается самого чудесного объединения, то здесь ничто не сравнится с ответом Яо-шаня на слова Дао-у о ношении меча или со словами Бай-чжана «что это?», сказанными им, когда он покидал монастырь и община была на грани распада. Когда эти слова дошли до Яо-шаня, находившегося в то время очень и очень далеко, он воскликнул: «Оно здесь!»

«Объединение в темноте» в равной степени использует практику для прояснения вещей и использует вещи для прояснения практики; оно использует ошибки для прояснения достижений и использует достижения для прояснения ошибок. Все, что дали Яо-шань, Дун-шань и прочие достойнейшие, что выходит за пределы и прорывается в абсолютное, есть просто чудесное выражение мистических бесед, и все. Когда же в конце концов слова их

дошли до тех, кто обладает незначительными способностями, они обратили слова мудрецов в абсолютное, и теперь высказывания эти обычно используются именно применительно к абсолютному.

Мне необходимо сделать еще так много, поэтому у меня не было возможности вдаваться в подробности, и я остановился лишь на кратких пояснениях. Не относитесь к этому пренебрежительно; если вы по-прежнему привязаны к чему-либо и не можете оторваться, помните, что вы должны всегда и везде прорываться к несомненному. Практикуйте усердно и самоотверженно, чтобы дело великих наставников прошлого не погибло. Не раскрывайте опрометчиво тайны, но если вы встретите того, кто прост и чист, кто являет собой необычайный сосуд, не утаивайте от него ничего.

ХУН-ЧЖИ проповеди

Пустой, но всепроникающий, изначальный свет сияет спонтанно и естественно; спокойное, но чуткое, великое действие непостижимо проявлено. Деревянный конь, ржание которого во все стороны разносит ветер, не ступает по следам настоящего; глиняный вол, возникающий из моря, вспахивает весну эона пустоты.

Вы поняли?

Туда, куда вас манит рукой яшмовый человечек, возвращаются еще более великое чудо.

Одна беспредельная ясная пустота, ночь ровно на половине пути; холодная луна источает мороз. Когда свет и тьма неразделимо смешиваются, кто различит абсолютное и относительное в них?

Вот почему сказано: «Хотя абсолютное абсолютно, при этом оно относительное; хотя относительное относительно, при этом оно завершено». В этот самый момент как вы распознаете?

Как ясно — пара источающих сияние глаз прежде любого побуждения!

Как величаво — вечное тело за пределами форм!

Каждая мельчайшая частица в любой земле есть «я»; просто негде укрыться. Куда бы ты ни пошел, непременно встретишься с Этим; у такого человека есть глаза. В зарослях сотен трав, у врат суматошного города невозможно перепутать — ты не движешься вместе с потоком. В словах это невыразимо, поэтому ты не изрекаешь ничего.

Когда нет никакого места, где можно было бы «оставить» сознание, когда не на что опереться, когда некуда идти, когда нечего сказать — все это невозможно ни увидеть, ни описать, невозможно ни ухватить, ни применить. Тотальность всех форм равнозначна его действию; все пространство космоса равнозначно его телу. Неограниченно свободное в поступках, это бессмертное создание пребывает среди множества видов; искусное и чуткое, оно в средоточии материального мира, но при этом отлично от него.

Вот почему один из наставников говорил: «Подлинная природа — это Земная Сокровищница сознания. Не имеющая ни головы, ни хвоста, она возвращает все существа сообразно условиям; условно именуют ее знанием». Так что же такое условное знание, которое возвращает все существа сообразно условиям? Вы поняли? «Не считайте странным, что я вновь и вновь предлагал вам вино после того, как мы сели, ведь когда мы расстанемся, мы едва ли встретимся снова».

Будучи одинокими и неизменными, действуя обдуманно и неистощимо, не взирайте свысока на феномены,

застилающие вам глаза. В мире, в котором есть только сознание, вы должны полагаться на это. Тысяча горных вершин указывает вверх, сотни рек впадают в море.

Если вы постигнете это, то вы свернете занавески и скатаете шторы. Если не постигнете — закроете двери на засов и воздвигнете барьер. Невежды не блещут быстрой умом, говори с ними хоть о понимании, хоть о непонимании.

Сокрытое внутри круга озарение — дремлющий дракон что-то шепчет в облаках, окутывающих засохшие деревья. Подлинная ясность и чистота за пределами измерений — узоры на луне придают печальный облик ночному небосводу.

Путь, по которому движется челнок ткацкого станка, может распознать и высеченная из камня женщина; талисман, висящий под локтем, может использовать и вырезанный из дерева человек. Поэтому всю вселенную можно заклеить одной печатью так, что в целом космосе не будет упущено ничего.

Вы поняли? Когда шесть чувственных ощущений передают ясный смысл, весь мир свободен от пыли.

Когда каждая частичка земли есть «я», нет места, где можно было бы укрыться; когда встречаешься с Этим повсюду, тебя озаряет понимание. Не захваченный феноменами и не сметенный прочь событиями, невыразимый в понятиях, полностью освободившийся от просачивания, знай, что великое дело проявляет себя в поступках последователей дзэн.

Один древний наставник был наполовину чудакom, наполовину сумасшедшим. Другой имел обыкновение в одиночестве петь и танцевать. Вы понимаете? Если вы прибегаете к помощи ветра, чтобы раздуть огонь, не нужно прикладывать больших усилий. Исследуйте это!

Когда шесть чувственных ощущений возвращаются к своему истоку, они несравненно действенны и чисты. Когда физические элементы возвращаются к своему истоку, все тело сияет, и ни одна пылинка не загрязняет его. Так вы сможете отсечь все причинные связи, прервать их постоянство, слиться с временем и стереть все различия. Вы поняли?

«Птица духа спит на ветке, на которой не распускаются листья.

Цветок пробуждения расцветает на дереве, которое не отбрасывает тени».

Одна-единственная частичка материи порождает бесконечные миры; одно-единственное мгновение мысли выходит за границы бесконечных вечностей. В одном-единственном теле проявляются бесчисленные существа; в одной-единственной реальности заключены бесчисленные будды. Вот почему сказано: «Всёцелое и полное понимание есть мое святилище; тело и сознание пребывают в мире, если они знают о сущностном равенстве всего».

Состояние это не знает ни пространственных, ни временных границ. «Я» и «не-я» соединяются, перемешиваясь, как вода и молоко; центр и оконечность взаимопроникают, отражая друг друга, словно образы зеркал.

Как можно выразить в словах то, что ты сдерживаешь себя, дабы не принести вреда живым существам?

Когда сознание не переходит от одного состояния к другому, тогда, собираясь сделать следующий шаг, ты не теряешь направления.

Являясь из ниоткуда, уходя в никуда, постигая равенство принципа единства, мы видим пустые образы всех вещей. Там, где утренние облака рассеялись, солнце сияет ярко; если ночью прошел дождь, ручьи в долине выходят из берегов. Тело восприятия, независимое и свободное, вечно цепляется за одну-единственную таковость; оно вместилище мириад форм и само откликается на реальность. И тогда более нет надобности мыслить намеренно; естественным образом возникает тот, кто поддерживает все.

Тем из вас, кто обрел Великий Покой: если вы не принимаете пищу, вы утрачиваете величие духа.

Исчезнувшие, но не умершие — вы сознательно сливаетесь с космосом; живые, но не рожденные — вы непостижимым образом действуете в гармонии со всеми вещами. Неразличимые прежде времен — вы у себя в доме и после воплощения. Журавль спит в своем гнезде, безучастный ко всему; свет блеклой луны с трудом пробивается сквозь зеленую чащу леса. Когда дракон что-то шепчет, ночь длится долго; облака упорно окутывают иссохшее дерево.

Именно в такое время нет ни рождения, ни смерти, ни прихода, ни ухода. Лишь путь к действию существует непостижимым образом; вы постигли его?

*Туман окутал синевато-зеленые заросли тростника —
Снег лег на песок.
Ветер играет белыми водяными цветами —
Осень на реке.*

Лодочник сказал Цзя-шаню: «Там, где вы скрываетесь, не должно быть следов; но не укрывайтесь в бесследном. Проведя в учениках у наставника тридцать лет, я понял только это».

В редкой траве на холодной скале завершаешь путь, даже если сидишь; под ясной луной и белыми облаками с каждым своим шагом источаешь образы.

*В такой момент, как ты поступаешь?
Темное отверстие не имеет ничего общего
С названием «замок».
Какое дело может быть у тех, кто следует
двойственности,
Стремясь при этом к запредельному?*

Облака естественно свободны и не имеют намерений; небо всеобъемлюще и не имеет пределов. Путь отзывается повсеместно, без всяких образов; дух всегда умиротворен, и при этом не-мыслит. Следуй сему и не увидишь его следов; выйди навстречу и не увидишь, как оно приходит. Вся Трипитака сводится лишь к восхвалению этого; будды всех времен могут лишь взирать со стороны.

Светильник ярок, зал пуст; когда женщина работает за ткацким станком, путь челнока изящен. Вода отражает свет, ночь тиха и безмолвна; рыбак завернулся в свой тростниковый плащ, холодный свет луны озаряет лодку.

Достигали ли вы когда-нибудь такого состояния, такого времени? Если нет, не стремитесь к этому впопыхах.

Толочь семена кунжута, чтобы получить масло, и готовить кашу из семян — все это дела, достойные последователей учения. Практикуя Путь, важно оставаться уравновешенным и спокойным; зачем нужно вступать в борьбу, чтобы продвинуться в мгновение ока?

Наши средства к существованию — естественное; наша семья — окружающая реальность. Следуя по течению,

повинуясь воле ветра, возвращающаяся домой лодка причаливает к берегу. Свободные люди смеются не таясь; состояние их понятно тем, кто понимает.

Дело здесь даже не в учении Будды. Просто нужно все время делать тело и сознание пустыми, не утруждать их, как нитку, которая повсюду следует за иголкой. И тогда ничто не будет омрачать открытый, невозмутимый и свободный духовный свет изначального состояния.

Если в своем практиковании вы обретете повсеместную спонтанную гармонию и сможете чутко откликаться на все всегда и везде, и при этом ни одна вещь не будет являться преградой для вас, так что вы сумеете опередить всех совершенномудрых, только тогда вас можно назвать последователями учения.

Если же вы полагаетесь на других, принимаете на веру их суждения и позволяете им сбивать себя с толку, то чем вы отличаетесь от слепого осла, следующего за толпой?

Если так, то о чем в конечном счете я говорю? Просто дело в том, что вы не возвращаетесь назад; если вы вернетесь, вы сможете. С кем тогда соперничать в окутанных туманом волнах озер?

Непостижимое присутствие, спокойное и величавое в своей тишине, на самом деле не есть ничто; подлинное понимание, обладающее чудесной действенностью, на самом деле не есть нечто. Двигайтесь вперед, а потом, оказавшись между ними, отступите на шаг и осмотритесь: там, где кончаются белые облака, покрытые зелеными лесами горы редки. Исследуйте это!

Открытая чистота безгранична, и тем не менее знание сопровождает ее. Вселенская чуткость не знает обусловленного метода, и тем не менее дух пребывает в гармонии с ней. Когда знание открыто, оно, острое и пробудившееся, постигает спонтанно; деятельность духа непрерывна и лишена всяких намеренных усилий. И тогда вы сможете повсюду и всегда источать великий свет, исполняя светлые дела.

Вот почему сказано: «Ни горы, ни реки не являются преградой; свет проникает повсюду». А разве не слышали вы слова: «Если люди желают войти в царство будд, они должны сделать свое сознание похожим на всю вселенную, отстраниться от всяческих признаков и фиксаций,

и тогда сознание, куда бы оно ни обращалось, не будет ведать никаких преград?»

*Как действуешь ты, чтобы обрести это единство?
Воды и луна, неспешные и величавые, взирают друг на друга:
Ветер в соснах, ясный и чистый, так и не стих.*

Почему поглотившие всех будд всех времен не могут открыть свои рты? Почему прозревшие сквозь весь мир не могут закрыть свои глаза?

Я в один миг излечил вас от многих болезней; но как вам выздороветь окончательно? Вы понимаете? Открытие оттенков Цветочной горы равнозначно парению в вышине; высвобождение шума Желтой реки достигает моря.

Если хозяин не обладает знанием, он превращается в гостя; и тогда нет возможности откликаться на мир. Если гость не обладает знанием, он превращается в хозяина, и тогда нет никакого понимания за пределами чувственных ощущений.

Каков тот, кто ушел? Он спокоен и безмолвен, он ушел, не оставив и следа. А что с тем, кто вернулся? Совершенно ясное и чистое, что-то происходит.

Выкопай пруд, не жди, когда взойдет луна и подарит свет. Когда пруд готов, лунный свет появится сам собой.

Что касается преходящих объектов, то прошлое, настоящее и будущее обновляются вновь и вновь. В пределах твердой земли изначальная светлая сила непостижимым образом превращается в движение. Пребывая, но не приклеиваясь, можешь без усилий поворачивать колесо возможности; живой, но нерожденный, можешь непостижимым образом вырваться за пределы иллюзорных феноменов.

Вот как мы берем пространство для нашего тела и используем абсолютно все в своих действиях, без напряжения откликаясь на зов мира, полностью, без каких бы то ни было исключений, постигая пустоту единого.

Но как на опыте постичь жизнь, не будучи рожденным? Вы понимаете?

*Если хочешь знать, что случится весной —
Цветы зимней сливы не ведают об этом.*

Каждый язычок пламени огня вечности оставляет горячую золу событий; в пустоте вечного отсутствия присутствует исток понимания. Нет более ни красоты, ни уродства, которые могли бы явить недостаток; красота и уродство исходят отсюда.

Составляя формы из сознания и объектов, куклы играют свою роль на сцене. Прорвись сквозь раскрашенную ширму, вернись обратно — родные поля широки и чисты.

Используйте свет изначального, чтобы смыть темноту долгой ночи невежества; используйте знание вселенной, чтобы вырваться из пут сомнений бесчисленных вечностей. Рождение и смерть в изобилии сменяют друг друга,

но им не добраться до обиталища подлинной чистоты; расставляющие ловушки ситуации причиняют беспокойство, но им не достичь царства совершенной ясности. Пусть вовне они изменяются — сами вы остаетесь пустыми внутри. Вступив в круг Пути, вы постигаете глубину и забываете об иллюзорных феноменах.

Вот почему древние говорили: «Есть нечто, что прежде вселенной; бесформенное, изначально спокойное, оно властвует над мириадами форм и никогда не иссыхает на протяжении всех четырех сезонов».

*Но скажи мне, что же это?
Кит выпивает океан до самого дна,
обнажая коралловые ветки.*

Белое не имеет цвета, но стоит прежде всех остальных цветов; вода бесвкусна, однако все вкусы лучше всего распознаются именно с ней. Путь не имеет начала, но пронзает всю вселенную; Учение не имеет определенной формы и потому может быть таким или другим.

Долина всегда пуста, однако отзывается эхом на крик; зеркало само по себе чисто, а отражение соответствует форме.

Если обретете такое состояние тела и сознание, великие дела, неограничиваемые и свободные, не сможет присвоить никто. Но скажите-ка мне, кто есть тот, кого нельзя присвоить?

Вы понимаете?

Непостижимым образом проникать к истоку мысли, оставаясь неподверженным мириадам побуждений.

Тело собрано из мельчайших частиц, но представляет собой величавое и удивительное создание. Сознание — это не эмоциональные и умозрительные ловушки, но неведомое одинокое понимание.

Сущность — вне всяких преград. Действие в основе своей независимо. Не уходить и не приходить, не быть ни очевидным, ни таинственным, откликаться на формы и звуки, будучи свободным от противопоставления или зависимости.

Нам, членам общины, делающим свое дело, подходит благодарственная молитва перед трапезой, состоящей из булочек и пирожных.

Обладающие мириадами добродетелей, вы совершенно свободны от пыли, даже тогда, когда эфемерные вещи стоят стенами.

Вы намеренно прекращаете говорить и мыслить, чтобы погрузиться в ничем и никем не тревожимое безмолвие, и тогда внутренний путь существования источает спонтанный свет, и вы беспрепятственно странствуете в океане подлинной вечности.

Когда вы принимаете его, он кристально чист; тысяча разливий и десять тысяч разграничений не смогут замутнить его. Когда вы обретаете его, он свободен от всяких признаков и атрибутов; нигде и никогда не найтв и малейшего следа его.

Вот почему древние говорили о существовании, при котором невозможно заманить в ловушку, невозможно призвать обратно, существовании, для которого не нашли слов даже совершенномудрые, существовании, которое даже сейчас не имеет определенного места.

Но скажите мне, как нужно поступать, чтобы обрести такое понимание?

Вы проникаете в суть?

«Идти туда, где кончается река; сидеть и ждать, когда появятся облака».

Когда человек беспристрастен, он не говорит; когда вода находится на одном уровне, она никуда не течет. Когда ветер тихий, цветы все равно опадают; когда птицы поют, горы кажутся еще таинственнее.

Поэтому природа не знает ни избытка, ни недостатка; нет никакой необходимости что-либо добавлять к ней.

В царстве чистоты и спокойствия все вместилище свежего воздуха пропитано запахом осени. Когда тело и сознание прозрачны, луна сокрыта в туманном облике ночи. Дух действует спонтанно, он открыт и неизменно пуст; вы отсекаете причинность рождения и смерти и отходите от субъективных оценок «существующего» и «не-существующего».

Достигли ли вы такого состояния и можете ли вы вести себя так?

*«Когда срубил дерево-кассию и уронил его на луну,
Свет ее только прояснился».*

Постигните истинную пустотность времени, и вы познаете самих себя; если вы не выпадаете ни в существование, ни в не-существование, вы выходите за пределы рождения и смерти.

Ночная лодка, несущая луну, ловит в свои сети реку свободы; наследие незамутненной чистоты подобно этому.

Аффекты сгущаются и образуют тело; мысли утверждаются и образуют мир; вот отчего вы носитесь по волнам океана рождения и смерти.

Если же вы пробьетесь к духовному источнику, непосредимый покой которого ни с чем не смешан, вы поймете, что иллюзии и образы не составляют никакого препятствия.

Когда чувственные ощущения увядают, а главные элементы распадаются, всегда остается одна реальность, сияющая совершенной чистотой.

Сливающиеся в ярком свете луны снег и тростник смывают глаз; подгоняемая чистым ветром, ночная лодка быстро возвращается назад.

Цвет опустошает, тем самым перенимая печать будд и дзэнских наставников; свет рассеивает темноту, тем самым увековечивая светильник, озаряющий мир.

В этот миг вы не попадаете в плен мыслей; здесь вы можете повернуться совершенно свободно.

Вот почему Лодочник говорил: «Пусть не останется следов там, где вы спрятались, но не пытайтесь прятаться там, где следов нет. Проведя тридцать лет у Яо-шаня, я понял только это».

А теперь скажите мне, что он понял? Вы знаете?

Черепаха возвращается в свой дворец, скрытый в глубинах океана; вечерний прилив отступает; когда луна пересекает звездную реку, душа ночи чиста.

Разум открыт и сияет; дух невозмутимый и всепроникающий, голый холод преобразует ночь; замерзшая луна движется по небосводу.

Вот как должен действовать последователь учения. Четыре части света и восемь направлений кристально чисты. Подумайте над этим!

Пустой, пустой, не оставляющий никаких следов, не очерняемый даже маленьким пятнышком, спокойный и неподвижный, свободный от слов, единый сокрытый в тебе дар естественным образом начинает действовать.

В этот миг даже будды прошлого и будущего не осмелятся назвать себя учителями; в этот миг даже основатели учения не осмелятся провозгласить себя наставниками.

Вы поняли?

*болотая игла под двойным замком;
Путь гармонии непостижим и всеобъемлющ.*

Великолепный и изысканный, он чудесным образом проявляется в мириаде форм; чистый и очевидный, он встречается во всех вещах. Я не вижу никакого внешнего «другого»; «другой» не видит никакого внешнего меня. «Другое» — это не то, что вне «я», поэтому объекты чувственных ощущений исчезают. «Я» — это не то, что вне «другого», поэтому чувства восприятия утрачиваются.

Вот почему сказано: «Мир таков, существа таковы; каждая частичка такова и каждая мысль такова».

Но скажите-ка мне, как действовать, чтобы обрести такое понимание? Вы понимаете?

*Единый сокрытый дар действует непостижимо;
ступица Дао неподвижна;
Отражения мириадов образов протекают мимо, но
зеркало сознания по-прежнему пусто.*

ДОМ ЮНЬ-МЭНЯ

СЮЭ-ФЭН изречения

Вся вселенная, весь мир есть ты; думаешь ли ты, что есть что-нибудь другое? Вот почему в «Сутре героического пути» сказано: «Гоняясь за вещами, люди теряют себя; если бы они смогли повернуть вещи кругом, они бы стали такими же, как Будда».

Чтобы обрести пробуждение, необходимо постичь собственную сущностную природу. Что значит «постичь собственную сущностную природу»? Это значит постичь свою изначальную природу.

Какова ее форма? Если постигаешь свою собственную изначальную природу, нет никакого конкретного объекта, который следовало бы искать.

В это трудно поверить, но все будды обретают ее.

Названия для единого сознания следующие: природа Будды, истинная таковость, сокрытая сущность, чистое духовное тело, основа понимания, истинное «я», непорочность, вселенское сознание, подобное зеркалу, пустой источник, высшая истина, чистое сознание.

Будды прошлого, настоящего и будущего, все их зафиксированные в сутрах речи — все сокрыто в вашей изначальной природе, во всей завершенности и полноте. Нет нужды ничего искать, но вы должны спасти себя. Никто не сможет сделать это за вас.

Посмотрите, посмотрите на этих повзрослевших, странствующих по всем частям света! Куда бы вы ни отправлялись, когда вас спрашивают, откуда вы, вы тут же говорите «здравствуйте», «до свидания», поднимаете брови, закатываете к небу глаза, идете вперед или назад. Если вы распространяете загрязненное дыхание, то, еще не успев

начать, уже оказываетесь в норе дикой лисицы. Принимая слугу за хозяина, вы не различаете чистоты и замутненности. Обманывая себя в настоящем, в конце жизни вы превратитесь в стаю диких лисиц.

Вы понимаете, о чем я говорю? Как возможно в таком случае сделать людей хорошими? Получив прибежище Шакьямуни, вы уничтожаете его священное наследие. С чем можно сравнить такое отношение? По всей Поднебесной учение Будды умирает прямо у нас на глазах. И не считайте это пустяком! Вот я сижу сейчас здесь и не вижу среди вас ни одного, кого можно было бы с полным правом назвать достойным посвящения в сокровенные тайны дзэн, передаваемые с незапамятных времен. Вы просто сбившиеся в стаю невежды, разбойники, разрушающие учение Будды. Древние называли бы вас людьми, отрекшимися от мудрости. Прежде чем вы сумеете обрести подлинное понимание, вам необходимо стать совершенно другими.

Для обретения же его необходимо обладать недюжинной силой характера; и не бегайте больше ко мне вновь и вновь, по поводу и без, не полагайтесь на меня, не идите истины в моих словах и не просите наставлений. Тот, кто обладает характером, понимает, что все это — бессмысленно. Отличаете ли вы хорошее от плохого? Сейчас я вот этой тростью прогоню прочь все это сборище невежд!

Если вы сумеете сразу же постичь, что такое «истинная таковость», это самое лучшее, что вы сможете сделать — тем самым вы сэкономите массу времени; и не приходите ко мне за наставлениями. Вы понимаете, о чем я говорю? Если вы — потомки основателя учения Бодхидхармы, вы ни за что не будете принимать пищу, разжеванную кем-то другим.

Более того, вы не должны связывать самих себя. Ведь разве вам чего-то недостает? Если вы отдаете себе отчет в том, что вам предстоит сделать, то цель ваша так же ясна и очевидна, как вечно сияющее на голубом небе солнце. Ничто и никогда с безначальных времен не препятствовало этому, так почему же для вас это составляет тайну?

Если бы я говорил вам, что для обретения понимания вы должны сделать хотя бы полшага, приложить хотя бы малейшие усилия, прочитать хотя бы слово из сутр или же повторять вопросы, заданные другими, я бы тем самым обманывал вас и угрожал бы вам.

Что же это — то, что прямо здесь и сейчас?

Не способные обрести это, не умеющие всматриваться в самих себя и глубоко исследовать, чтобы понять самих себя, вы только и можете, что ходить к невежественным и бестолковым «почтенным наставникам» и заучивать их

слова. Какое отношение имеет это к подлинному знанию? Разве вам неизвестно, что оно невыразимо в словах? Я говорю вам, что, если вы запомните хотя бы одну фразу какого бы то ни было наставника, вы навсегда превратитесь в лисиц-оборотней. Вы понимаете, что я хочу сказать?

ЮНЬ-МЭНЬ изречения

Проповедовать Путь, безусловно, очень и очень нелегко; даже если сможешь в одной фразе обрести гармонию с ним, это по-прежнему лишь осколок. Если же мечешься наугад, туда и сюда, то это еще более бесполезное занятие.

Внутри Колесниц учения есть свои разделы: заповеди предназначены для нравственного совершенствования; сутры предназначены для обучения сосредоточению, а трактаты — для постижения мудрости. У каждой из Трех Корзин, Пяти Колесниц, Пяти эпох и Восьми Учений — свое предназначение. Но даже если вы сумеете напряженно постичь полное и непосредственное учение Единой

колесницы, что сделать чрезвычайно трудно, вы по-прежнему далеки от истинного пробуждения.

Что касается дзэнского учения, то даже если вы сможете выразить свое состояние в словах, это по-прежнему бесполезное и бессмысленное беспокойство пребывания в мысли. Различные методы, с взаимовлияющими практиками, имеют бесчисленное множество вариаций; когда пытаетесь двигаться вперед, ошибка ваша заключается в том, что вы гоняетесь за словами других.

А что о нескончаемой тревоге? Можете ли вы назвать ее завершенной, назвать ее непосредственной? Можете ли вы назвать ее мирской или запредельной? Лучше вовсе не истолковывать ее, чем истолковывать неправильно! Когда вы слушаете эти мои слова, не поворачивайтесь сразу же туда, где нет ни завершенности, ни непосредственности, которые можно было бы измерить и рассчитать.

Чтобы постичь это, вам необходимо сохранять цельность; куда бы вы ни отправлялись, не щеголяйте ни изречениями своих наставников, ни подражательными высказываниями, ни расчетливыми речами, выдавая их за собственное понимание.

Не воспринимайте это буквально. Прямо сейчас, в чем же дело?

Лучше и не говорить о том, что сегодня я пытаюсь дурачить вас. Чтобы начать, мне не остается ничего другого, кроме как поднять суету вокруг себя, но если бы кто-нибудь взглянул на меня непредвзято, я бы выглядел в его глазах посмешищем. Увы, мне не избежать этого, поэтому позвольте мне спросить вас всех: в чем с безначальных времен заключается суть? Чего вам недостает?

Если бы я даже сказал, что никакой сути нет, тем самым я уже похоронил бы вас, и, тем не менее, вы должны обрести это состояние прежде, чем достигнете понимания. И не тараторьте, задавая вопросы о чем ни попадя; пока сознание ваше не чисто, в будущем вам предстоит трудиться и трудиться не покладая рук.

Если ваши способности и мысли несовершенны, обратите внимание на методы и практики древних, проанализируйте их, дабы узреть принципы.

Вы хотите обрести понимание? Субъективные взгляды, которые вы создаете на протяжении безмерных вечностей, настолько многочисленны и вы так глубоко увязли в них, что стоит вам услышать чье-либо разъяснение, вы тут же начинаете сомневаться и спрашивать о Будде, о Дхарме, о запредельном, о приспособляемости. Чем дольше вы ищете понимания, чем дальше уходите от него.

Как только вы пытаетесь фиксировать сознание на нем, вы тут же теряете его; чего уж говорить о том, когда вы пытаетесь рассуждать о нем! Означает ли это, что не фиксировать сознание было бы правильно? Разве есть еще что-нибудь? Будьте внимательны!

Если бы даже я мог сказать одну-единственную фразу, которая привела бы вас к пробуждению, тем самым я уже загрязнил бы ваше сознание. Даже если бы вы в мгновение ока постигли весь мир, в тот миг, когда подобран один-единственный волосок, это все равно что вырезать плоть, нанося тем самым телу страшные раны. Тем не менее, вы действительно должны достичь такого состояния, прежде чем поймете. Если вы не сделали этого, не пытайтесь изображать его.

Что вы обязаны сделать, так это отступить на шаг и придерживаться своего собственного мнения; какой смысл в этом?

Поистине, не существует абсолютно ничего, что можно было бы дать вам и что бы вы поняли или чем бы вы восхитились, потому что у каждого из вас свой собственный путь. Когда появляется великое дело, оно не требует с вашей стороны ни малейших усилий; теперь вы ничем не отличаетесь от великих наставников и будд. Просто

все дело в том, что корни вашей веры неглубоки и тонки, а ваши плохие привычки многочисленны и сильны.

В один момент вы достигаете состояния радостного возбуждения и тогда отправляетесь в дантильное путешествие со своими котомками и чашками для подачи. К чему подвергать себя таким лишениям и неудобствам? Разве внутри нас самих есть недостаток в чем-либо? Все вы — взрослые люди; разве у каждого из вас не своя судьба? Даже если вы самостоятельно достигнете понимания, вы все еще не на вершине мира; так стоит ли в таком случае принимать на веру суждения и обман других?

В тот миг, когда вы видите, как какой-нибудь старый монах открывает рот, вы немедленно должны поставить его на место. А вместо этого вы ведете себя словно зеленые мухи, облепившие навозную кучу и стремящиеся как можно быстрее поглотить ее. Собираясь толпами и устраивая диспуты и обсуждения, вы только утомляете других, принося им страдания.

Древние произносили слова и короткие фразы только в особенных случаях, из-за беспомощности людей, подобных вам, дабы распахнуть перед ними врата, открывающие путь. Если вам это известно, отодвиньте их в сторону и добавьте хоть толику своих собственных усилий; разве нет в вас хоть чуть-чуть понимания?

Помните, что время не ждет никого; когда вы сделаете последний в своей жизни выдох, никто не сможет пору-

читься, что когда-нибудь вы вдохнете воздух снова. Какое другое тело или сознание нужно вам использовать на отдыхе или где-либо еще? Необходимо просто быть внимательными! Позаботьтесь об этом.

Возьмите всю вселенную сразу и положите ее себе на ресницы.

Слыша эти мои слова, вы, быть может, хотите вскочить и от возмущения дать мне пощечину, но подождите минутку и подумайте как следует: существует ли нечто подобное или нет, и что оно означает?

Даже если вы поймете это, став последователем дзэнской школы, вы, скорее всего, сломаете себе ноги.

Если вы действительно независимы и свободны, то, услышав, как кто-то говорит, что там-то и там-то проповедует такой-то почтенный наставник, вы плюнете этому человеку в лицо за то, что он оскверняет ваши глаза и уши.

Если же на подобное у вас не хватает силы духа, то, заслышав, как кто-либо говорит об этом, вы тут же принимаете это на веру. И вот вы уже оказались в царстве вторичного. Разве вы не помните, как наставник Дэ-шань при виде монахов, входящих в ворота монастыря, поднимал свой посох и выгонял их взащей? Когда же наставник Му-чжоу видел, как в ворота его монастыря входят

монахи, он говорил: «Средство у меня под рукой; мне следует задать вам хорошую забучку!»

А что остальные? Обманщики и агуны, поглощающие плавки других людей, запоминают всякую чушь, подбирают всякий мусор, а потом, словно ослы, изрекают это повсюду, похвываясь тем, что могут задать вопросы по пяти или десяти изречениям. Да даже если вы будете с утра до ночи задавать вопросы и потом с ночи до утра давать ответы, разве вы можете хотя бы мечтать о подлинном видении? Как вы сможете вдохновлять других людей? Когда бы кто-нибудь ни готовил угощение для дзэнских монахов, такие люди тоже говорят, что для них есть еда. Разве с ними можно о чем-нибудь говорить? В один из дней, на пороге смерти, все ваши словесные ухищрения не будут приняты и окажутся бесполезными.

Тот, кто обрел понимание, может провести несколько дней в любой школе, но если вы не обрели его, не пытайтесь прикидываться. Если вы будете легкомысленно относиться к этому, то лишь даром потратите время; поэтому уделяйте этому самое пристальное внимание.

Древние знали множество самых разнообразных способов помощи людям. Так, наставник Сюэ-фэн говорил: «Вся земля есть вы!» Наставник Цзя-шань говорил: «Отыщите меня в сотне трав; отыщите императора на шумном базаре!» Наставник Ло-пу говорил: «Как только рождается самая малая частичка, в ней заключена вся вселен-

ная. В каждой шерстинке скрывается лев, то же самое можно сказать и обо всем теле». Хорошенько поразмыслите над их словами, а потом еще и еще раз; и тогда, спустя долгое-долгое время, вы естественным образом обретете путь к пониманию.

Никто не в состоянии выполнить это вместо вас; каждый должен сделать это самостоятельно. Наставники прошлого, приходящие в мир, всего лишь становятся свидетелями вашего понимания. Если вы проникли вглубь, то ничьи обоснования не собьют вас с толку; если же нет, то никакие вспомогательные средства не помогут вам.

Каждый из вас сносил уже не одну пару сандалий, путешествуя по стране, покинул своих учителей и наставников, своих родителей. Прежде чем вы сможете обрести понимание, вы должны использовать заложенные в вас способности к проникновению. Если же вы не проникли к истоку, то тогда, если вам удалось встретить того, кто обладает действенными методами, кто бескорыстно отдает жизнь тому, чтобы вытаскивать людей из воды и грязи, кто действительно достоин того, чтобы с ним общаться, кто лишен благодушия и самодовольства, отложите в сторону чаши для подаяния и котомки лет на десять или двадцать и ищите понимания.

Пусть вас не беспокоит то, что, быть может, у вас ничего не получится; поскольку даже если вы не обретете в этой жизни, в жизни будущей вы также возродитесь челове-

ком. Так в своих поисках вы сэкономите энергию, жизнь ваша не будет напрасной и вы не совершите предательства по отношению к тем, кто поддерживал вас, по отношению к вашим учителям и наставникам, вашим отцам и матерям.

Будьте предельно внимательны. Не тратьте время напрасно, слоняясь по стране, проводя зиму здесь, а лето там, наслаждаясь пейзажами, в поисках наслаждения, изобилия пищи и тех, кто готов дать вам и одежду, и утварь. Какая ошибка! Рассчитывая на одну горсть риса, вы теряете полугодовой запас. Какой прок от таких путешествий? Разве вы сможете переварить хоть один лист травы, хоть одно зернышко риса, поданного вам доверчивыми людьми?

Вы должны понять, что никто не сможет ничего сделать за вас и что время никого не ждет. В один из дней вы подойдете к порогу смерти; как вы можете предотвратить это? Не уподобляйтесь омарам, которые в отчаянии бьют клешнями и лапками, когда их бросают в кипящую воду. Вы не должны превращаться в обманщиков, заносчиво рассуждающих обо всем.

Не тратьте время попусту. Однажды вы расстанетесь с человеческой жизнью, и более никогда не сможете вернуть ее. Это очень серьезно. Не полагайтесь на непосредственное настоящее. Даже один из мирян сказал: «Утром познав Путь, вечером можно умереть»*.

* Слова Конфуция. — Прим. ред.

Так что же говорить о нас, отказавшихся от мира? Что мы должны практиковать? Будьте самоотверженными и упорными. Подумайте об этом.

Не может быть сомнений, что ныне царит время упадка; мы живем в самом конце эпохи подражательства. Ныне монахи отправляются на север, говоря, что идут поклониться Маньджушри, и идут на юг, заявляя, что совершают паломничество к горе Хэн. Подобные им только зовутся монахами и попусту расходуют подаяния доверчивых верующих.

Какой стыд! Задавая им вопрос, видишь, что они живут в полной темноте. Они проводят свои дни, просто потворствуя своему нраву. Если среди вас есть такие, кто ничему не научился, кто лишь напоминал, как нужно говорить, кто повсюду искал похожие высказывания в надежде получить подтверждение у старших наставников, кто пренебрежительно относился к великодушным, кто следовал практикам, обедняющим дух, то, когда смерть постучится в ворота, пусть они не говорят, что их не предупреждали.

Если вы только начинаете учиться, соберите все свои силы воедино и не тратьте время на бесполезное заучивание чужих слов. Ручеек истины лучше моря лжи. Помните об этом и не обманывайте самих себя.

МИН-ЦЗЯО размышления

То, что обладает формой, рождается из того, что не имеет формы; то, что не имеет формы, возникает из того, что обладает формой. Поэтому путь высшей духовности невозможно отыскать в существовании и невозможно измерить в не-существовании; его нельзя утратить в движении и нельзя обрести в покое.

Пуст ли путь совершенномудрых? В таком случае откуда же берет начало постоянное возрождение жизни? Или путь совершенномудрых не пуст? Разве есть что-либо из живого, что не умирает? Было бы в высшей степени желательно постичь пустоту и не-пустоту на пути совершенномудрых.

В таком случае, чтобы доказать на опыте наличие пустоты, нет ничего лучше, чем понять то, что обладает формой. Чтобы понять то, что обладает формой, нет ничего лучше, чем познать то, что не имеет формы. Если тебе известно то, что не имеет формы, ты можешь проникнуть в глубины порождаемого духом света. Если ты смог проникнуть в глубины света, источаемого духом, ты можешь говорить о пути.

Путь — это там, где пестуется дух, там, откуда исходит сознание. Сознание есть источник великих трудностей. Говорить, что путь совершенномудрых пуст, — значит погружаться в пустоту расплывчатости так, что болезнь становится только тяжелее. Кто в мире в состоянии излечить ее?

Учение совершенномудрых заключено в пути. Путь совершенномудрых есть пробуждение. Пробуждение означает просветление; не-пробуждение означает не-просветление. Не-просветленность есть то, что отличает сознание большинства людей от сознания совершенномудрых.

Пробуждение не означает постепенного встряхивания ото сна; оно означает полную пробужденность. Полная пробужденность — это вершина дела совершенномудрых. Быть пробужденным — значит обрести природу Будды; это подобно колеснице. Пробуждаясь, человек завершает путь совершенномудрых; на этой колеснице он

достигает царства совершенномудрых. Это справедливо для всех мудрецов и прошлого, и будущего.

Пробужденность совершенномудрых лежит в сфере обычного понимания обычных людей, но обычные люди пробуждаются каждый день, даже не подозревая об этом. Хотя они и пробуждаются ото сна, на самом деле они спят; хотя они и обладают знанием, в голове у них по-прежнему путаница. Вот почему совершенномудрые взяв на себя нелегкий труд указать им на это в надежде, что люди будут искать пробуждения. Совершенномудрые побуждали людей стремиться к пробуждению, уповав на то, что люди сумеют обрести его.

Созерцание сознания зовется «путем»; разъяснение пути зовется «обучением». Обучение есть тот след, который оставили для нас совершенномудрые; путь — это общий исток всех живых существ.

Люди в течение долгого времени совершенно неправильно понимали исток; если бы совершенномудрые не прояснили это, все люди навеки погрязли бы в невежестве. Вот почему совершенномудрые дали людям великий свет.

У сознания нет ничего внешнего, а у пути нет ничего внутреннего; поэтому нет ни одного человека, который не находился бы на пути. Совершенномудрые не знали эгои-

стичности; путь не оставляет людей вонне; совершенномудрые дали людям все, в чем заключается путь. Вот почему обучение проникает в глубины света и тьмы, земного и запредельного; нет ничего, куда бы оно ни проникало.

Проникновение означает единение. Единение означает исправление, так что каждый будет обладать теми же самыми добродетелями, что и совершенномудрые древности.

Путь превосходит полное духовное пробуждение; путь превосходит непостижимое действие духовных сил. Если же говорить о пустой погоне за иллюзорными образами и привязывающей деятельности, то нет ничего хуже утраты источника. Если говорить о слепом блуждании в сетях повседневности, то нет ничего хуже рождения и смерти. Что же касается распознавания ошибок и болезней обычных людей, то никто не преуспел в этом в большей степени, чем совершенномудрые. Если же вести речь о приведении в порядок оснований для всех людей, то нет ничего лучшего, чем обучение.

Когда правильное установлено и утверждено, рождается великий свет. Когда свет утвердился, происходит очищение. Когда произошло очищение, путь обретает завершенность.

Поэтому обучение есть великое начало прояснения пути совершенномудрыми, которые делали это, чтобы спасти мир. Обучение есть непостижимое великое действие, к

которому, пользуясь обстоятельствами, прибегали совершенномудрые, чтобы раскрыть заложенные в людях потенциальные способности.

Поэтому обладающие великими способностями проникают непосредственно; обладающие же меньшими способностями продвигаются постепенно. Постепенный путь является обусловленным; непосредственный же является подлинным. Подлинный путь называется «Великой Колесницей»; обусловленный путь называется «Малой Колесницей». Совершенномудрые распространяли великое и малое среди людей всевозможных способностей, и люди полностью постигали и светлое, и темное.

Умение распознать мгновенное в постепенном учении и постепенное в мгновенном учении — здесь совершенномудрые более непостижимы, чем ангелы и люди, и неведомы ни ангелам, ни людям. Совершенномудрые проповедовали обусловленное, чтобы побудить людей устремиться к подлинному; они проясняли подлинное, чтобы люди могли воспользоваться обусловленным. Вот почему обусловленное и подлинное, частичное и завершенное все время взаимопроникают.

В обусловленном есть видимое обусловленное и скрытое обусловленное. Использование совершенномудрыми видимого обусловленного есть «поверхностное учение», малый путь, позволяющий верующим и последователям обрести первое прибежище для отдыха. Использование

совершенномудрыми скрытого обусловленного включает в себя другие пути, другие учения, взаимодействующие и с хорошим, и с плохим, с тем, чтобы дать в перспективе верующим и последователям отдаленную возможность обрести пробуждение. Видимое обусловленное явно, скрытое обусловленное неизмеримо.

Что касается подлинного, то оно есть высшая истина. В реальности высшей истины «я» и другие суть одно. Поскольку «я» и другие суть одно, совершенномудрые таковы потому, что есть все прочие живые существа.

Если вести речь об обусловленном учении совершенномудрых, оно представляет собой великое лекарство, проникающее во все доброе, что есть в мире, во все пути философов, для спасения мира и людей. Если вести речь о подлинном учении совершенномудрых, оно представляет собой единый путь, охватывающий собой всю вселенную и включающий в себя все вещи, путь, который открывает врата истины и завершает природное для всего мира.

Что же касается совершенномудрых, то несравненная мудрость их заключается в не-умирании и не-возрождении. При этом они показывают рождение и показывают смерть такими же, какими их претерпевают все остальные, но никто не ведает, почему так происходит. К совершенномудрым относятся не только люди глубокой древности, обладавшие несокрушимой силой

духа и непостижимым знанием. Вот почему обучение включает в себя не только путь человека, но и путь духа; есть добродетели обычные, а есть добродетели запредельные — невозможно обозначить все одним именем. Об этом невозможно говорить теми же словами, какие мы используем в повседневной жизни. Обретение заключается в проникновении сознания; когда же пути сравниваются, происходит утрачивание.

Чувственные ощущения порождаются природой, в то же время природа сокрыта в чувствах. Когда природа сокрыта, путь высшей реальности недоступен. Вот почему совершенномудрые использовали природу в обучении людей.

Вся деятельность и все движения людей происходят от чувственных ощущений. Иллюзии людей исправляются природой. Как можно не исследовать положительные и отрицательные стороны чувственных ощущений и природы? Люди знают хорошее и знают плохое, но не ведают, как начинаются и как заканчиваются хорошее и плохое; разве это полное знание? Разве можно назвать полным знанием знание конца и незнание начала?

Только завершенное и полное знание совершенномудрых знает начало и знает конец, знает непостижимое и

знает несуществующее, видит то, что лежит в основе рождения и смерти, света и тьмы, что создает формы и иллюзорные образы.

Мир есть самое протяженное, но он рождается из чувственных ощущений. Вселенная есть самое значительное, но при этом она пребывает внутри природы. Вот почему нет ничего более могущественного, чем чувственные ощущения и природа.

Чувство есть начало существования. Если есть существование, есть и привязанность. Когда есть привязанность, есть и желание. Когда есть желание, мужчины, женщины и все живые существа рождаются и умирают.

Опыт жизни и смерти, хорошего и плохого меняется; они начинаются и заканчиваются, претерпевают циклические изменения, беспрестанно уходят и возникают вновь.

Природа означает обретение отсутствия. Предельное отсутствие не означает «не-существования»; оно возникает при рождении и исчезает при наступлении смерти, но само по себе не умирает и не возрождается.

Путь совершенномудрых неколебим потому, что совершенномудрые воспринимают только то, что непосредственно рядом с ними.

Таким образом, чувство есть искусственная выдумка, оно же есть сознание. Когда люди обладают чувствами, это способствует появлению привязанностей, устремлений и близости. Но близость порождает отдаленность, а отда-

ленность способствует непостоянству добра и появлению болезней.

Когда чувственные ощущения утрачиваются, возникают обман, коварство, порок, несправедливость, алчность, пагубные привычки, утрата сознания и разрушение природы.

Что касается сущности, она есть реальность, она есть таковость, она есть совершенство, она есть непорочность, она есть чистота, она есть безмятежность. Когда человек приближается к ней, он становится мудрым и искренним. В ближайшем она делает людей достойными и искренними; в отдаленном она создает святых и великих совершенномудрых. Вот почему совершенномудрые наставляли людей, опираясь на учение о природе, а не о чувствах.

Чувство и природа существуют всегда. Когда пытаешься отыскать их, не можешь их ухватить; даже если попытаешься отсечь их, им нет конца. Небо и земля имеют конец, но душа природы не умирает.

Различные состояния земного существования могут переходить друг в друга и изменяться, но бремя чувства не снимается. Поэтому людям необходимо различать чувства и природу. Если люди воспитаны на основе учения о чувстве, они остаются в царстве рождения и смерти. Если люди воспитаны на основе учения о природе, они способны выйти за пределы рождения и смерти. Обучение на основе чувства ограничено; обучение на основе природы не имеет пределов. Если заявляешь о намерении выйти за

пределы рождения и смерти, если отрицаешь их, значит, ты не ведаешь сущности природы и отсекаешь источник постоянного возрождения.

Малому знанию не достичь большого знания; удел петуха — кухонный котел, разве не так?

Когда сознание возбуждается, это называется действием. Действия, соединяемые одно с другим, образуют опыт. Опыт относится и к внутреннему, и к внешнему. Какое сознание не возбуждается? Кто не переживает в опыте деятельность мириад существ? Образ действия темн и загадочен; сила воздействия опыта простирается далеко. Вот почему люди ничего не замечают и ничего не боятся. Учение совершенномудрых внимательно ко всякого рода действию; поэтому люди получают возможность постоянно быть настороже и остерегаться возбуждения сознания.

Внутреннее переживание называется «побуждением», внешнее переживание называется «откликом». «Побуждение» считается причиной; «отклик» считается следствием. Таким образом, задействуются все конкретные и абстрактные формы причины и следствия.

Однако движение сознания может быть неправильным, а может быть гармоничным; вот почему возникают хорошие и плохие чувства. Поскольку возникающие чувства то хорошие, то плохие, в ответ появляются либо счастье, либо беда. В зависимости от того, насколько глубоки чувства, последствия могут быть или незначительными, или

весьма серьезными. С незначительными можно справиться, а вот от серьезных избавиться невозможно.

Хорошее и плохое могут предшествовать одно другому или следовать одно за другим; беда и счастье могут подступать постепенно либо стремительно обрушиваться. Даже через десять поколений, через десять тысяч поколений невозможно избежать влияния последствий. Они не ограничиваются жизнью одного поколения. Тот, кто сомневается в этом только из-за того, что на протяжении жизни одного поколения хорошее либо плохое не проявляются, просто не понимает закона причины и следствия.

Если награды не основываются на правильном понимании причины и следствия, то как можно побудить людей к добру? Мы не видим, как растут деревья, но тем не менее, они день за днем расцветают; мы не видим, как стачивается точильный камень, тем не менее, он уменьшается день ото дня. Точно также обстоит дело и с человеческими поступками, поэтому как мы можем не уделять этому внимания?

СЮЭ-ДОУ истории

Дэ-шань ведет за собой общину

Дэ-шань как-то сказал общине: «Сегодня я не буду отвечать ни на какие вопросы. Любого, кто задаст мне вопрос, я ударю палкой».

Тут вперед выступил один монах, поклонился, и Дэ-шань тут же ударил его.

«Но ведь я еще не задал вопроса!» — воскликнул монах.

«Откуда ты?» — спросил Дэ-шань.

«Из Кореи», — ответил монах.

«Ты заслужил удар еще до того, как вступил на борт корабля!»

Когда Фа-янь привел эту историю, он сказал: «Слова великого Дэ-шаня двойственны».

Юань-мин поведал эту историю и добавил: «У великого Дэ-шаня голова дракона, но хвост змеи».

Сюэ-доу прокомментировал историю так: «Хотя почтенные наставники Фа-янь и Юань-мин искусно подрезали длинное и удлиняли короткое, отказывались от тяжелого и использовали легкое, этого недостаточно, чтобы постичь смысл слов Дэ-шаня. Почему?»

Дэ-шань словно держал свой авторитет по ту сторону двери; а меч его не позволял разразиться беспорядку даже в том случае, если он не отсекал им то, что должен был.

Вы хотите увидеть монаха из Кореи? Он просто слепец, налетевший на столб».

Бай-чжан и метелка

Бай-чжан во второй раз позвал Ма-цзу и стоял, весь внимание. Ма-цзу уставился на метелку, висевшую на краю сиденья.

Бай-чжан спросил: «Отождествляемся ли мы с этим действием или устраняемся от него?»

«Потом, когда ты начнешь проповедовать, что ты станешь использовать для помощи людям?» — спросил Ма-цзу.

Бай-чжан взял метелку и поднял ее над головой.

«Ты отождествляешься с этим действием или устраняешься от него?» — спросил Ма-цзу.

Бай-чжан повесил метелку обратно.

И тут Ма-цзу закричал, да так громко, что Бай-чжан три дня ничего не слышал.

Сюэ-доу поведал эту историю и сказал: «О достойные мужи учения! Ныне тех, кто блуждает по узким протокам, великое множество, но как же мало тех, кто находит путь к истоку. Все говорят, что, когда Ма-цзу закричал, Бай-чжан обрел великое пробуждение. Но так ли это на самом деле или нет?»

Некоторые иероглифы похожи друг на друга и смешиваются, но обладающие хорошим зрением люди в состоянии различить их. Когда Ма-цзу сказал: «Потом, когда ты начнешь проповедовать, что ты станешь использовать для помощи людям?», Бай-чжан поднял метелку над головой — вы думаете, что это нечто вроде насекомых, поедающих дерево и случайно образующих рисунок? Или полагаете, что это все равно что одновременно сбросить панцирь и спрятаться под него?»

Вы хотите понять три дня полной глухоты? Чистое золото, хорошо обработанное, не должно менять цвета».

Древний поток Сюэ-фэна

Один монах спросил Сюэ-фэна: «Что это такое “древний поток холоден с самого своего истока?”»

«Когда ты всматриваешься в него, ты не видишь дна», — ответил Сюэ-фэн.

«А что будет с тем, кто выпьет из него?» — вновь спросил монах.

«Он не попадает внутрь через рот», — сказал Сюэ-фэн.

Монах передал Чжао-чжоу то, что ему сказал Сюэ-фэн.

«Он не может попасть внутрь через ноздри», — сказал Чжао-чжоу. Тогда монах спросил Чжао-чжоу: «Что это такое “древний поток холоден с самого своего истока?”»

«Больно», — ответил Чжао-чжоу.

«А что с тем, кто выпьет из него?» — спросил монах.

«Он умрет», — ответил Чжао-чжоу.

Когда Сюэ-фэн услышал об этом, он сказал: «Чжао-чжоу — древний будда; отныне я более не буду отвечать на вопросы».

Сюэ-доу поведал эту историю и добавил: «Все говорят, что Сюэ-фэн не пошел дальше поставленного монахом вопроса, поэтому Чжао-чжоу и не согласился с ним. Если вы поймете его буквально, то глубоко разочаруете древних.

Я не согласен. Только тот, кто может отсекают ногти и отрезать железо, является настоящим наставником. Того же, кто снисходит до низших, кто равняется на высших, едва ли можно назвать последователем учения».

Цао-шу и государство Хань*

Цао-шу спросил монаха: «Откуда ты недавно вернулся?»

«Из государства Хань», — ответил монах.

«Почитает ли император Хань учение Будды?» — спросил Цао-шу.

«Как плохо! Хорошо, что вы спросили меня! Если бы вы спросили кого-нибудь другого, стряслась бы беда!»

«Что ты делаешь?» — вновь задал вопрос Цао-шу.

«Я не вижу даже существования людей — какое же учение Будды можно в таком случае почитать?» — сказал монах.

«Сколько лет прошло с тех пор, как ты дал обет?»

«Двадцать».

«Так вот тебе наказание за то, что ты “не видишь существования людей!”» — воскликнул Цао-шу и ударил монаха.

Комментарий Сюэ-доу: «Монах получил взбучку, но если он уйдет, он больше не вернется. Что же касается Цао-шу, то в тот момент, когда он осуществил должное, он поднял волны там, где нет ветра».

* Имеется в виду Корея (Хангук — в китайском чтении «Хань-го», Государство Хань). — *Прим. ред.*

ДОМ ФА-ЯНЯ

СЮАНЬ-ША

изречения

Достигли ли вы чистого изначального океана понимания и знания сущности и форм? Если вы еще не добрались до него, что ж, вы, собравшиеся здесь, видите ли вы зеленые горы прямо перед вами? Если вы говорите, что видите, то как вы их видите? Если вы говорите, что не видите, то как вы можете утверждать, что зеленые горы не видны? Вы понимаете, о чем я говорю?

Дело в том, что в вашем чистом и изначальном океане понимания и знания сущности и форм находятся зрение и слух. Если вы понимаете, это так, и даже если вы не понимаете, это все равно так.

Все всегда так; всякая сущность есть как таковая; просто не ищите ничего вовне. Если вы обладаете великим корнем веры, все Будды — ни что иное, как ваш собственный внутренний опыт; идете ли вы, стоите неподвижно, сидите или полулежите, это все равно так и никак иначе.

Но сейчас, когда я прямо сказал вам об этом, я уже ограничил вашу свободу. я превратил вас в рабов. Согласились ли бы вы так сказать? Согласились ли бы вы или нет, как вы понимаете?

Разговор этот уже показывает, что вы не знаете хорошего и плохого. Почему? Да потому, что вы различаете тот путь и этот путь.

Вы обрекаете себя на такие страдания — в поисках чего? И не говорите мне, чтобы я объяснил вам. Почему? Нет ничего, что можно было бы завершить с помощью одних только слов; вовсе не слова могут принести людям покой. Прежде чем вы достигнете гармонии, вы должны пережить единение и таковость; не ограничивайтесь запоминанием изречений и наставлений, ведь им нет конца. Все дело в полной сосредоточенности. Пока вы не осво-

бодились, не говорите, что вам нужно достичь состояния совершенномудрых. Чем вы отличаетесь от них?

Приход в мир будд, изливающих безграничную доброту и сострадание, подобен появлению цветов на небе, которые не имеют под собой подлинной реальности. Вы должны понять: есть то, что никогда не возникало в мире и что никогда не исчезало.

Иллюзорные образы и иллюзорные имена не имеют никакой реальности. Почему? Сущностная природа материальных элементов на самом деле пуста, поэтому она никогда не умирала и никогда не рождалась и никогда ничего не давала людям. Так как сущностная природа существ есть нирвана, их материальные оболочки также есть нирвана. Но понимаете ли вы это?

Если да — идите сюда и давайте обсудим это. Если же нет, я скажу вам, что внутренняя сущность не порождает внутренней сущности и что внутренняя сущность не уничтожает внутренней сущности.

Как в таком случае возможно понимание? Не говорите, что эта сущностная природа такая же, как и всегда. Если вы понимаете, прошу вас, явите свое понимание людям; если вы не понимаете, то разве вы тогда не сопоставимы с буддами?

Вот какими вы должны стать, прежде чем обретете понимание. Обладающие выдающимися способностями схватывают все сразу, как только услышат; обладающие средними способностями тоже улавливают все сразу, как только услышат; обладающие слабыми способностями тоже постигают сразу, как только услышат. Что я хочу этим сказать? Известно ли вам? Понимаете ли вы?

Она сокрыта в каждом; она проявлена в каждом.

Первая аксиома учения заключается в том, чтобы принять существующую реальность во всей ее полноте. Во вселенной нет ничего «другого»; есть только вы. Что еще нужно вам увидеть? Что еще нужно вам услышать? Все есть порождение властителя вашего сознания, доводящего до совершенства непреложное знание. То, чего вам недостает, так это индивидуального приятия понимания. Это называется «открыть врата надлежащего метода», чтобы полностью довериться потоку подлинной вечности, пронзающего все времена и эпохи. Нет ничего, что не было бы им, и ничего, что было бы им.

В основе этого правила лежит самообладание, и только. Почему? Нужно лишь использовать слова для уничтожения слов, использовать принцип для изгнания принципа, учить людей равновесию и постоянству в сущности и

проявлении ради их блага. Если говорить языком учения, то это по-прежнему понимание того, что приходит в первую очередь, а не того, что приходит после. Это называется «всеобщей простотой», опытом частичного понимания тела реальности.

Если слова не выходят за пределы образов, вы умираете, как только утверждаете что-либо, не обретая при этом никакой свободы. Если вам известен опыт, выходящий за пределы образов, демоны сознания не собьют вас с пути; они будут пребывать в вашей власти, и вы сможете без усилий преобразовать их. Ваши слова созвучны великому Дао, при этом они лишены привязанности к спокойствию. Вот что называется первой аксиомой дзэнского учения.

Вторая аксиома — это возвращение к причинности и исполнение следствия без какого бы то ни было привязывания к принципу «постоянного тождества». Это называется «возвращаться от обыденного к потенциальному», «свободно даровать и отнимать жизнь», «вознаграждать и забирать без помех», «возрождаться в жизни и вступать в царство смерти», «приносить благо всем живым существам». Состояние это, выходящее за пределы материальных желаний и устремлений и эмоциональных взглядов, называется «природой Будды», мгновенно покидающей весь этот мир. Это называется «мгновенным пониманием двух принципов», «равным прояснением двух истин». Незатрагиваемое двойственными взглядами, проявляется

непостижимое действие. Вот что называется «второй аксиомой учения».

Третья аксиома — знать, что существует изначальный исток природы и свойств великого знания, и проникаться его неограниченным видением, понимать как положительное, так и отрицательное, схватывать всю вселенную. Непостижимое действие единой и подлинной сущностной природы, откликающейся на движение, лишенное всякой обусловленности, становится очевидным. Действовать совершенно без усилий, вмещать в себя всю жизнь, не стремясь при этом ни к чему, — вот что называется в практике «методом сосредоточения сострадания». Такова третья аксиома учения.

ГУЙ-ЧЭНЬ высказывания

Не нужно склонять головы и усиленно думать — мыслью вы ничего не достигнете. Если в таком случае вы скажете, что вам не нужно проводить различий, обладаете ли вы достаточным пониманием, чтобы выразить это в словах? Когда же вы начнете говорить? Попробуйте сказать.

Есть ли что-либо, что может позволить вам приблизиться? Есть ли что-либо, что может помочь вам отдалиться? Есть ли что-либо, что может сделать вас точно такими же? Есть ли что-либо, что может сделать вас отличными? В таком случае зачем же вы так стремитесь обречь себя на страдания? Все дело просто в слабости вашего характера и отсутствии воли. Вы упорно продол-

жаете держаться за свою способность умозаключать. опасаясь, что люди усомнятся в вас.

Я всегда говорю: если в вас есть хоть толчок пробужденности, явите ее, отказавшись от различения на «я» и «не-я»; тогда я проверю вас.

Почему вы не берете то, что прямо перед вами? Не принимайте лужу за океан. Учением Будды проникнут весь мир; не совершайте ошибки, субъективно определяя в своем ничтожном сердце, что есть знание, а что — нет, создавая пристрастные взгляды и тем самым устанавливая в нем границы. Все это — восприятие и понимание, мысли и чувства. Но это вовсе не означает неправильно; однако, если вы сейчас кивнете и скажете, что нашли истинную реальность, вы не отыщите ее.

А что вы можете сказать о древнем высказывании «только я могу знать»? Какой в нем заложен смысл? Известен ли он вам? Разве это не означает «ты видишь меня, я вижу тебя»? Избегайте ошибочного понимания! Если бы речь шла об «этом я», то «я» следует за рождением и смертью: пока существует тело, оно в нем, но, когда тела больше нет, «я» тоже больше нет. Вот почему будды прошлого ради блага вас, живущих сегодня, говорили, что различие порождает различия; там, где нет различия, все различия исчезают.

Не относитесь к этому пренебрежительно: вопрос рождения и смерти чрезвычайно важен. Если вы не избави-

тесь от этого нагромождения, везде, где бы вы ни находились, будут одни разногласия и раздоры; если вы не вырветесь за пределы звука и формы, точно так же будет обстоять дело с чувством, восприятием, обуславливанием и сознанием. Даже если ваши кости выпирают, не говорите, что «пять пучков» изначально пусты. Это не зависит от вашего желания постичь пустоту. Вот почему сказано, что каждый из вас должен сам проникнуть вглубь, сохраняя при этом незамутненную подлинность.

Я не первый, кто говорит об этом. Совершенномудрые древности донесли до вас то, что они называли «неразрушимой и неведомой сокровищницей непостижимого света». Он пронзает всю вселенную, порождает обыденное и возвращает священное, проникая сквозь все времена. В ком он отсутствует? Так от чего же вам зависеть?

Поэтому будды, видя вашу беспомощность, открыли врата метода и практики, указав на черты подлинной реальности. Сейчас я использую лишь подручный метод, понятно ли это вам? Если нет, то пусть ваша способность уморазличать не создает чудес и воздушных замков.

ФА-ЯНЬ

десять руководств для дзэнских школ

Предисловие автора

Еще в юности я вырвался из клетки привязанностей и вырос, слыша основы Учения, в течение тридцати лет путешествуя по стране в поисках учителей. Из всех школ особенно много школ дзэнских; особенно многочисленны они на юге. Однако лишь немногие последователи их обрели пробуждение; таковых можно встретить очень и очень редко.

Как бы то ни было, хотя принцип запредельного постигается мгновенно, понимание реальных обретается постепенно. Конечно, у каждой школы свой метод обучения,

состоящий из множества практик, но если вести речь о помощи людям ради их блага, то высшая цель везде одна и та же.

Однако, если люди не постигли учения, очень трудно вырваться из тисков различения и субъективных взглядов. Стремясь к истинным взглядам по неверным дорогам, превращая брренное в самое значительное, они сбивают с толку последующие поколения и из-за своего невежества блуждают по порочному кругу.

Я оценил глубину болезни — она оказалась очень серьезной; я попытался избавиться от нее, но полностью не преуспел. Сознание, ставящее преграды на пути, день ото дня все сильнее; сложившиеся традиции обучения абсолютно бесполезны.

Там, где не хватает слов, я произношу их; там, где нет учения, я непоколебимо придерживаюсь определенных принципов. Указывая на болезни дзэнских школ, я кратко разъясняю десять вопросов, разоблачая при помощи слов характерные ошибки, дабы спасти наш век от упадка.

1. О самонадеянном принятии титула наставника теми, кто не очистил основание собственного сознания

Учение об основании сознания является краеугольным камнем в дзэн. Что такое основание сознания? Это — великое понимание «так-приходящих».

С безначальных времен люди ошибочно принимали вещи за «я», они погрязли в устремлениях и желаниях, блуждая по волнам океана рождения и смерти. Свет понимания померк, заслоненный стеной невежества; люди погружены в мирскую суету и никак не могут освободиться от нее.

Потеряв человеческую жизнь, человек более никогда не сможет возродиться таким же. Вот почему будды приходили в мир и учили людей многим методам и практикам; но если люди будут по-прежнему привязываться к суждениям и гоняться за словами, они никогда не вырвутся из сетей отрицания и вечной зависимости. Благодаря великому состраданию дзэнских наставников печать сознания передавалась во всей своей совершенной неподдельности, и люди могли в одно мгновение вырываться за пределы обыденного и священного, не проходя один за одним промежуточных этапов; благодаря печати сознания они самостоятельно

обретали пробуждение и навсегда отсекали корень сомнения.

Люди нынешних поколений слишком поверхностно относятся ко всему. Они приходят в общины, но они ленивы в том, что касается интенсивного обучения. Если они и культивируют сосредоточение, они не в состоянии выбрать подлинного наставника; из-за ошибок ложных учителей они утрачивают путь к высшему. Они не понимают ни возможностей, ни ограниченности чувственных ощущений и потому обретают неправильное понимание, приводящее их в тупик, где они полностью утрачивают истинную основу.

Озабоченные лишь неумной жаждой поскорее получить власть, люди называют себя наставниками, что есть ложь; если они ценят лишь пустую мирскую славу, разве они в состоянии понять, что тем самым приносят зло самим себе? Они не только отнимают силы у последующих поколений и ослепляют их, но и способствуют упадку учения уже в настоящем. Взорвавшись на высокое и просторное сиденье духовного наставника, на самом деле они лежат на железных кроватях и испытывают стыд такой же, какой испытал Чжуньда (подношение которого убило Будду)*, испивший расплавленную медь.

* Будда Шакьямуни умер от болезни, последовавшей за тем, как он съел мясо, данное ему в качестве подношения. — *Прим. ред.*

Будьте бдительны! Пребывать в благодушии — опасная вещь. За клевету на Великую Колесницу последует неотвратимое и страшное наказание.

2. О группах, сектах и неспособности разрешать споры

Боддихарма пришел из Индии в Срединное государство не потому, что нужно было что-то передать. Он просто указал непосредственно на человеческое сознание, чтобы постичь его сущность и пробудиться. Разве могут в таком случае существовать сколько-нибудь значимые секты?

Тем не менее, обусловленные учения, разработанные наставниками, указывающими путь к источнику, не во всем похожи и потому отличаются друг от друга. Например, два великих наставника Хуэй-пэн и Шэнь-сю учились у одного учителя, но восприятия и понимание у каждого из них было своим. Вот почему в Поднебесной возникли «Южная школа» и «Северная школа».

После ухода Хуэй-нэна остались двое наставников, Син-сы и Хуай-жан, которые продолжили его дело. У Син-сы учился Си-цянь, а у Хуай-жана — Ма-цзу. Ма-цзу называли также Цзян-си, а Си-цяня — Ши-тоу.

Отсюда возникли две различные линии преемственности, каждая из которых пользовалась известностью в

своей области. Все ответвления от изначального источника перечислить невозможно. При Дэ-шане, Линь-цзи, Гуй-шане и Ян-шане, Цао-шане и Дун-шане, Сюэ-фэне, Юнь-мэне и других каждая школа развивала свои практики — как высшие, так и низшие.

Но когда дошло до продолжения традиции, их последователи создали секты и клики. Полностью позабыв о реальности, они в конце концов установили множество окольных путей, противоречащих и сталкивающихся друг с другом, так что стало попросту невозможно отличить глубокое от поверхностного.

В высшей степени достойно сожаления, что они так до сих пор и не понимают, что Великий Путь не знает граней; все потоки истины одинаковы на вкус. Все эти секты создают цветистые украшения на пустом месте и втыкают иголки в камни и железо; они принимают диспуты за «сверхзнание», а шевеление губами — за медитацию. Возникают стычки из-за подтверждения или неподтверждения; горы самомнения и презрения к другим вздымаются все выше и выше. В своем гневе они превращаются в настоящих чудовищ; а их суждения и истолкования свидетельствуют о том, что они совершенно отвернулись от учения. Если им не посчастливится встретить настоящих учителей, они едва ли смогут когда-нибудь выбраться из ямы заблуждений. Они ведут к плохим следствиям, даже исходя из благоприятных причин.

3. Об обучении и проповедовании без понимания границ

Если хочешь разъяснить колесницу до самого конца и научить людей основам учения, то до тех пор, пока ты не знаешь границы, все, что ты делаешь, — это распространяешь ересь.

Поэтому прежде всего полагается превозносить, а уж потом — поддерживать, осуждать или восхвалять те или иные доктрины, используя остроту ума. Если берешь на себя ответственность распространять основы учения, помни, что в твоих руках либо дарование, либо лишение жизни.

Порой наставник недоступен, словно гора, вздымающаяся на тысячу миль; порой он со всем соглашается и следует времени, словно плавает по течению. Подобно правителю, сжимающему в руках меч власти, самое лучшее — это приобрести авторитет.

Активная деятельность определяется прежде всего временем; даровать и лишать необходимо подобно главнокомандующему. Волны вздымаются, горы возвышаются, молния сверкает, ветер обрушивается; слон неспешно идет, а настоящий лев выпускает страшный рев.

Нам часто попадают те, кто, будучи не в состоянии оценить собственные силы, ворует слова других. Они знают, как выпустить, но не знают, как собрать; они могут даровать жизнь, но не могут отнимать ее. Они не отлича-

ют слуги от хозяина, а ложное от истинного; они наносят оскорбление древним и уничтожают сущность учения.

Каждый из них измеряет и рассчитывает, исходя из собственных умозрительных представлений, и при этом блуждает в царстве запутанных элементов сознания и материального мира и рассуждает о них. Поскольку они ничего не знают о пробуждении, которое прямо перед ними, они обладают лишь подражательным пониманием.

Разве так просто водрузить знамя учения на вершине не-пребывания и проповедовать, как это делал Будда? Разве вы не помните слова великого наставника Юнь-мэня: «Во всей Поднебесной трудно отыскать хоть кого-нибудь, кто мог бы составить изречение».

А разве не говорил наставник Хуан-бо: «У великого наставника Ма было свыше восьмидесяти учеников; когда их спрашивали, все они бойко отвечали, но лишь наставник Лу-шань чего-то стоил?»

Таким образом, если человек занимает пост учителя и при этом понимает, как давать наставления и вести за собой, только тогда его можно назвать истинным наставником. Откуда нам это известно? Разве вы не помните слова древних: «Знать почву по росткам, знать людей по тому, что они говорят?» Даже если человек только моргнул глазом или поднял брови, о нем уже можно сказать все: что уж тогда говорить о том, кто призван быть образцом. Разве не следует быть предельно осторожным?

4. Об ответах тех, кто не понимает ни времени, ни ситуации и не обладает «оком источника»

Будущий наставник, который поведет людей к источнику, должен прежде всего различать истинное и ложное. Если истинное и ложное различены, необходимо также правильно оценивать время и ситуацию. Также необходимо обладать «оком источника», а произнося слова, указывать или откликаться, не проявляя при этом непостоянства.

Поэтому, хотя в суждении нет ничего личного, мы по-прежнему в зависимости от условий, различаем в словах «цель». Так, в доме Цао-Дун прибегают к «стуку и вызову», в доме Линь-цзи — к «взаимодействию»; Юнь-мэнь «включает в себя, охватывает и отсекает потоки», а в доме Гуй-Ян молча сопоставляют квадратное и круглое*. Подобно долине, в которой отражается эхо мелодий и звуков, подобно тому, как при проходе через горную заставу сопоставляют две половины бирки, хотя способы и методы различны, это не скрывает их совершенной гармонии.

Наставники последних поколений полностью утратили основу; они не ведут за собой учеников. Исполненные себялюбия и эгоизма, они меряются друг с другом остро-

той ума, принимая преходящее за истинное. Разве они обладают сердцем, способным повести других? Мы не слышим более о знании, уничтожающем ложь. Наставники наобум то кричат, то бьют учеников тростью и говорят при этом, что они учились у Дэ-шаня и Линь-цзи; они показывают друг другу циклические символы, претендуя на то, что глубоко понимают Гуй-шаня и Ян-шаня.

Поскольку слова их лишены всеохватывающего источника, как они могут в своих действиях явить знание «ока сущности»? Они дурачат молодых и обманывают проницательных. Поистине они навлекают на себя насмешки обладающих пониманием и призывают беду на свои головы. Вот почему Пробудившийся-в-ночи говорил: «Если не хочешь навлечь на себя дьявольскую карму, не клевети на истинное учение Будды».

Всех подобных им и не перечислишь. Они забывают о наследии своих учителей, не имея собственного понимания. Они не обладают основой, на которую можно было бы опереться, а потому сознание их замутнено и беспрестанно блуждает. Их можно только пожалеть, но трудно сказать им об этом.

* Круг и квадрат — символы Неба и Земли. — Прим. ред.

5. О расхождении между принципом и проявлением и о неспособности отличить загрязненность от чистоты

В школах пробужденных всегда есть принцип и всегда есть проявление. Проявления утверждаются на основе принципа, и принцип показывается посредством проявлений. Принципы и проявления дополняют друг друга, как глаза и ноги. Если есть проявления, но нет принципа, люди увязнут в грязи и не смогут выбраться; если есть принцип, но нет проявлений, люди будут пребывать в неопределенности и не смогут обрести прибежища. Для того чтобы избежать двойственности принципа и проявления, самое лучшее — чтобы они полностью сливались.

Возьмем, к примеру, дом Цао-Дун: в нем есть относительное и абсолютное, светлое и темное. В доме Линь-цзи есть «хозяин и гость», есть сущность и действие. Хотя обусловленные учения этих школ различны, суть в них одна и та же. Нет ни одной школы, которая бы не включала в себя другие; будучи собранными воедино, они составляют одно целое. Точно так же в «Созерцании сферы реальности» говорится о запредельном принципе и явленных событиях и опровергаются внутренняя плотность и пустота.

Природа океана безгранична, и при этом она заключена в кончике волоса; гора, вздымающаяся ввысь на полю-

се, огромна, и при этом ее можно упрятать в семя. Разумеется, дело здесь не в восприятии совершенномудрых; просто образ реальности таков. Равно как не рожден он чудесным действием сверхъестественных сил и не является неким именем, насильственно данным тому, что ложно по природе. Его не следует искать, исходя из чего-то другого; все происходит из деятельности сознания.

Будды и чувствующие существа равны, так что, если истина эта не понята, будут возникать пустые разговоры, препятствующие различению загрязненного и чистого и смешивающие истинное и ложное. Относительное и абсолютное взаимодействуют друг с другом; сущность и действие перемешаны в спонтанной естественности. Об этом сказано так: «Если не понята хотя бы одна вещь, мелкая пыль застилает глаза». Если человек не может справиться со своими собственными болезнями, разве он в состоянии лечить болезни других? Необходимо быть предельно внимательным и беспристрастным; речь идет вовсе не о пустяках.

6. О субъективных, лишенных ясности суждениях относительно древних и нынешних изречений

Если человек пришел в общину, чтобы отдать все силы постижению учения, он должен выбрать себе наставника и хороших друзей. Учитель необходим для того, чтобы указывать путь; друзья необходимы для того, чтобы человек самосовершенствовался. Если наставник озабочен только пониманием себя самого, как он может вести за собой учеников и разъяснять миру учение школы? Где же в таком случае у него желание и воля к общению с людьми ради их блага?

Достаточно просто взглянуть на то, как достойные люди прошлого пересекали моря и горы, не боясь ни превратностей жизни, ни даже самой смерти, только ради того, чтобы произнести одно или два слова. Когда возникает хоть малейшая тень сомнения, вопрос нужно подвергнуть внимательному рассмотрению; единственное, к чему стремились древние, — это совершенная ясность. Только став вначале столпами истины, низвергающей ложь, став глазами и людьми и ангелов, древние поднимали печать учения на невиданную высоту и распространяли истину, выявляя правоту и ошибки предшествующих поколений, преодолевая препятствия и сомнения.

Если следовать своим собственным субъективным суждениям о прошлом и настоящем, не очистившись перед этим, то чем это отличается от исполнения танца с мечом тем, кто даже не научился держать его в руках, или попытки сдуру перепрыгнуть через яму, прежде не оценив, насколько она широка? Разве в таком случае человек не отсечет себе руку или не свалится в яму?

Тот, кто умеет выбирать, подобен гусю, выживающему молоко из воды; тот же, кто не умеет выбирать, подобен священной черепахе, оставляющей следы. Поэтому там, где есть действие положительное и отрицательное и где выражено взаимодействие, приходит к людям и приносить им вред — значит обращать абсолютное в относительное. Не следует давать волю неправильному сознанию и с его помощью пытаться измерить глубокий смысл совершенномудрых. Это особенно справедливо потому, что сущность «учения одного слова» может быть установлена при помощи мириад методов. Разве не следует помнить об этом, чтобы избежать противодействия?

7. О запоминании лозунгов теми, кто не обладает способностью к непостижимому действию, отвечающему нуждам времени

Дело не в том, что учеников, обладающих незаурядными способностями, некому вести; но даже если имеешь наставника, необходимо, чтобы нашло свое выражение глубокое действие; только тогда можно приблизиться к истинному пониманию. Если же ученик привязан к учению какой-нибудь школы и просто запоминает лозунги, это всего лишь умозрительное знание, но никак не проникновение вглубь.

Вот почему древние говорили: «Если твои взгляды такие же, как у твоего наставника, то ты не обладаешь и половиной его добродетели. Только если взгляды твои превосходят взгляды учителя, ты можешь распространять его учение». Далее, Шестой патриарх говорил старшему Мину: «В том, что я поведал тебе, нет никакой тайны; тайна — в тебе самом». А Янь-тоу сказал Сюэ-фэну: «Все происходит из твоего собственного сердца».

Таким образом, говорить, бить палкой, гневаться — все это не зависит от полученного от наставника наследия; как может непостижимое и чудесное действие, совершенно свободное, требовать чьего-либо одобрения?

Даже жемчуг и золото, если ни во что их не ставят, утрачивают свою красоту; даже галька и камни, если высоко ценить их, источают свет. Если отправляешься в путь тогда, когда должен это делать, сущность и явленность — в твоей власти; если действуешь тогда, когда должен действовать, не утрачиваешь и не упускаешь ничего.

То, что может дать достойный, не предназначено для недоучек. Не следует быть подобострастным педантом и привязываться к словесным оболочкам, полагая, что это и есть подлинный дзэн; не следует шевелить губами и деснами, полагая, что это и есть высшее понимание. В учение невозможно проникнуть с помощью языка; его невозможно постичь с помощью мысли. Мудрость рождается в обители бесконечного ничто; дух обретается в царстве неизмеримой глубины. То, что может сделать дракон или слон, не под силу ослу.

8. О неспособности овладеть учением сутр и ошибочных доказательствах

Тот, кто будет распространять колесницу учения и рассуждать об основах учения, должен прежде всего понимать, в чем смысл того, о чем говорил Будда, а также обрести гармонию с сознанием наставников прошлого.

Только после этого можно воспитывать учеников и направлять их практику, в зависимости от их способностей.

Если же ты не знаешь ни учения, ни принципов, но просто привязываешься к учению своей школы, если ты с готовностью приводишь доказательства, которые на самом деле ошибочны, ты навлечешь на себя лишь осуждение и насмешки.

При этом учение сутр есть не что иное, как выявление следов; совершенная и мгновенная Высшая Колесница подобна столбу с указателем. Даже если ты постигнешь сотни тысяч видов сосредоточения и бесчисленные доктрины и методы, ты лишь усугубишь свои страдания и не поймешь сути.

Более того, понимать обусловленное и возвращаться к абсолютному, собирать обратно к истоку все ростки и ветви, не принимать ни единой частички в царстве абсолютной чистоты и не отвергать ничего в практике просветленной деятельности, делать непреложные выводы на основе явлений, подбираться к сущности и устранять трудности — все это не имеет ничего общего с истоком дзэн.

Есть немало великих людей, прекрасно знакомых с учением сутр, истинных приверженцев глубокого знания древних, которые пользуются своим красноречием как острым лезвием и выставляют напоказ свое знание, как будто это залежи зерна в амбарах; когда они придут сюда, их следует научить спокойствию и сдержанности, добрым словам

не нарастающими как снежный ком. Когда они обнаружат, что все те слова и суждения, которые они выучили, есть не что иное, как богатство других, они впервые увидят несравненную сущность учения, которое подразумевает передачу знания вне какой бы то ни было доктрины.

Молодым ученикам не следует увязать в болоте, не вызывая насмешек других и навлекая позор на путь учения. Пусть они не считают, что в совершенствовании нет необходимости, а если и есть, то совсем незначительная. Если человек не понимает даже ветвей, как он может постигнуть корни?

9. О составлении стихов и песен тему, кто не знает размера и не постиг истинной реальности

В дзэн есть множество стихотворных и песенных стилей; некоторые короткие, некоторые длинные, одни древние, другие современные. В них звук и форма используются для выявления практической применимости; они высказываются о событиях, чтобы указать на состояние. Некоторые следуют принципу и говорят о реальности; другие осуждают положение дел, чтобы исправить нравы и поведение людей.

Таким образом, хотя их подходы различны, что неизбежно, поскольку они ставят перед собой разные задачи,

все они выявляют великую причину. Все вместе они превозносят сосредоточение Будды, вдохновляя учеников последующих поколений и подвергая критике мнимых умников предшествующих времен. В любом случае главный смысл заключен в словах, поэтому как можно составлять их произвольно?

Порой я встречаю признанных наставников и способных учеников, продвинувшихся в медитации, считающих составление стихов и песен приятным времяпрепровождением и пустячным делом. Они просто изрекают то, что чувствуют в данный момент, и зачастую их «творения» ничем не отличаются от вульгарных речей. Стихи, составленные просто из импульсивных чувств, подобны досужим разговорам.

Эти люди говорят о себе, что их ничуть не беспокоит грубость и не тревожит неряшливость; тем самым они пытаются убедить других в том, что слова их выходят за рамки мирских условностей и якобы устремлены к высшей истине. Знающие насмеются, читая их «сочинения», а глупцы принимают их на веру и распространяют их. Из-за таких людей принципы имен постепенно растворяются и лишь способствуют дальнейшему упадку доктринальных школ.

Разве вы не видели десятки тысяч стихов «Сутры цветочной гирлянды» и тысяч стихотворений дзэнских наставников? Все они написаны глубоким, живым и изыс-

канным языком, все они утонченны, чисты и немногословны. Их едва ли можно назвать подражанием мирским нравам и обычаям, которые отличает манерность и претенциозность.

Чтобы и в последующие времена стихи оставались неотъемлемыми от пути и источали бы истину даже в устах многих, необходимо прежде всего внимательно изучать жизнь древних и заимствовать истории из их жизни сообразно обстоятельствам. Если человек не обладает большими способностями, он должен быть естественен и прост; зачем изображать мнимую талантливость и сыпать заумными изысками?

Изрекающий вульгарные глупости извращает сущность Пути. Насаждающий убогое и неправильное понимание сеет беду. Неубедительная ложь в конце концов лишь навлечет позор.

10. О защите собственных недостатков и склонности к раздорам

В Поднебесной огромное множество общин и монастырей; однако, хотя их не менее полутысячи, разве не только один или два из них действительно способствуют распространению учения?

В них есть люди, постигшие Путь и вместившие его в себя, люди чистого поведения, временно идущие на поводу у чувств общины и отдающие все свои силы распространению учения; они отовсюду привлекают учеников и создают в той или иной области островки пробуждения. На утренних беседах и даже на собраниях общины они не бегут от испытаний и трудностей, они желают только одного — продлить жизнь мудрости пробужденных, и указывают путь начинающим.

Они делают все это не ради славы и не из стремления к выгоде и обретению покровительства; подобно колоколу, откликающемуся звуками, когда в него ударяют, они раздают лекарство, когда сталкиваются с болезнью. Ниспосылая дождь учения, они не склоняются ни к великому, ни к малому; когда они громычат громом учения, откликаются все — и дальние, и ближние. Их богатство и бедность естественным образом сменяют друг друга; они то активно действуют, то скрываются. Однако все это происходит не по причине их избирательного отношения к чему-либо, не из-за привязанности и не из-за отвергания.

Но есть и такие, кто получил печать Дхармы лестью и раболепием, кто занимает высокую должность, украв ее у другого. При этом они заявляют, что обрели Высшую Колесницу и вырвались за пределы мирских вещей. Они всеми силами защищают собственные недостатки и принижают достоинства других. Неспособные вырваться из кокона невежества,

они шлепают губами перед мясными рынками. Они думают только о земной власти и гордятся своим остроумием.

Они сплетничают и называют это состраданием; они неряшливы и небрежны, и называют это добродетельностью в поведении. Нарушая буддийские запреты и заповеди, забыв о достоинстве члена буддийской общины, они пренебрежительно относятся к Двум Колесницам и считают возможным обходиться без трех учений. Хуже того, они не в состоянии понять главного, и при этом принимают на себя бремя наставничества.

Таким образом, ныне, в конце эпохи подражательства, демоны сильны, а учение — слабо. Ложные учителя используют одеяние справедливости Будды с тем, чтобы красть человеколюбие и достоинство истинных царей. Уста их рассуждают о принципах освобождения, но сознание их захвачено демонами и духами. Раз у них нет ни совести, ни стыда, как они могут избежать неправильных поступков?

Я разоблачаю таких людей и им подобных, чтобы предостеречь остальных на будущее. Получить возможность встретиться с мудростью нелегко, но самое трудное — выбрать наставника. Если человек способен взять на себя ответственность, в конце концов он реализует сокрытые в нем способности. Я распространяю это горькое лекарство, будучи готов к тому, что меня оклеветают и возненавидят, только с одной целью — чтобы помочь обрести пробуждение тем, кто идет одной дорогой со мной.

ЮН-МИН

Ложные культы

Люди, пребывая в невежестве относительно качеств сущностной природы, неспособны постичь истинный источник. Забыв о пробуждении, они гоняются за пылью, отбрасывая корни ради ветвей. Они бьются в дьявольских сетях существования и несуществования, они блуждают в чаще ошибок, будучи не в состоянии отличить одно от многого. Пытаясь постичь подлинную пустоту, они отстраняются от природы реальности; устремляясь за возникающими и исчезающими чувственными объектами, они следуют за существованием и несуществованием объектов. Цепляясь за отрицание, не понимая вечного, они идут за обусловленным и забывают о сущностном. Они оши-

бочно разрабатывают умозрительные истолкования и культивируют ложные практики.

Некоторые выплавляют дух, возвращают энергию и сохраняют естественность*. Некоторые обрекают тело на муки, умерщвляют плоть и полагают это наивысшим путем.

Некоторые привязываются к не-схватыванию и укореняются в непосредственной данности. Некоторые в стремлении к безмятежному сосредоточению подавляют служащее сознание.

Некоторые, чтобы утвердить пустоту, освобождаются от чувств и отрицают явления. Некоторые привязываются к образам, приклеиваются к объектам и схватывают формы.

Некоторые отказываются от истинного света духовного источника. Некоторые уничтожают подлинную причинную основу буддийских принципов.

Некоторые отсекают сознание и замораживают сознание, погружаясь, таким образом, в неодушевленное состояние. Некоторые очищают сознание, но игнорируют реальность, и пребывают в некоей небесной подвешенности, из которой трудно пробиться к пробуждению.

Некоторые привязываются к миражам и цепляются за их существование. Некоторые отрицают абсолютно все.

* Имеются в виду последователи даосизма. — Прим. ред.

Некоторые отказываются от всех взглядов и обитают в темных покаях. Некоторые настаивают на восприятии и держатся за сознание.

Некоторые полагают понимание формой подлинного Будды. Некоторые имитируют бесчувственность, уподобляясь камню или куску дерева.

Некоторые привязываются к иллюзиям, словно это и есть высшее понимание — они похожи на тех, кто считает глину кувшином. Некоторые ищут освобождения, ставя при этом ложные цели, — они подобны ищущим воды, но отвергающим волны.

Некоторые проявляют спешку вовне и, заблуждаясь, порождают иллюзорные состояния. Некоторые придерживаются внутреннего и живут в тиши и безмолвии, тем самым воплощая невежество.

Некоторые привержены единому и считают все тем же самым. Некоторые проводят различия и выделяют индивидуальные сферы реальности.

Некоторые придерживаются невежественного различения и считают, что это и есть Великий Путь. Некоторые ценят пустоту и пребывают в уверенности, что отрицание добра и зла есть истинная практика.

Некоторые истолковывают непостижимость как вневещную пустоту. Некоторые считают реально существующими истинное добро и непостижимую форму.

Некоторые останавливают деятельность ума и отсекают мысли — они подобны ангелам с загрязненным сознанием. Некоторые размышляют о понимании и сосредоточении, тем самым попадая в яму умозрительных оценок.

Некоторые, будучи не в состоянии должным образом исследовать природу иллюзорных заблуждений, истолковывают ее как неведомое начало. Некоторые не понимают иллюзорной сущности и превращают «ничто» в культ.

Некоторые признают образы в качестве реальностей. Некоторые ищут реальность, будучи при этом привязанными ко лжи.

Некоторые воспринимают природу восприятия в качестве живого существа. Некоторые указывают на иллюзорные объекты как на неодушевленные.

Некоторые с готовностью вынашивают идеи и отворачиваются от безмятежного знания. Некоторые отсекают мысли и тем самым лишают себя способности к просветленному действию.

Некоторые упускают из вида естественные качества и создают взгляды относительно сознания и материи. Некоторые опираются на предельную пустоту и отрицают все подряд.

Некоторые цепляются за всеобщий принцип и тут же забрасывают все частности. Некоторые неправильно понимают постепенное постижение и становятся слепыми поборниками действия.

Некоторые, опираясь на сущность, отстраняются от объектов, тем самым лишь усугубляя свою привязанность к «я». Некоторые не обращают внимания ни на что, тем самым обрекая себя на вечное невежество.

Некоторые приходят к выводу, что люди и феномены таковы, каковы они есть естественным образом, и заключают, что причинности нет вовсе. Некоторые цепляются за комбинации объектов и ума и вынашивают представления об общей причинной зависимости.

Некоторые смешивают сознание и объекты, путают субъективные и объективные реалии. Некоторые привязываются к различению абсолютного и обусловленного, умозрительное знание преграждает им дорогу, и они плавают в океане глупости.

Некоторые являются приверженцами неизменяющегося единого, и тем самым впадают в слепое поклонение вечному. Некоторые пытаются определить характер рождения, пребывания, упадка и уничтожения, тем самым погружаясь в пучины отрицания.

Некоторые привязываются к не-культивированию, тем самым оспаривая заслуги совершенномудрых. Некоторые говорят, что есть понимание, и потому отворачиваются от естественной реальности.

Некоторые пребывают в восхищении самими собой и окружающей действительностью, тем самым покаясь

мирской суете. Некоторые отвергают и жизнь, и смерть и таким образом утрачивают истинное освобождение.

Некоторые неправильно понимают, что такое подлинная пустота, и в результате погрязли в пучине причин и следствий. Некоторые, не ведая о высшей реальности, мечтают о пробуждении и презирают смущение.

Некоторые привязываются к средствам и воспринимают их в качестве буквальных истин. Некоторые утрачивают реальность звуковых форм и ищут тишины вне слов.

Некоторые привержены доктринальным методам и отвергают спонтанное сосредоточение. Некоторые совершенствуют медитативное созерцание и отвергают взвешенные практики совершенного учения.

Некоторые соперничают за право быть признанными выдающимися, хотя на самом деле озабочены лишь своим положением — такие в мгновение ока погружаются в океан умозрительного знания. Некоторые изобретают чистоту, чтобы отыскать сокрытые тайны, а вместо этого попадают в ловушки царства теней.

Некоторые стремятся к необычным умозрительным истолкованиям, тем самым выдалбливая плоть и нанося раны. Некоторые придерживаются изначальной сущностной пустоты, но цепляются за лекарство, так что оно становится ядом.

Некоторые поглощают различные сочинения, выискивают сокрытые значения и так без конца пытаются вы-

пить поток до дна. Некоторые привязываются к покою и живут затворниками, погружаясь в пыль догм.

Некоторые рассуждают о бесформенной Великой Колеснице, намереваясь что-то получить. Некоторые, опираясь на умозрительные заключения, ищут мистическую истину за пределами вещей.

Некоторые отвергают разъяснения и создают впечатление полной невыразимости. Некоторые придерживаются разъяснений и при этом осуждают привязанность к указующему пальцу.

Некоторые утверждают активное действие и остаются у изначального истока рождения и смерти. Некоторые отдают все силы запоминанию и остаются в пределах со-знающего мышления.

Некоторые, постоянно что-то изменяя и к чему-то приспособляясь, утрачивают сущность полного понимания. Некоторые пускают все на самотек и утрачивают метод вступления на путь.

Некоторые прилагают огромные физические и духовные усилия и попадают в рабство к своим выдумкам. Некоторые, ни о чем не беспокоясь, оставляют все как есть и оказываются в зависимости.

Некоторые усердно сосредотачивают внимание на мышлении и созерцании, тем самым утрачивая правильное восприятие. Некоторые имитируют неограниченную свободу и отказываются от совершенствования.

Некоторые следуют привязывающим устремлениям, слишком полагаясь на внутреннюю сущностную пустоту. Некоторые привязываются к зависимости и произвольно пытаются покончить с нею.

Некоторые настолько серьезны, что развивают в себе привязанность к учению. Некоторые настолько легкомысленны, что уничтожают саму основу пробужденности.

Некоторые ищут с таким упорством, что отворачиваются от изначального сознания. Некоторые ослабляют внимание и становятся неосмотрительными.

У некоторых отсутствует чувство реальности — их слова и их понимание расходятся. Некоторые уничтожают колесницу пробуждения, проявляя несоответствие существования и действия.

Некоторые цепляются за безмятежность, привязываются к пустоте, тем самым утрачивая природу великого сострадания. Некоторые не обращают внимания на условия и отвергают преходящее, тем самым теряя из виду врата естественности.

Некоторые привязываются к идее «я» и пребывают в невежестве относительно пустоты «я». Некоторых сбивает с толку непосредственный опыт, и они усугубляют свою привязанность к доктрине.

Некоторые истолковывают учение, не обладая истинной верой, тем самым увеличивая ложные взгляды. Неко-

торые обладают верой, но не обладают пониманием, и сеют невежество.

Некоторые утверждают субъективное, но отвергают объективное. Некоторые заявляют, что состояние глубоко, а знание — неглубоко.

Некоторые, схватывая все подряд, неправильно понимают природу вещей. Некоторые, отвергая все подряд, отворачиваются от непосредственной реальности.

Некоторые, вследствие своей отстраненности, нарушают причинную зависимость. Некоторые из-за своей привязанности забывают о следствиях.

Некоторые, отрицая, отвергают реальность. Некоторые, утверждая, уничтожают временные средства.

Некоторые ненавидят невежество, но тем самым поворачиваются спиной к вратам непреложного знания. Некоторые не любят изменяющиеся состояния, но тем самым разрушают способность приспосабливаться в природе реальности.

Некоторые основываются на принципе тождества и становятся надменными и тщеславными. Некоторые отвергают различия и тем самым уничтожают методы конкретных практик.

Некоторые утверждают пробуждение, но отвергают цикл истинного учения. Некоторые отвергают чувствующих существ и не признают истинного тела Будды.

Некоторые привязываются к изначальному знанию и отвергают мудрость практики. Некоторые упускают подлинный источник и цепляются за преходящие методы.

Некоторые пребывают во власти запредельного и погружаются в пучину недеяния. Некоторые цепляются за образы и запутываются в сетях иллюзий.

Некоторые уничтожают границы и стирают следы, отворачиваясь от врат двойного просветления. Некоторые придерживаются прямоты, следуют середине, но утрачивают понимание практических техник.

Некоторые односторонне, без соблюдения должного равновесия, культивируют сосредоточение и понимание, тем самым выкорчевывая ростки пути. Некоторые самостоятельно дают обеты, тем самым уничтожая семьи пробужденных.

Некоторые практикуют недеяние и тем самым возводят в культ ложное пробуждение. Некоторые привязываются к непривязывающемуся сознанию, овладевая подражательным знанием.

Некоторые ставят своей целью чистоту, не понимая подлинной природы загрязненности. Некоторые цепляются за абсолютное и утрачивают изначальную пустоту преходящего.

Некоторые практикуют бесформенное созерцание, тем самым создавая препятствия истинной таковости. Неко-

торые придумывают для себя «чувство знания» и тем самым отворачиваются от сущности реальности.

Некоторые внимают правильным разъяснениям, но понимают их буквально. Некоторые, испив эликсира бессмертия, тем не менее умирают молодыми.

Некоторые настолько искренни в отношении принципа завершенности, что развивают в себе отношение слепой привязанности; они пьют драгоценный нектар, но превращают его в яд.

Все кратко перечисленные выше сто двадцать типов взглядов и представлений характерны для ложных культов. Следующие им утратили источник и отвернулись от сущности учения.

Взаимодействие сосредоточения и понимания

В дзэн и учениях есть два метода, они — самые почитаемые из мириад практик десяти совершенств. Поначалу их называют «прекращением и видением», чтобы помочь начинающим; потом они становятся сосредоточением и мудростью, корнями пробуждения.

Они составляют одну реальность, имеющую две части. В тишине сущности реальности есть прекращение все-

проникающей истиной; когда нет слов, но есть понимание, рождается непостижимое видение.

Сосредоточение — это отец, понимание — это мать; вместе они могут вместить тысячи совершенномудрых, развить их способности и силы, взрастить их священный дар, в каждое мгновение мысли дать рождение буддам и наставникам.

Сосредоточение — это полководец, понимание — это министр; они могут помочь правителю сознания в обретении непревзойденных, могут дать возможность всем постичь Путь, так, как это делали будды древности.

Сосредоточение подобно луне, сияющей так ярко, что звезды ошибочных представлений и заблуждений блекнут. Если уж человеку по силам высоко держать факел знания, то что уж говорить о том, что яснее и чище, нежели он. Раскрывая ростки пробуждения, сосредоточение снимает оковы чувственных ощущений.

Понимание подобно сверкающему солнцу, рассеивающему тьму невежества. Оно способно обратить в запретную мудрость даже учение невежд, следующих ложным взглядам.

Короткое время безмолвия, момент покоя постепенно становятся правильным сосредоточением. Совершенномудрые, прилагая весьма незначительные усилия, в конце концов проникали в непостижимую сущность опоры знания.

Как только познакомишься даже с малейшей частью учения, оно может повлиять на тебя так, что прорастут семена пробуждения. В тот миг, когда поворачиваешь светильник понимания, открывается правильное сознание — тогда в мгновение ока можешь постичь учение Будды.

Сила сосредоточения и концентрации непредставима; в мгновение ока она превращает обычного человека в совершенномудрого. Безграничные рождение и смерть пресекаются в самом корне; уничтожается гнездилище мирских страданий, накопленных за множество веков. Это вода, успокаивающая сознание; это жемчуг, очищающий волю; свет его наполняет мириады форм и озаряет тысячи дорог.

Когда раскрываешь глаза, не существует никаких препятствий, изначально в мире нет ничего, что бы ограничивало тебя. Если вовремя покончить с ворами, похищающими внимание и восприятие, в мгновение ока можно излечиться от болезни привязанности к объектам.

Если смыть грязь мыслей и очиститься от пыли заблуждений, проявится тело реальности и укрепитесь жизнь мудрости. И тогда, даже если разверзнется небо и опрокинется земля, ты, подобно несокрушимой горе, подобно неподвижному океану, ничуть не изменишься. Источающий свет, словно алмаз в лунном свете, безграничный и безмятежный, воистину, ты свободен и независим.

Никто не в состоянии измерить мудрость; естественным образом, сообразно условиям, она являет свет сознания. Она впереди мириад практик, она — духовный правитель на все времена. Она осушает океан страдания и сокрушает горы заблуждений.

Когда на какое-то время рассеиваются тучи заблуждений, в мгновение ока в доме бедной женщины появляется золото, а во лбу борца вновь загорается жемчужина. Вырывающаяся из сетей глупости, пресекающая поток желаний, устрашающая сила великого человека не знает себе равных: она может остудить железные кровати и медные кольца кругов ада и покончить с демонами и врагами учения. Разрешающая споры, исполняющая величие и справедливость, повсюду являет она людям мудрость пробужденных. Пристрастное и извращенное знание оказывается полностью подчиненным источнику; и малые, и великие получают руководство.

Одностороннее культивирование сосредоточения — это чистое инь; оно губит людей и разрушает правильную жизнь. Если же использовать для прояснения сосредоточения правильное понимание, все вещи в мгновение ока очистятся и станут подобными зеркалу.

Одностороннее культивирование понимания есть чистое ян; оно иссушает людей и привязывает их к пути. Необходимо использовать высшее сосредоточение, чтобы

подкрепить практику созерцания, подобно тому, как чистый свет луны рассеивает туманный покров.

Я рекомендую не односторонние практики, но культивирование в равной степени и сосредоточения, и понимания. Ведь изначально они суть не две вещи, но цельное одно. Это подобно птице, парящей в небе при помощи двух крыльев, это подобно колеснице, движущейся на двух колесах. Так, прямо среди мирской суеты, ты выкарабкиваешься на берег пробуждения, а потом плывешь на лодке сострадания по океану кармы.

Есть сосредоточение на конкретном, при котором результат достигается при фиксации сознания в одной точке. Есть сосредоточение на абстрактном, при котором следует только непосредственно всматриваться в сущностную природу сознания.

Есть созерцание конкретного, при котором проясняются свойства вещей и развивается способность суждения. Есть созерцание абстрактного, при котором внезапно постигается, что нет ни Одного, ни «того, что за пределами».

Поскольку сосредоточение само по себе есть понимание, они не есть ни одно, ни два, ни какое бы то ни было измерение сознания. Поскольку понимание само по себе есть сосредоточение, за пределами видения и слышания они не есть ни одно и то же, ни различное.

Иногда они действуют совместно, и тогда ты спокоен, но восприимчив, ты проникаешь в учение истинного. Иногда

они оба исчезают, ни сосредоточения, ни понимания — это выходит за пределы обычных условностей.

Если обладаешь запредельным пониманием, то нет ничего неестественного в том, чтобы погрузиться в сосредоточение в одной мельчайшей частице, а выйти из него — во множестве мельчайших частиц. Пребывая в состоянии младенца, ты рассуждаешь о принципах реальности с видом умудренного старца. Если сможешь проникнуть в один объект — все объекты суть то же самое; и ближайшая к тебе частичка, и удаленные от тебя земли — все постигается в равной степени. На пути истинной таковости ты рассуждаешь о рождении и смерти; в океане невежества ты проповедуешь совершенное учение. Глаз может выполнить пробужденную работу носа; погрузившись в сосредоточение в частичке твердого вещества, ты выходишь из него в частичке запаха.

Сознание и объекты суть всегда одно и то же; различаются же только взгляды. Кто говорит о никчемности культивирования — волны по природе своей суть вода. Не безмолвный и не сияющий, пребывающий за пределами слов и мысли, при этом безмятежный и всепостигающий, действующий несравненным образом, так, что и переходящее, и истинное осуществляются в равной степени, ты вступаешь на правильный путь; сущность и действие дополняют друг друга, и ты воплощаешь непостижимое послание.

Призываю вас не терять времени попусту, ведь оно быстро, как стрела; стремительно, как поток воды. Рассеянность происходит только из-за недостатка сосредоточенности; глупость и слепота обусловлены недостатком истинного знания.

Следует внимать истинным словам. Тысяча сутр и десять тысяч трактатов говорят об одном и том же: никогда не забывать о великом следствии сосредоточения и понимания — в один миг ты возвращаешься в состояние подлинной пробужденности.

Сосредоточение требует практики; понимание требует обучения. Не допускайте, чтобы опора духа была сокрушена.

Огромное дерево вырастает из тоненького саженца; постепенно выстраивающаяся в целое действенная практика даст рождение великолепию и совершенству. Даже обезьяна, практикующая сосредоточение, рождается в небесных сферах; маленькая девочка, испытывавшая минутное понимание, открывает врата Пути.

Когда вы в состоянии помочь себе и помочь другим, причина и следствие исполнены; этого невозможно достичь без сосредоточения и понимания.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 Санскритские имена

АНАНДА — один из главных учеников Будды, славившийся усердием в учении. См. «Передача светильника», гл. 3.

АРЬЯДЕВА — по традиции считающийся пятнадцатым индийским патриархом дзэн Арьядева (также Канадева) был учеником великого индийского философа Нагарджуны и сам прославился своими философскими сочинениями. См. «Передача светильника», гл. 10.

АВАЛОКИТЕШВАРА — образцовый бодхисаттва (стремящийся к пробуждению). Имя его буквально означает «способность к объективному созерцанию». Авалокитеш-

вара олицетворяет сострадание. См. «Сутра цветочной гирлянды».

БРАХМА — индуистское божество, ассоциируемое в первую очередь с созиданием.

ДИПАНКАРА — Будда, имя которого означает «светильник»*, под таким названием также упоминается в китайской традиции. Древний пробужденный, в присутствии которого Будда вдохновился на поиск истинной природы.

ИНДРА — «царь богов». Индуистское божество, властвующее над тридцатью тремя небесными сферами.

МАХАСТХАМАПРАПТА — образцовый бодхисаттва, олицетворяющий духовную силу. Особой популярностью пользовался в традиции школы Чистой Земли. Имя его означает «Наделенный великой силой».

МАНЬДЖУШРИ — образцовый бодхисаттва, олицетворяющий мудрость и знание. Имя его означает «Прославленный». См. «Сутру цветочной гирлянды», кн. 9 и 10.

НАГАРДЖУНА — один из величайших буддийских мыслителей, по мнению некоторых, по своему значению уступающий лишь Будде. Автор фундаментальных сочинений о пустоте и Срединном пути. По традиции, также вернул из «другой» сферы сознания «Праджняпарамита сутру» и «Аватамсака сутру». Считается также четырнадцатым

* Точнее, «Возникающий светильник». Согласно преданию, Дипанкара пророчествовал будущему Будде Шакьямуни (тогда еще бодхисаттве), что через много рождений тот непременно станет Буддой. — *Прим. ред.*

индийским патриархом дзэн-буддизма, а также патриархом, или «святым покровителем» школ Тяньтай, Чистой Земли и тантрического буддизма. См. «Передача светильника», гл. 15.

САМАНТАБХАДРА — образцовый бодхисаттва, олицетворяющий практическое свершение и действие. Имя его означает «Вселенское благо». Также олицетворяет целокупность деятельности бодхисаттвы. См. «Сутру цветочной гирлянды».

ШАКЪЯМУНИ — Гаутама, исторический Будда.

ТАТХАГАТА — эпитет Будд, означающий «Так Приходящий», т. е. объективную реальность.

ВАЙРОЧАНА — изначальный «Будда Великого Солнца». Олицетворяет чистое понимание, или «Тело Света».

ВИМАЛАКИРТИ — персонаж сутр, полностью пробудившийся Будда, домохозяин (мирянин). Имя его означает «Чистый», «Незапятнанный». Символизирует саму Дхарму. См. «Записи Голубой скалы», история 84.

ЯДЖНЯДАТТА — герой одной из наиболее известных в дзэн-буддийской традиции историй. Однажды человек по имени Яджнядатта посмотрел в зеркало и не увидел своего лица. Не догадавшись, что зеркало повернуто к нему обратной стороной, Яджнядатта в неистовстве метался по комнате, думая, что потерял голову. История символизирует то, как обычные люди захвачены объектами и

находятся в плену у ситуации, забывая о подлинном сознании и подлинном «я».

Приложение 2

Китайские термины

ВЕЛИКИЙ НАСТАВНИК МА — Ма-цзу, выдающийся китайский наставник, живший в VIII в., ученик Хуай-жана и учитель большинства наставников следующего поколения. Ма-цзу и Си-цзянь (Ши-тоу) считались величайшими наставниками своего времени; большинство учеников занималось под руководством и того, и другого.

СИ-ЦЯНЬ — более известен как Ши-тоу. Выдающийся наставник VIII столетия, автор классического сочинения «Цань тун ци», или «Интеграция различения и единства».

СИН-СЫ — наставник VIII в., ученик Хуэй-нэна, согласно традиции Южной школы, шестой китайский патриарх дзэн-буддизма. Син-сы был учителем Ши-тоу и потому считается общим предком домов Цао-Дун, Юнь-мэнь и Фа-янь.

ХУАЙ-ЖАН — наставник VIII в., ученик Хуэй-нэна, шестой патриарх дзэн-буддизма. Он был учителем Ма-цзу и потому считается предком домов Гуй-Ян и Линь-цзи.

ХУЭЙ-НЭН — шестой патриарх, или Великий наставник дзэн согласно традиции Южной школы, которая сле-

довала его учению и в конце концов приобрела популярность гораздо большую, чем другие дзэнские школы, такие, как Северная или школа Бычьей головы. По преданию, Хуэй-нэн, умерший в начале VIII в., был неграмотным лесорубом, обретший высшее пробуждение спонтанно, через «знание, которое не имеет наставника».

ЛИ ТУН-СЮАНЬ — буддист-мирянин, живший в VIII в. Слыл большим знатоком «Автамсака (Хуаянь) сутры», автор одного из самых известных комментариев к ней.

ЛУ-ШАНЬ — наставник Бао-юнь, преемник великого Ма-цзу.

НАСТАВНИК ЧЖИ — Бао Чжи, мистик, живший в V–VI вв., автор дидактических стихов, высоко ценившихся последователями дзэн. Также фигурирует в дидактических историях.

СЭН-ЧЖАО — буддийский ученый и мистик, живший в IV–V вв.*; ученик знаменитого переводчика Кумараджи, автор целого ряда необычных сочинений, пользовавшихся большой популярностью в дзэнской традиции.

ШЭНЬ-СЮ — наставник, живший в VII в., согласно Северной традиции — шестой патриарх дзэн.

ДЭ-ШАНЬ — наставник IX в., учитель великого Сюэ-фэна, предшественник дома Юнь-мэнь. В историях и

* Его годы жизни: 384–416 гг. — Прим. ред.

рассказах часть бьет учеников, чтобы вырвать их из замкнутого круга привычных мыслей.

Янь-тоу — весьма необычный наставник, живший в IX–X вв. Традиционно считается преемником Дэ-шаня. Побудил к полному пробуждению Сюэ-фэна.

Приложение 3

Технические термины

ЭПОХА ПОДРАЖАНИЯ — согласно буддийской традиции, учение проходит через три последовательных периода: истины, подражания и упадка. Существуют различные версии исторических эпициклов учения. Согласно одной из них, которая помещает китайских наставников классического периода в конец эпохи подражания, истинное учение господствовало пятьсот лет, после чего последовало тысячелетие подражательного учения.

БОДХИСАТТВЫ — существа, стремящиеся к пробуждению на благо всех существ. Имеются в виду либо люди, всецело преданные пути пробуждения, либо божественные создания, выражающие главные принципы буддизма.

ГРУППЫ МЕНТАЛЬНЫХ И ФИЗИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ — форма, чувство, восприятие, обуславливание и сознание.

МИГНОВЕННОЕ И ЗАВЕРШЕННОЕ — согласно школе Тяньтай, высший тип учения и знания, в котором тоталь-

ность истины предстает в виде единого целого и постигается разом, а не поэтапно.

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ И МУДРОСТЬ — сущностные составляющие дзэнской медитации. Сосредоточение, лишённое мудрости, усугубляет и укореняет изъяны сознания. Мудрость без сосредоточения нестабильна и трудноприемима.

СОЗЕРЦАНИЕ СФЕРЫ РЕАЛЬНОСТИ — учебная созерцательная практика, разработанная Ду Шунем (557–640), считающимся основателем буддийской школы Хуаянь, учение которой строится на одноименной сутре — «Сутре цветочной гирлянды».

ВОСЕМЬ СОСРЕДОТОЧЕНИЙ — система медитации, состоящая из четырех этапов плюс четыре вида достижения бесформенной погруженности: погруженности в бесконечность космоса, погруженности в бесконечность сознания, погруженности в бесконечность «ничто» и погруженности в ни восприятие, ни не-восприятие.

ВОСЕМЬ УЧЕНИЙ — схема классификации буддийской школы Тяньтай, призванная охватить все разнообразие буддийских учений в их целокупности. Под «восемью учениями» понимаются четыре уровня доктрины и четыре типа обучения. Четыре уровня доктрины это: Трипитака, или уровень элементарного учения; Общее, или учение о пустоте, общее для всех бодхисаттв; Отделенное, или унитарное учение, постичь которое могут только бодхисаттвы

более высоко уровня; и Совершенное, доступное только высшим бодхисаттвам, в котором тотальность истины отражается мгновенно. Четыре типа обучения это: постепенное, мгновенное, непривязанное и тайное.

Стоять ПЕРЕД СТЕНОЙ — олицетворение невежества и неспособности положить конец различию.

ГЕКСАГРАММА «ОГОНЬ» — символическая фигура древней «Книги Перемен». Триграмма «Огонь» состоит из двух сплошных линий с прерванной линией посередине. Одноименная же гексаграмма состоит из двух таких триграмм, одна над другой. В контексте дзэн-буддизма гексаграмма олицетворяет интеграцию относительного и абсолютного, а также взаимодействие дискурсивного и интуитивного сознания, через которое распознаются относительное и абсолютное.

Пять ЭПОХ — классификационная схема буддийской школы Тяньтай, призванная сгруппировать сутры соответственно определенному типу учения, соответствующему определенному времени, согласно проповеднической деятельности Будды. Первая эпоха — «Сутры цветочной гирлянды», когда Будда, сразу после пробуждения, впервые явил высшее понимание. Вторая эпоха — время «недалеких». Увидев, что большинство людей неспособно понять учение «Цветочной гирлянды», Будда отступил и стал проповедовать элементарные методы самоочищения. Третья эпоха — время «осуждения», или поворота от

малого к большому. Осуждается привязанность к методологии элементов (дхарм) и вводится буддизм Махаяны. Четвертая эпоха — время совершенства мудрости, когда все привязанности уничтожаются в пустоте. Пятая эпоха — время «лотоса», или «великого наследования». Будда проповедует единство и вечность истины, а также всеобщность сущности природы Будды.

Пять КОЛЕСНИЦ — в школах Хуаянь и Тяньтай определяются по-разному. Олицетворяют различные уровни вдохновения и действия, от нравственного поведения в обществе, сосредоточения сознания и внутреннего покоя до высшего просветления и полного пробуждения сознания.

ЧЕТЫРЕ СТУПЕНИ МЕДИТАЦИИ — Первая характеризуется вниманием, отражением, радостью, блаженством и целеустремленностью. Вторая — внутренней чистотой, радостью, блаженством и целеустремленностью. Третью отличают беспристрастность, воспоминание, проникновение, блаженство и целеустремленность. Четвертая не характеризуется ни болью, ни удовольствием, ни беспристрастностью, ни воспоминанием, ни целеустремленностью.

ТОПЛЕННОЕ МАСЛО — символизирует природу Будды, потенциал, сокрытый в сознании каждого, подобно тому, как масло потенциально сокрыто в молоке.

ГОРА ХЭН-ШАНЬ — одна из пяти священных гор Китая.

ЕДИНАЯ КОЛЕСНИЦА — санскритское Экаяна. Означает самые глубокие принципы буддийского учения, воспринимается, постигается и определяется различными способами. Особый интерес представляет взаимодополняющий контраст между «центростремительной» унитарностью «Саддхармапундарика сутры», или «Сутры Лотоса», и «центробежной» унитарностью «Аватамсака сутры», или «Сутры цветочной гирлянды». В «Сандхинирмочана сутре», разрабатывающей философию и технику буддийской йоги, Экаяна понимается как единство абсолютной истины. Унитарность дзэн-буддизма основывается на так называемом «едином сознании», которое представляет возможность синтезировать восприятие единства и самотождественности абсолютной истины в традиции «Лotosовой сутры» и «Сутры цветочной гирлянды», равно как и единство абсолютной истины.

ШЕСТЬ ВИДОВ БРЕННОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ — животные (олицетворение глупцов), демоны (олицетворение жадности), титаны (олицетворение гнева), ад (олицетворение одновременно глупости, алчности и ненависти), люди (олицетворение социальных добродетелей) и небеса (олицетворение различных состояний медитации).

ШЕСТЬ СОВЕРШЕНСТВ — даение, соблюдение обетов, терпение, усердие, сосредоточение и мудрость.

ПРЕКРАЩЕНИЕ И СОЗЕРЦАНИЕ — два аспекта медитации: пресечение заблуждений и видение истины.

ТАТХАГАТА — эпитет будд.

ДЕСЯТЬ ЭТАПОВ — изначальная решимость, приготовление оснований, практика и действие, рождение в знатном доме, доведение до совершенства искусства в средствах, правильное состояние сознания, невозвращение к прежнему состоянию, природа юности, принцип учения, возведение на престол. См. «Сутра цветочной гирлянды», кн. 15.

ДЕСЯТЬ ПРЕДАННОСТЕЙ — преданность делу спасения всех живых существ без какого-либо ментального представления живых существ; нерушимая преданность; преданность, равная преданности всех Будд; преданность, проникающая повсеместно; преданность неистощимой сокровищницы добродетелей; преданность, сохраняющая все корни добра; преданность в равной степени всем живым существам; преданность, исполненная истинной таковости; ни к чему не привязанная, неограниченная и совершенно свободная преданность; беспредельная преданность, равная космосу. См. «Сутру цветочной гирлянды», кн. 25.

ДЕСЯТЬ СОСТОЯНИЙ — элементы духовной подготовки: вера, сознание, усердие, разум, сосредоточение, упорство, сохранение, преданность, дисциплина и свершение.

ДЕСЯТЬ ВЕЛИКИХ УЧЕНИКОВ БУДДЫ — группа учеников Будды, куда входят уже упоминавшиеся выше Шарипутра, Кашьяпа, Субхути, Ананда, Маудгальяна и пр. Все

они олицетворяют различные психологические типы людей.

ДЕСЯТЬ СОВЕРШЕНСТВ — уже упоминавшиеся выше шесть совершенств плюс принесение обетов, искусность в средствах, сила и знание.

ДЕСЯТЬ ПРАКТИК — дарование радости, благодеяние, непротивление, упорство, несмущенность сознания, проявление добра, непривязанность, преодоление трудностей, благое учение, истина. См. «Сутру цветочной гирлянды», кн. 21.

ДЕСЯТАЯ СТУПЕНЬ — высшее состояние бодхисаттвы.

ТРИ КОРЗИНЫ — название буддийского канона (Трипитаки), состоящего из трех разделов:

ТРИ СФЕРЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ — сфера желаний, сфера форм и сфера не-форм.

ТРИ ВИДА ОБУЧЕНИЯ — классическая буддийская подготовка: дисциплина, сосредоточение, мудрость.

ТРИ КОЛЕСНИЦЫ — слушатели, одиноко пробудившиеся и бодхисаттвы. Две первые считаются низшими, третья — высшей. Если удел первых двух — индивидуальное освобождение, то последняя стремится к спасению всех живых существ.

«УДАР МОЛНИИ» — ритуальная практика тантрического буддизма, в доме Цао-Дун он олицетворяет «Пять в одном», т. е. пять типов дзэнского учения как пять аспектов одной реальности.

ТРОИЧНЫЙ МИР — обусловленный мир, называемый так по наличию трех сфер: желания, форм и не-форм.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЦАРСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ — имеется в виду весь спектр состояний обусловленного сознания, или психических состояний.

ДВЕ ИСТИНЫ — относительная истина и абсолютная истина. Все учения Будды основаны на приятии двух истин, причем нередко ориентиры переходят из относительной сферы в абсолютную и наоборот.

БЕЛЫЙ БУЙВОЛ В ОТКРЫТОМ ПРОСТРАНСТВЕ — символ проявленной природы Будды.

БОРЕЦ С ДРАГОЦЕННЫМ КАМНЕМ ВО ЛБУ — символ сокрытой природы Будды.

Приложение 4 Дзэнские истории

СЛОВА НАСТАВНИКА ДА-АНЯ О ЗАЛЕ ДЛЯ БЕСЕД.

Один монах вошел в зал для бесед наставника Да-аня, огляделся и сказал: «Прекрасный зал, но здесь никого нет». В дверь вошел наставник и спросил: «Как это так?» Монах ничего не ответил.

СЛОВА БАЙ-ЧЖАНА «ЧТО ЭТО».

Наставник Бай-чжан вначале велел всем покинуть зал для занятий, а потом, когда все стали уходить, призвал их обратно и спросил: «Что это?»

ОТВЕТ ДУН-ШАНЯ НА СЛОВА ЮНЬ-ЯНЯ, СКАЗАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ОБРАБОТКИ ПОЛЯ.

Когда Дун-шань и Юнь-янь обрабатывали участок земли, на котором рос имбирь, Юнь-янь упомянул одного из наставников прошлого. «И куда же ушел этот человек?» — спросил Дун-шань. Юнь-янь достаточно долго молчал, а потом сказал: «Что? Что?» — «Слишком поздно», — сказал Дун-шань.

ВЭНЬ-ШУ И ЧАЕПИТИЕ.

Когда Вэнь-шу пил чай с У-чэ, он поднял хрустальную чашку и спросил У-чэ: «Разве на юге тоже есть *это*?» — «Нет», — ответил У-чэ. «Тогда из чего же они обычно пьют чай?» — спросил Вэнь-шу. У-чэ ничего не ответил. Потом эту историю рассказывал Дун-шань: словно отвечая на вопрос вместо У-чэ, он вытянул руку и сказал: «Оставив на минуту “да” и “нет” в стороне, могу я взять *это*?»

ЯО-ШАНЬ И ЧУНЬ БУ-НА ОБ ОМОВЕНИИ БУДДЫ.

Чунь Бу-на совершал церемонию омовения образа Будды. Яо-шань спросил: «Ты можешь омыть *это*, но можешь ли ты омыть *то*?» — «Принеси мне *то*», — ответил Чунь. Яо-шань больше ничего не спрашивал.

СЛОВА ЯО-ШАНЯ О НОШЕНИИ МЕЧА.

Когда Яо-шань путешествовал по горам вместе с Юнь-янем, сбоку на поясе у него висел меч, который громыхал при каждом шаге. «Откуда этот звук?» — спросил Юнь-

янь. Яо-шань достал меч из ножен и рассек воздух. В последующем Дун-шань так комментировал эту историю: «Посмотрите, Яо-шань отдает нашему делу всего себя без остатка; если нынешние поколения хотят понять запретное, они прежде всего должны понять смысл этого».

ПЯТЬ ДОМОВ ДЗЭН

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Художественный редактор *Лосев П. П.*
Компьютерная верстка *Кирюкова Ю. С.*
Корректор *Пурицкая Е. В.*

ООО «Издательская группа «Евразия»
Лицензия на издательскую деятельность
серия ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.
191194, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н
тел. 303-93-35
e-mail: evtasia@peterlink.ru

Подписано в печать 20.02.2001 г.
Объем 8 печ. л. Формат 70х100¹/32.
Гарнитура «Гарамонт».
Тираж 4000 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Заказ № 106.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПК «Лениздат»
(типография им. Володарского) Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Среди поистине бесчисленного множества признаваемых сочинений, созданных многими и многими наставниками и школами, возникавшими и уходившими в небытие за долгие столетия истории дзен-буддизма, безусловно, выделяются те, что составили изначальный свод классических дзенских историй, и связываются с так называемыми "Пятью домами дзен".

ISBN 5-8071-0068-9

9 785807 100689

咏松寂拜書于麓栗之